

Лев Тимофеев

С использованием
свидетельских показаний:

Гавриила Попова

Эдуарда Шеварднадзе

Звиада Гамсахурдиа

Константина Майданюка

Олега Калугина

Елены Боннэр

политике

О тeneвых влияниях в большой

ЗАЧЕМ
ПРИХОДИЛ
ГОРБАЧЕВ

Лев Тимофеев

ЗАЧЕМ ПРИХОДИЛ ГОРБАЧЕВ

О теневых влияниях
в большой
политике

Антон Козлов

Метакоррупция.
Уголовные истоки
партии
большевиков

Независимое издательство ПИК Москва 1992

Художник Ирина Разина

ISBN 5-7358-0145-7

© Л.Тимофеев

© Русское издание. Независимое издательство ПИК, 1992.

© И. В. Разина, оформление.

Издание осуществлено при участии La Presse Libre, Париж.

Оригинал-макет изготовлен в издательском центре СКБ ВС.

Сегодня дома все спокойно. Дети пришли из школы. Из коридора слышно, как наша младшая дочь Катя и наш любимый маленький сосед Левочка рассказывают друг другу какие-то веселые глупости и тихо смеются. Несколько лет назад, когда меня арестовали, а дети были поменьше, они день за днем играли в тюрьму. Они сооружали строение из кубиков, досочек, «конструкторов» — и все это называлось «тюрьмой для Катиного папы», то есть для меня, и вместе со мной, как бы сидящим в этих ярких сооружениях, сидели любимые Катины куклы, размещались Левины машинки, крокодилы, зайцы... Из столов, стульев, кресел, одеял и пледов у них получалось уютное логово — и это тоже была тюрьма, и они залезали туда и *сидели* в тюрьме...

Теперь наши дети играют в «менеджера». Они покупают фабрики и железные дороги, предлагают товары на бирже, считают и меняют деньги. Сидя над большой коробкой с игрушечными акциями и банкнотами, они торгуются, спорят, кричат от нетерпения и от восторга, горько плачут от неудачи... Нам, взрослым, всю жизнь считавшим мятые рубли и днями простаивавшим в очередях за самым необ-

ходимым, странно видеть детей со стотысячными купюрами в руках, странно смотреть на игру, где ожидания, надежды и само понятие удачи связаны с миллионными барышами.

До коммерческого ли выигрыша нам было, если три поколения подряд главной мечтой и надеждой миллионов людей было дожить до конца лагерного срока, освободиться из тюрьмы, вернуться из ссылки — и забиться куда-нибудь поглуше, в какую-нибудь норку, заслониться чем-нибудь, свернуться в клубочек, чтобы вездесущий КГБ перестал бы тебя замечать, забыл бы о тебе... Неужели наши дети будут свободны от этого чувства? Мы же от него никогда не освободимся.

Мы привыкли, что нас постоянно подслушивают, что за нами подглядывают. Где-то, кажется в каком-то интервью с одним из новых шефов реорганизуемого КГБ, была названа цифра прослушивавшихся телефонов — 700 в Москве и сказано, что прослушивание снято. Сколько же человек с облегчением вздохнули — 700? Но опасались-то прослушивания уж точно не 700, а тысячи. Хотя прежде официально заявлялось, что КГБ вообще никого не прослушивает, но неофициально-то насаждалась и постоянно поддерживалась убежденность, что прослушивают поголовно всех. И теперь, когда названа эта цифра и заявлено, что, мол, все как бы заочно и негласно реабилитированы (точно так же, как когда-то заочно и негласно были в чем-то подозреваемы), — мы поверили, вздохнули с облегчением? Честно говоря, это даже как-то и не очень заботило нас — мы давно привыкли. Это даже не оскорбляло. Скажем, уже совсем недавно, года три назад, то есть в пору «перестройки», не раз бывало, что мои гости, проходя мимо гэбэшной машины, неизменно стоявшей тогда у подъезда, слышали там голоса тех, кто поднялся ко мне чуть раньше, а однажды кто-то, заглянув в такую машину, увидел там на светящемся мониторе даже и лица собравшихся у меня гостей — из квартиры шла прямая, хоть и скрытая, трансляция. Тогда же этот факт был обнародован западными журналистами, поскольку на том собрании присутствовали люди весьма известные.

Когда в апреле 1989 года грянула тбилисская трагедия, наш телефон стал отключаться, стоило только произнести слово «Тбилиси», и тогда пришлось условиться, что мы передаем обо всем, что там происходит, как если бы это происходило в Тамбове, — и ничего, телефон спокойно, не поперхнувшись, глотал «Тамбов», в котором армия убивала мирных людей саперными лопатками и травила газами... но стоило только назвать Тбилиси, как телефон вновь отключался.

Замечательная техника! Уже и профессионалы рассказывают в печати, как они ставили в квартирах подслушивающие устрой-

ства, как блокировали хозяев квартиры где-нибудь на работе или в другом месте, чтобы им не взбренило вдруг вернуться домой не вовремя, как открывали дверь, входили в дом в мягкой обуви, как мощные ребята отодвигали тяжелую мебель, вырезали кусок обоев, монтировали микрофон, заклеивали, художественно подмазывали это место, ставили мебель назад и тихо удалялись. Порядок!

Теперь сказали, что, мол, все — незаконное прослушивание прекращено!.. А как? Как, собственно? Неужели опять нас где-то блокируют, входят в мягкой обуви в наши квартиры и выковыривают из стен все, что годами транслировало нашу жизнь «компетентным специалистам» по нашей жизни? А может быть, это их имущество все еще здесь, в наших квартирах?

Но когда в газетах читаешь о тренировках штурмовых отрядов доморощенных фашистов, когда читаешь, что у них уже есть специальные подразделения, готовые захватить городской водопровод или систему энергоснабжения — захватить и обеспечить работу, — то начинаешь думать, что вживленная в наши стены аппаратура недолго будет без работы, те специалисты подслушивания-подглядывания не останутся без дела. И если, скажем, о начале путча 19 августа 1991 года я узнал не из сообщений по телевизору, а выглянув утром в окно и увидев после двухгодичного перерыва знакомую машину и наряд КГБ под окнами, то надо полагать, что и аппаратура в стенах и потолках моей квартиры работала в тот день на полную расчетную мощность...

Это очень хорошо, что наши дети играют сегодня в банкноты и акции. Но то, что детям — веселье, взрослым — тревоги и слезы... После того как жена с двумя нашими девочками приехала ко мне в лагерь и они увидели настоящий тюремный забор, увидели, как меня в сопровождении автоматчиков ввели в комнату для свиданий и прапорщик не позволил мне даже погладить, даже прикоснуться к ним, не позволил взять протянутую маленькой Катей конфету, дети перестали строить красивые игрушечные тюрьмы.

Чем кончатся сегодняшние игры? Мы по-прежнему не принадлежим себе и ничего не знаем о собственном будущем.

В декабре 1991 года в последний день перед отставкой Президента Горбачева в Москве состоялась его долгая, девятичасовая, беседа с Борисом Ельциным. Это не был официальный ритуал передачи власти — нужды в ритуале вообще не было, поскольку к тому времени вся реальная власть была уже в руках Президента России. Встреча была сугубо конфиден-

циальной: два президента съехались для передачи всего комплекса секретной информации, которой располагал бывший глава СССР, — тайных нитей власти, тайных структур, секретных связей. «После этой встречи мне захотелось пойти и помыться», — в тот же день заявил Ельцин, едва появившись перед журналистами, — и его слова были переданы всеми программами теленовостей. Казалось бы, человек, столь чутко относящийся к нравственной чистоте собственного политического курса, должен был тут же обнародовать, какие именно секреты, открытые ему Горбачевым, вызвали столь очевидное отвращение. Но нет, ни в тот день, ни после содержание долгой беседы не было опубликовано. Мораль моралью, но целостность и неприкосновенность политической тайны оказались сильнее первого нравственного порыва. Да и точно ли так заинтересован Ельцин в том, чтобы все тайные нити власти в России были открыты для общественного знания?

Несмотря на грандиозные масштабы всем очевидных политических событий в бывшем Советском Союзе, их истинные причины, мотивы, исполнительные структуры, а во многих случаях и их истинные исполнители остаются в тени. Большинство руководящих коммунистов отказалось от коммунистической доктрины, но, похоже, сделали все возможное, чтобы сохранить все тайные структуры власти, которые создавались и укреплялись в течение семидесяти лет коммунистического правления.

Так или иначе, но сегодня в России и в других государствах на территории бывшего СССР широко бытует мнение, что кроме явной, всем очевидной и как бы даже специально предъявленной картины политической жизни повсеместно существует иная, скрытая интрига политических событий, недоступная общественному вниманию и контролю.

Недоверие к руководителям, подозрения в тайных связях, коррупции и неискренности настолько распространены, что уже сами по себе — независимо от того, насколько они истинны в каждом конкретном случае, — влияют на расстановку политических сил и угрожают стабильности власти — и в Москве, и в Киеве, и в Тбилиси. Особенно теперь, когда народ крайне обнищал, озлобился и готов найти виноватого в любом представителе власти.

Дело тем более серьезно, что недоверие и даже прямые подозрения вовсе не беспочвенны: во всех новых государствах бывшего СССР структуры власти генетически связаны со структурами вчерашними, коммунистическими. В аппарате управления всех уровней сидят люди, которые пришли в политику и сделали карьеру тогда, когда и сами государственные должности были предметом широкой купли-продажи, когда, по меткому

выражению одного бывшего партийного функционера, теперь вышедшего из партии, «сама должность секретаря райкома предполагала ментальность преступника». Но ведь в этом или в похожих креслах посидели все без исключения нынешние государственные руководители.

Можно ли сегодня судить о механизме власти, о технологии принятия важнейших политических решений и не взять в толк, что благоприятные условия для коррупции не только не исчезли, но и многократно разрослись! В государствах бывшего СССР в сфере криминальных отношений обращаются теперь сотни миллиардов рублей и миллиарды долларов. При этом известно, что **ПОЛОВИНА ВСЕХ ДОХОДОВ**, получаемых в криминальной сфере, тратится на подкуп официальных лиц всех уровней. в том числе — на защиту от правоохранительных органов...¹ От кого же тогда в конечном счете зависят политические решения? Кто определяет наше будущее?

Многие сегодня совершенно убеждены, что новый, неведомый пока герой российской истории по-своему переиначивает ее сюжет, а нам не только что замысел не доступен, но и само-то это действующее лицо сливается с другими персонажами. Одни зовут его заграничным именем *мафия*. Другие выражаются более определенно, по-русски, и говорят, что к власти рвется *уголовник*... Третьи вообще склонны говорить о чертах и методах уголовной мафии, присущих политическим действиям вчерашних аппаратчиков, работников госбезопасности и влиятельных «командиров социалистической экономики», особенно руководителей ВПК, и сегодня занимающих ключевые посты в политике и экономике.

Этот необъявленный «претендент на престол» до сих пор не выступал на политической арене открыто, но, как думают некоторые, он, действуя без лишнего шума, раньше проводил свою политику через традиционный коммунистический аппарат, через КГБ, МВД, подразделения военно-промышленного комплекса, а иногда и впрямую сливался с ними, теперь же контролирует новые структуры власти. За Президентом Горбачевым во все годы его правления как бы маячил другой, «теневой президент» с неограниченной властью. Складывалась многосложная, хорошо потаенная, «глубоко эшелонированная» политическая сила, которой, может быть, даже не так уж страшно разрушение ее поверхностной, видимой, наружной части —

¹ Общественно-политический клуб «Альтернатива». Теневая экономика. Корни, масштабы, угроза. — Позиция, 1991, № 1.

структуры партаппарата, происшедшее после августовского путча 1991 года.

Более того, возникают серьезные сомнения, не являются ли вообще все кризисы, потрясения и разрушения последних лет желанным *результатом целенаправленной работы* этой политической силы, которая сама не только избежала революционных разрушений, но в принципе не могла быть ими задета, поскольку находится совсем на ином социально-политическом уровне, и, оставшись невредима и даже окрепнув, видимо, продолжает влиять на правительственные решения...

Словом, для того, чтобы искать ответ на эти тревожные вопросы, нам нужно обратиться к реальности двух уровней: к реальности политической жизни последних лет, с одной стороны, и к общественному мнению, ее одновременно отражающему и творящему, — с другой.

Составляем фоторобот

«У нас недооценивают сейчас роль структур тайной власти», — считает пятидесятилетний Александр Кабаков, один из самых популярных русских писателей последнего времени. «Явная власть может сдаваться, может не сдаваться, может бороться, ее видно... Но есть тайная власть, которая не сдается, потому что никто на нее не может выйти напрямую, назвать — она тайная» — так говорит Александр Кабаков¹.

Тонко почувствовав широко распространенное общественное мнение, он написал фантастическую повесть о будущем «Невозвращенец» — яркую антиутопию, — где предсказывает, что, вопреки стремлениям демократических политиков, именно структуры тайной власти, скорее всего структуры бывшего КГБ, приведут страну в состояние хаоса и анархии, с тем чтобы в конце концов установить диктатуру еще более жестокую, чем даже та, что существовала при Сталине. Повесть Александра Кабакова, сначала напечатанная в одном малозаметном журнале, стала в своем жанре абсолютным бестселлером

¹ Век XX и мир, 1990, № 4, с. 39.

последних лет. Читатели увидели в ней свое будущее, поскольку у них все больше и больше оснований подозревать о присутствии в жизни той самой «тайной власти», о которой говорит писатель.

Конечно, нам важно понять, какова природа этой тайной власти и насколько с ней связаны сами правительства и хорошо всем знакомые политические фигуры: вчера — Горбачев, сегодня — Ельцин, Назарбаев, Кравчук и прочие деятели того же ряда? Видимо, если и связаны, то вряд ли как люди, определяющие политическую стратегию, скорее — как исполнители стратегических планов. И когда западные комментаторы говорят о современных русских политиках как о людях, постоянно совершенствующихся в искусстве вынимать зайцев из шляпы, то упускают из виду вероятность того, что и сами эти деятели некогда были «вынуты из шляпы» и своевременно будут спрятаны обратно, когда время их выступления закончится. Для сомнений такого рода есть серьезные основания.

Вот уже четыре года, как возникло и не угасает острое общественное подозрение в связи с запретом, негласно наложенным верховными властями (видимо, лично Горбачевым) на расследования системы коррупции, начавшиеся в Узбекистане еще в 1983 году. От этих расследований, которые велись под руководством следователя по особо важным делам Тельмана Гдляна, вся страна ожидала сенсационных разоблачений именно в кругах верховной власти и Узбекистана, и России, и других республик. Но разоблачений не последовало. Под давлением «сверху» каждый раз, как только обнаруживались связи среднеазиатских коррупционеров с Москвой, с высшими хозяйственными и партийными чиновниками, как только связи эти стягивались в единый узел, следствие пресекалось, уголовные дела закрывались.

Развал СССР, возникновение на его территории независимых государств и усиление национальных структур власти лишь усилили общественное подозрение в отношении тех, кто благополучно переместился из вчерашних структур власти в структуры нынешние...

Один из лучших следователей Прокуратуры СССР пятидесятилетний Тельман Гдлян и его ближайший помощник Николай Иванов были три года назад уволены из следственных органов, но их стремление «разобраться до конца» получило к тому времени широкую общественную поддержку. Оба они в самый разгар гонений против них были избраны народными депутатами СССР, что обеспечило им депутатскую неприкосновенность и спасло от ареста. Более того, общественное подозрение в

коррупцированности власти, в ее связях с уголовным миром дало возможность Гдляну и Иванову создать свою политическую партию.

Разоблачение тайных структур власти, кажется, становится сегодня важным политическим лозунгом если не во всех, то во многих государствах бывшего СССР — особенно в России. Без него не обходится ни одно сколько-нибудь серьезное общественное движение. Эдуард Шеварднадзе, бывший министр иностранных дел и ближайший соратник Горбачева, который вышел в отставку в декабре 1990 года, теперь тоже включился в борьбу с теневыми структурами. Для этого (или, правильнее сказать, в том числе и для этого) он и еще восемь других видных политиков организовали Движение демократических реформ. «Мы планируем меры, исключая интеграцию теневых структур в новую экономику, самое решительное противодействие попыткам использовать переходный период в интересах преступных кланов», — заявляет Шеварднадзе...²

Интрига заключается лишь в том, что никто не дает точного описания этих кланов, этих структур, но... всякий раз прямо намекает на своих политических противников: демократы — на коррупцированный аппарат, вчерашние партийные консерваторы — на связанных с мафией демократов. Известный экономист и публицист профессор Татьяна Корягина вообще считает, что тайные мафиозные нити равно опутали и тех, и других — всех, вплоть до Горбачева! Или даже начиная с Горбачева, которому она прямо бросает упрек в коррупции, по ее сведениям имевшей быть еще в те времена, когда будущий Президент был секретарем крайкома партии в Ставрополе. И неизвестно, не влияли ли те давние связи на политические решения Президента в течение всего срока его правления? Такой вопрос естественно напрашивается, когда читаешь или слушаешь яростные обличения Татьяны Корягиной...

Как экономист Татьяна Корягина известна своим исследованием структур теневой экономики. Особенно ее занимает то, как «теневики» влияют на политические решения верховной власти. В том, что такое влияние определяло политику «команды Горбачева», она вполне уверена. «Коррупцированность верхних слоев власти, во-первых, делает их уязвимыми для прямого политического шантажа, а во-вторых, люди, которые знают, что у них рыльце в пушку, стремятся обеспечить свою безопасность и назначают на все ключевые позиции в государстве своих людей» — так пояснила свою точку зрения госпожа Корягина

² Известия, 22.06.1991.

во время личной беседы с нами, невольно заставив вспомнить, что и Ельцин в России, и Назарбаев в Казахстане, и Кравчук на Украине, и ряд других лидеров бывших советских республик в те или иные периоды своей карьеры работали под прямым патронажем Генерального секретаря ЦК КПСС, и, несмотря на временные противоречия, в определенном смысле все они — «люди Горбачева»³. И если Горбачев был связан с теневыми структурами, то связи эти протянулись и в современные кабинеты власти.

У Корягиной много приверженцев и единомышленников. «Так же, как я, думают миллионы», — с полной убежденностью заявляет она, и тут с ней нужно согласиться. Постоянно выступая в печати, она и обращается к миллионам со своей страстной проповедью о необходимости нравственной чистоты политических структур.

«Нас не всегда слушают, но мы должны кричать, пока хватит сил и голоса», — считает Татьяна Корягина. Выступая на большом митинге в Москве еще в феврале 1990 года, она во всеуслышание заявила, что располагает материалами о том, что Президент, еще в бытность свою секретарем Ставропольского крайкома партии, был связан с северокавказской мафией и поэтому должен уйти в отставку, а может быть, и предстать перед судом. Вскоре после этого выступления против Корягиной было возбуждено уголовное дело по факту клеветы и оскорбления чести и достоинства Президента. Однако спустя шесть месяцев дело было прекращено за отсутствием состава преступления. «Значит, следствие не усмотрело в моих словах элемента клеветы», — с удовлетворением замечает Татьяна Ивановна. «То есть суд допускает, что такие документы существуют? — спросил я ее. — Так, может быть, стоит их напрямую предъявить обществу?» — «А как предъявить? У нас и сегодня нет доверия к тем самым структурам власти, которые должны бы этим свидетелям дать соответствующий юридический ход. Все кругом прогнило. Все попытки предъявить обществу правду оказываются сразу блокированы. Бумаги таинственно исчезают из кабинетов ответственных чиновников. Мы знаем, что, даже когда берешь в руки вроде бы довольно невинные документы, но хотя бы отдаленно относящиеся к мафиозным связям нынешних правящих политиков, — уже рискуешь жизнью, — утверждает Т.Корягина. — Вот сейчас мне конкретно приходится помогать

³ Эксклюзивное интервью Т.Корягиной
Л.Тимофееву, июль 1991.

одному парню, который когда-то работал в системе КГБ одной из территорий Северного Кавказа. Он там наткнулся на крупные хищения и взятки, и связи преступников уходили сюда, в Кремль... Так вот есть, как говорится, «агентурные сведения», что мафия приговорила этого парня к смерти. Теперь его надо как-то защитить... Вы говорите, предъявить документы. Ведь этот парень — хоть и бывший, но все же работник КГБ, следователь, а что уж говорить о защищенности свидетелей. Даже их имена сейчас назвать невозможно, не подвергая их смертельной опасности».

Об этой опасности обладать информацией наше поколение хорошо знает. В 1986 году — то есть уже во время правления Горбачева — в предгорьях Урала, в пермском лагере для политзаключенных у меня на глазах умирал скромный, никому не известный инженер Михаил Фурасов, отбывавший двенадцатилетний срок только за то, что искал и где-то находил неизвестные широкой публике факты биографии Леонида Брежнева. (Напомним, что Брежнев умер за четыре года до этого.) Сам Фурасов был до немоты запуган арестом, следствием и приговором и предпочитал молчать о своих биографических открытиях. Но, видать, были они чрезвычайной важности, поскольку, когда он заболел, тюремщики, почти не таясь, в открытую ускоряя ход болезни и усугубляя состояние больного, в конце концов столкнули его в могилу, отказав в сколько-нибудь квалифицированной медицинской помощи. И похоронили его на тюремном кладбище — без имени, но с номерной биркой на ноге. И унес с собой свои разоблачения Михаил Денисович Фурасов...⁴

В августе 1991 года под шум уличного веселья по поводу разгрома некоммунистического путча началась передача секретных архивов КПСС из ведения партаппарата и КГБ под контроль демократических властей. Тем не менее есть серьезное сомнение, что нам удастся узнать какие бы то ни было подробности о тайных структурах власти. Дело в том, что все последние годы, словно в ожидании приближающегося краха, коммунисты активно уничтожали архивные фонды. Особенно усердно уничтожение архивных бумаг происходило в те 4 — 5 дней, когда партийный аппарат уже был объявлен вне закона, но еще не были опечатаны помещения ЦК партии, республиканских и областных комитетов, их архивы. Очевидцы свиде-

⁴ Подробнее об этом см.: Тимофеев Лев. Я — особо опасный преступник. — Вся Москва, 1991, с. 101.

тельствуют, что вокруг обкомов летали облака бумажного пепла. Центральное телевидение в те дни неоднократно показывало мусорные баки, наполненные изрезанными в крошку партийными документами, свежие кострища и горки еще тлеющей золы. Теперь факт уничтожения ценных бумаг признается и официальными спикерами⁵.

Тем более занятно было прочитать в одной из советских газет со ссылкой на «Рейтер» заметку «На Западе ждут»: «Западные эксперты и политологи с нетерпением ждут, когда же откроется доступ широкой общественности к архивам КГБ. Их, в частности, интересуют подробности убийства президента США Дж. Кеннеди в 1963 году, а также все, что связано с покушением на папу римского. Считается, что документы КГБ могут пролить свет на эти два загадочных события». На Западе ждут, а на Востоке — жгут... Думаю, что и жгут-то доступа к секретам советских тайных структур только те люди на Западе, кто плохо представляет себе, что именно происходило в России последние три четверти века и что происходит сейчас.

Из-под рук не только документы исчезают, но и люди уходят. 26 августа 1991 года, едва на Старой площади в Москве были опечатаны служебные кабинеты и архивы Центрального Комитета компартии, как буквально тут же покончил самоубийством Н. Е. Кручина, управляющий делами ЦК КПСС, человек, в чьих руках сосредоточивалась вся информация о финансовой и хозяйственной деятельности ЦК. Он выбросился с балкона своей квартиры на пятом этаже роскошного московского дома, унеся в могилу бесценную информацию о тайных мафиозных связях аппарата. В записке, которую оставил, он объясняет свой уход страхом перед грядущими расследованиями. Его смерть была настолько удобна бывшим аппаратным чиновникам, что сразу же пошел слух об убийстве... Слух не был подтвержден следствием, но некоторые осведомленные чиновники бывшего аппарата ЦК не сомневаются, что здесь имело место «самоубийство по договоренности» — такой исход как бы заранее закладывается в перечень служебных обязанностей и обязательств, которые берет на себя человек, вступая в должность, связанную с корпоративными тайнами партийного аппарата. Целый ряд самоубийств ответственных сотрудников аппарата ЦК, о которых мы еще будем говорить в этой книге, подтверждает такую догадку.

Словом, у нас в стране мало кто сомневается, что кроме явной, всем очевидной существует иная, скрытая интрига по-

⁵ Известия, 25.10.1991.

литических событий. Представление о механизме власти как о тайне стало уже фактом широкого общественного сознания. Многие убеждены, что подробности нынешней политической интриги если и попадут на страницы газет и журналов, то лишь десятилетия спустя, да и то лишь в той мере, в какой оставшиеся в живых участники событий приоткроют покров тайны. Несмотря на «политику гласности», несмотря на либерализацию прессы и миллионные суммарные тиражи книг Горбачева, Ельцина, Шеварднадзе, Лигачева, Яковлева, Попова, Собчака, Р.Горбачевой, мы все равно знаем о современной советской политике, о механизме принятия политических решений и о мотивах поступков современных политиков куда меньше даже, чем о Брежневке, Хрущеве или Сталине, — но и о тех-то, умерших, пока еще ничего не знаем по сути.

Между тем мало кто сомневается, что политические связи нынешних правящих структур имеют не только свою «географию» — от региона к региону, но и свою историю — от поколения к поколению. И все сегодняшние тайны имеют вчерашнее или даже позавчерашнее происхождение. Именно поэтому и пресекались жестоко всякие попытки получить доступ к таинственным сторонам даже вчерашнего механизма власти, не говоря уж о тайных связях власти сегодняшней. Секретные архивы были наглухо закрыты даже для историков и тем более для широкой общественности. В бронированных сейфах хранится архивный фонд Сталина. Пока никому нет доступа в глубины архива КГБ. Еще в 50-е годы из архива Московского института истории партии изъяты и увезены в неизвестном направлении документы, бросающие тень на политическую биографию Н.Хрущева. Архивы Комиссии партийного контроля ЦК КПСС, этой жестокой внутрипартийной прокуратуры, были размещены подальше от Москвы, где-то на Северном Урале, и до недавнего времени закрыты, недоступны даже для ученых-историков⁶. Ряд чисток, проведенных в этих архивах в последние десятилетия, заставляют думать об уничтожении многого из того, что могло бы пролить свет на те тайные механизмы политических решений, основы которых были заложены при коммунистическом режиме, но которые действуют и по сей день.

«Не верьте тому, кто похвастает, что знает о Лубянке абсолютно все. Нет такого человека, — заявил, уходя с должности руководителя этой организации, известный политический деятель Вадим Бакатин. — Мои представления не изменились, а расширились. Однако теперь я знаю, что знаю о КГБ гораздо

⁶ Огонек, 1989, № 2.

меньше, чем предполагал раньше... КГБ никто и никогда не перевернет. По крайней мере, сейчас». Задачей Бакатина была коренная реорганизация тайных структур. Уходя в декабре 1991 года, он вынужден был признаться, что со своей задачей не справился. Все тайные структуры остались в неприкосновенности...⁷

И все-таки тайна тайной, а можно провести некое подобие криминалистического расследования: опросить свидетелей, сопоставить их показания с нашими собственными наблюдениями и в конце концов на основе этих, возможно, разрозненных данных составить хотя бы приблизительный портрет нового действующего лица в российской политической истории, «теневоего президента», — составить что-то вроде его «фоторобота», что вывешивают в людных местах для опознания преступника.

«Фоторобот» для поимки сатаны?

Но нет, мы не можем знать заранее, какая тайна приоткроется, чей именно облик проглянет, когда соберутся воедино фрагменты доступных нам знаний...

Должен признаться, что никогда прежде не искал я доступа к тайнам такого рода. Но, будучи арестован весной 1985 года по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде за свой очерк «Технология черного рынка...», я просидел два месяца в одной тюремной камере с Вахабом Усмановым, министром хлопкообрабатывающей промышленности Узбекистана, одним из лидеров «узбекской партийно-хозяйственной мафии», как впоследствии, уже после суда, его часто называли в печати (впрочем, вряд ли он успел много прочитать о себе в газетах и журналах, поскольку на суде был приговорен к смертной казни — и вскоре расстрелян). Не то чтобы Усманов раскрыл мне какие-то жгучие тайны, нет, но, даже разговаривая с ним на темы вполне обыденные или просто размышляя над его судьбой, я вдруг неожиданно для самого себя почувствовал, что в нашу камеру протянулись нити с каких-то товарных складов, из заводских цехов, просто с захолустных районных базаров и в то же время из многочисленных советских министерств, обкомов и ЦК КПСС, из кабинетов членов Политбюро и даже из кремлевского кабинета Горбачева. Едва ли не вся страна оказалась опутана!

Тогда мне показалось, что это всего лишь нити экономических чернорыночных связей, которые не имеют прямого отношения к политике, — экономическая мафия. Теперь же, когда вчистую

⁷ Известия, 2.01.1992.

отпущены на свободу все, кто был некогда арестован вместе с Усмановым и судим за коррупцию, — теперь я вижу, что эта сеть и есть реальный механизм политической власти — механизм, постепенно в течение последних десятилетий создававшийся во чреве печально знаменитой коммунистической «административной системы». Впрочем, не была ли сама эта «система», основанная на коммунистических мифах, лишь формой прикрытия отношений и связей, далеких от мифотворчества, но страшных своим реальным — жестоким и откровенным — стремлением к власти над страной и над людьми? И теперь, в эпоху приватизации и открытых рыночных отношений, не проще ли это стремление реализовать?

Чтобы попытаться ответить, начать придется издалека. Итак, слово свидетелям.

Мэр Москвы Гавриил Попов

Доктор экономики Гавриил Попов был избран мэром Москвы в тот же день, когда Ельцин стал Президентом России, — 12 июня 1991 года. В недавнем прошлом Попов был деканом экономического факультета МГУ и оставался вполне лоялен к коммунистической доктрине и даже поддерживал ее своими трудами. «Перестройка», объявленная Горбачевым, разбудила политический темперамент Попова, и он сделался одним из самых ярких демократических публицистов и митинговых ораторов, отстаивающих политические и экономические свободы.

— Говорят, что вы стали мэром потому, что умеете ладить с московской мафией?

— Не знаю, что такое московская мафия. По характеру своей деятельности я никогда с этим не сталкивался. Подозреваю, конечно, что она существует, но прямых контактов у меня не было. Поэтому если они что-то и делают и как-то ладят с администрацией, то, вероятно, это делается за моей спиной. Но могу сказать совершенно однозначно, что этот фактор в моих рассуждениях, действиях не присутствует.

— Но вы подозреваете, что мафия существует. Ваши подозрения какого рода?

— Ну, во-первых, я знаю, в каких количествах в Москву поставляются товары. И в то же время я вижу пустые магазины. Вы знаете, что есть такая форма торговли, когда товары везут к покупателям по месту работы, на предприятия. Мы предполагали, что работникам торговли здесь открывается простор для воровства, потому что любое предприятие, чтобы поддерживать хорошие отношения с торговыми работниками, чтобы получить что-то дефи-

цитное, склонно как-то договориться, в чем-то уступить. Скажем, записывают, что на завод ушло двести пар обуви, на самом же деле на заводе продают сто пятьдесят, а остальное работники торговли могут спокойно продать на «черном рынке» и подороже. Так мы думали, но когда стали ломать эту систему отношений, то, к удивлению, активно сопротивлялись не работники торговли, а предприятия, лидеры профсоюзов, те, кто были главными действующими лицами по распределению товаров внутри завода. То есть мафия жила какой-то другой жизнью, нам не вполне известной, не такой, как мы думали.

Где действует мафия — об этом приходится лишь догадываться. Вот, скажем, известно, что в прежние времена продовольственное снабжение Москвы было лучше, чем даже снабжение ближайших областных аграрных центров — Рязани, Твери и других. Я мало верю, что для этого достаточно было издать директивные документы, то есть просто приказать поставщикам. Несомненно, работали структуры многолетних связей, в результате их действия Рязань поставляет в Москву молоко, масло, сыр и что-то еще, чего не хватает в самой Рязани. Такого рода связи могут существовать только на основе каких-то взаимных интересов, соглашений, сделок... И сегодня — тем более сегодня — если этот город живет, то он живет потому, что функционирует именно эта старая система... Не ее старая административная, директивная часть, а та, что давно, уже много лет существует на каких-то дополнительных теневых соглашениях. Коррупционированность была ее составной частью. И сегодня нельзя предположить, что кто-то за красивые глаза кому-то что-то привозит в Москву. Поэтому мой вывод таков: если нет новой, нормальной системы открытых рыночных отношений — а такой системы пока нет, — значит, действует старая, теневая, мафиозная.

— Выходит, что мафия кормит Москву? Но прежде эти структуры были тесно связаны с партийным, административным, хозяйственным аппаратом. Официальные власти втихую поддерживали торговую мафию и, видимо, даже охраняли ее и себя одновременно при помощи милиции, КГБ, армии. Кто же теперь ее охраняет? Или она опирается на уголовную сеть?

— Я думаю, что для них сейчас две возможности: первая — это продолжать действовать в мафиозном варианте, укрепив себя собственными уголовными формированиями, рэкетом.

Этот вариант реализуется. Больше того, видимо, уголовные структуры, на которые опиралась торговая мафия, в ряде случаев начинают функционировать как самостоятельные. Вы уже слышали о «чеченских», «солнцевских» и прочих группировках... Вторая возможность состоит в том, чтобы, пользуясь новым законодательством, разрешающим коммерческую деятельность, просто начать легализоваться, то есть выходить из тени, становиться добропорядочными участниками торгового оборота. Сейчас нормально можно открыть банк, завести биржу и т. д. Поэтому я думаю, что сохраняется старое, появляется новое — и новое в двух вариантах: компенсировать ослабевающую власть чиновников своими рычагами, а второе — нормально вписаться в бизнес. Я так примерно думаю.

— Эти две возможности имеют какое-то политическое выражение? Поддерживает ли мафия кого-либо в политике? Или, может, они создают свою политическую партию? У них есть политические амбиции?

— У тех, которые легализуются, политические устремления все-таки преобладают в сторону демократии, и мы ощущаем это постоянно. По мере того как мы крепили, укреплялись политически, увеличивалась финансовая помощь, которую мы получали. Во время последних выборов и у меня, и у Ельцина была значительная поддержка. Например, все эти листовки, прокламации, которые раньше от руки приходилось делать, сейчас удалось напечатать. Много коммерческих типографий было вовлечено, в этом плане поддержка была. По некоторым сведениям, те же силы оказывали поддержку и конкурентам. Ничего, это не вредно...

Что же касается собственно уголовной мафии, я не замечал у них значительной политической активности. У меня вообще сложилось впечатление, что это не люди большого размаха. Это люди даже не среднесрочных, а краткосрочных планов. Хапануть, хапануть, хапануть... Но вот я думаю, что им мешает стать нормальными людьми? Что им мешает уйти в нормальную коммерцию? Видимо, они в нормальной коммерции нормально жить не смогут. Потому что у них для этого нет или способностей, или каких-то нравственных качеств. Сейчас они политикой не занимаются. Но при иных раскладах именно этот общественный слой становится базой фашистских политиков. В этом плане они, конечно, опасны. Поэтому все, что я сейчас предпринимаю, призвано расширить возможности легального бизнеса, отнять

у мафии как можно больше людей — соблазнами, перспективами, возможностью нормальной коммерции.

— Насколько же реальна эта опасность проникновения мафии в верхние эшелоны власти?

— По моим представлениям, проникновение в верхние эшелоны власти достаточно большое. Но я думаю, что политического аспекта здесь нет. Мафия поддерживает людей административной структуры не из-за приверженности к каким-то там идеям. Ей просто нужна крыша над головой, нужен забор. Представить, что они имеют самостоятельные политические амбиции, я не могу. Представить, что они будут поддерживать какие-то отдельные политические идеи марксистского плана, — тем более. Значит, если они держатся за человека, который клянется в верности марксизму, то это из чисто прагматических соображений.

— А, наоборот, желая сохранить власть, люди из старых политических структур могут прибегнуть к помощи мафии?

— Теоретически это можно было бы сделать, если бы в тех политических структурах найти хотя бы одно способное лицо. Там же полная деградация. И мне трудно представить, что там нашелся человек, способный построить крупный стратегический план. Если бы там были такие люди, они бы давно нашли более эффективный вариант. Одна из особенностей наших политических врагов в том, что они показывают полнейшую неспособность осознать свой собственный интерес хотя бы в среднесрочной перспективе... Перед выборами мэра в Москве я ожидал, что коммунисты взвесят все и скажут, что они на выборах победить не могут и готовы поддержать меня при таких-то и таких-то условиях. Нет, они к этому не способны. Они способны только вывести своего безнадежного кандидата и извести на обреченного все остатки сил. Они не способны даже вот к такой одноходовой комбинации, а то, о чем вы говорите, — это комбинация многоходовая. И с этой точки зрения мне кажется, что политическая опасность криминальных структур преувеличена... Куда большую опасность представляют политические устремления бизнесменов. Но они опасны лишь в том случае, если придут к выводу, что демократические силы не способны удержать страну в руках. Вот тогда будет серьезный расклад. Потому что если коммерсанты, финансисты, бизне-

смены придут к выводу, что демократы не в состоянии поддерживать нормальный режим жизни, не могут обеспечить нормальную прибыль, нормально удержать от забастовок, то они могут начать искать сильного человека. Но этот сильный человек уже не будет коммунистом. Я в этом уверен.

— Я могу сделать косвенный вывод, что вы доверяли искренности Горбачева.

— Горбачев — политик, политик до мозга костей, но политик не крупного стратегического расчета, он все-таки тактик. Об искренности здесь речь никогда не шла, но была надежда, что Горбачев свой интерес четко сознает, и в рамках этого интереса можно было прогнозировать его поведение и строить какие-то схемы...

— Вы могли бы сформулировать, как вам видится тот интерес, который хотел солидности Горбачев?

— Тот же интерес, который толкнул его на перемены. Он достаточно молодой деятель для того, чтобы понимать, что через семь лет ему бы пришлось за все это отвечать. Фактически хватило примера Чаушеску...

— Кажется, для него лучшей возможностью сохранить себя, место, жизнь — была возможность поддерживать демократов?

— Надо поставить себя на его место. Надо понимать, что демократы — чужды ему. Те, кто его окружали, были ему годами знакомы, свои люди. Он знал, когда, и для кого, и что сделал, у кого какие связи и так далее.

— И все мафиозные связи ему известны?

— И эти тоже. Он знал, как тех людей удержать. А как удержать Попова, он не знал. Он должен был верить на слово. ...С нашей точки зрения, он давно должен был действовать иначе. А он, со своей точки зрения, имея ту информацию, тот архетип, в котором он функционировал, он по-своему действовал правильно. Из пяти человек, которые входили к нему в кабинет, четверо его обманывали и только пятый говорил полуправду. Ему шла совершенно односторонняя, фантастически препари-

рованная информация. И в этих условиях его политическое реагирование было предопределено его прошлым опытом и вот этой информацией. Надо отдать должное, что все-таки, когда дело доходило до критических событий, он находил в себе силы идти в правильном направлении...

Он выходец из казачества, а это слой, который был объектом фантастических репрессий, и что бы он там ни говорил о социалистическом выборе отца, деда — все это чушь, конечно. Он родился в станице, с утра до вечера должен был слышать о расстрелянных, убитых, репрессированных. С детства он слышал, как плохо в колхозе и как хорошо, когда было свое хозяйство. Все, что он видел с детства, не могло быть базой какого-то восторга и поклонения перед этой системой. Ну, а потом учился в МГУ... Я помню этих профессоров: там было значительное число дореволюционных учителей. Мы с ними встречались, разговаривали. Сама его стартовая позиция в жизни была, безусловно, такова, что он должен был понять, что мир, в котором он живет, неприемлем.

Дальше была партийная работа, которая толкала его в противоположном направлении. Кроме этой парторботы, он ничего не знал. Поэтому сложилась очень противоречивая личность. Исходные данные — в сторону полных преобразований, а все его политические и прочие навыки — в сторону существующей системы. У него и сложилась такая противоречивая модель перестройки. И сочетание вот этих двух начал предопределяло все его поступки. Но все-таки он, как политик, вырос в партии в условиях тотального подчинения. Ему казалось, что, если он скажет: «Надо делать так!» — эта «машина» будет делать так, как он скажет. Но того, что эта «машина» послушна только в тех пределах, которые отвечают ее интересам, он не представлял... Когда же ему пришлось уйти, были уже иные условия и вариантов недемократического развития у страны не осталось.

Кто привел Горбачева?

Когда Горбачев уходил в отставку, он не только попросил оставить ему охрану (что и было сделано), но и определить ему статус юридической неприкосновенности. Многими эта просьба была воспринята как косвенное подтверждение его страха перед возможными разоблачениями каких-то криминальных связей. По крайней мере, именно так трактовал ее Борис Ельцин, к которому просьба и была обращена. «Если вы за что-то беспокоитесь, покайтесь сейчас, пока вы Президент», — сказал он во время того девятичасового прощального разговора, о котором мы уже вспоминали выше¹.

Я вовсе не стремлюсь указать пальцем на Горбачева, или на Ельцина, или кого бы то ни было еще и заявить: «Вот „крестный отец“ тайной политической мафии!» Воспитанный в смешанной традиции европейского рационализма и русского толстовства, я никогда не верил ни в коварные замыслы мировых злодеев, ни в козни масонов, ни в мировую сеть КГБ. По крайней мере, никогда не верил в их абсолютную силу и всегда знал, что в конце

¹ Аргументы и факты, 1991, № 52.

концов Разум восторжествует. Я прекрасно понимаю важность современных социологических подходов к политике... Но, именно исходя из этих социологических посылок, надо помнить, что в России далеко не всегда те или иные социальные группы оказывают свое влияние на политику в формах легальных, доступных нормальному политологическому анализу — так, чтобы можно было использовать данные статистики и социологии. Именно скрытые, «теневые», неявные влияния наиболее важны, вызывают наибольшую тревогу, а иногда и прямо опасны для будущего демократии. Именно поэтому сегодня, когда политическая эпоха Горбачева завершилась, так важно понять, с какой задачей приходил этот великий деятель и кто его привел и поддерживал во все время его правления. Только так пойдем, какое наследство он оставил и кому.

Сеть тайных связей, в которую причудливо вплетены интересы партийных чиновников и уголовного мира, воротил военно-промышленного комплекса и бизнесменов «черного рынка», по-прежнему опутывает страну. Причем границы социальных групп, вовлеченных в эту систему (или создавших ее, или созданных ею), становятся все менее четки, а иногда и вовсе стираются. И до сих пор есть основания сомневаться насчет того, кто же реально правит страной: демократическая администрация, подпольная сеть вчерашнего партаппарата, «директорский корпус» ВПК, «теневики», уголовники? Или все вместе они заключили единый союз? Никакое предположение здесь не кажется абсурдным, всякое выглядит возможным — настолько запутана и неясна подоплека политической жизни страны. Но сегодняшняя политическая ситуация не вдруг возникла. Она начала складываться еще до прихода Горбачева к власти. Более того, сам политический курс Горбачева есть лишь результат этого процесса... Попробуем же разобраться...

Сейчас многие считают чудом, что в августе 1991 года в считанные часы рухнули коммунистические структуры власти (партаппарат, КГБ, союзные министерства), а в декабре того же года — и вся «империя зла». Но не менее, если не более чудесным событием — и уж точно таинственным! — было выдвижение за семь лет до того Михаила Горбачева — сначала на роль Второго лица в партии, а потом и на должность Генерального секретаря.

Впрочем, в официальной версии чудо вовсе не просматривается, а тайна лишь едва-едва намечена. Вот как излагает дело Раиса Максимовна Горбачева:

«О кончине К. У. Черненко Михаилу Сергеевичу сообщили сразу. Он срочно собрал членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК. Приняты были решения, связанные с похоронами. На следующий день назначили заседание внеоче-

редного Пленума ЦК КПСС. На этом Пленуме, 11 марта, Михаил Сергеевич был избран Генеральным секретарем ЦК. О том, как проходило это Политбюро и этот Пленум, написано много. Высказываются разные точки зрения, предположения, суждения... Как рассказывал Михаил Сергеевич мне, ни на Политбюро, ни на Пленуме других кандидатур на пост Генерального секретаря не вносилось. Очевидно, к этому времени у большинства членов ЦК сформировалась определенная общая позиция в оценке сложившейся ситуации и в руководстве, и в стране в целом. Ситуации непростой, неоднозначной, внутренне напряженной. Внешне же все выглядело как обычно. Избрание Михаила Сергеевича было единогласным.

Домой он вернулся поздно...»²

Тут все сплошь лукавство и умолчание. Вопреки утверждению Раисы Максимовны, нигде ничего толком не написано ни о том Политбюро, ни о Пленуме. В чем же заключалась и как проявлялась «напряженность ситуации в руководстве»? Почему именно Горбачев, ведавший, как известно, в Политбюро вопросами сельского хозяйства, берет на себя собрать Политбюро? Да и к чему говорить об общности позиции и единогласии, когда все помнят, как, едва став генсеком, Горбачев немедленно начал чистку Политбюро и ЦК? Неужто близких единомышленников погнал?! Ничего здесь не понятно, ничего не сходится.

Попробуем сами понять, в чем же была сложность, неоднозначность и напряженность ситуации...

Горбачев был привлечен в Политбюро в 1979 году — скорее всего, в качестве «мальчика для битья». Он был молод, энергичен, и хотя и был дипломированным юристом, но считался специалистом по сельскому хозяйству, поскольку ранее занимал должность партийного руководителя Ставропольского края — то есть практически был всевластным наместником-распорядителем самого богатого зернового района на юге страны. (К слову сказать, как теперь все более и более выясняется, — одного из самых коррумпированных регионов.)

Горбачеву еще не было и пятидесяти, когда он достиг высших номенклатурных должностей — стал секретарем ЦК и членом Политбюро. Несмотря на относительную молодость (в то время, кажется, среди «руководителей партии и государства» никого не было моложе шестидесяти, а большинству и вовсе было за семьдесят), новый секретарь был опытным «номенклатурным работником». Он прошел и через должности комсомольского

² Горбачева Р. Я надеюсь...
М., Книга, 1991, с. 125.

функционера, и через низшие аппаратные чины. Несмотря на университетский диплом, знал и простой крестьянский труд и еще в студенчестве подрабатывал комбайнером на уборке урожая. Словом, объективно говоря, он, видимо, и впрямь был неплохим менеджером-аграрием...

Но как раз те же обстоятельства его карьеры, благодаря которым он возвысился до Политбюро, делали невозможным его дальнейшее продвижение в партийной иерархии. Партией руководили или аппаратные идеологи (Суслов, Черненко), или ставленники военно-промышленного комплекса (Брежнев, Устинов, Андропов, Громыко). Именно с военно-промышленным комплексом связывалось представление об СССР как о мировой державе, потому на поддержание военной мощи и расходовалось более половины валового национального продукта — на армию, военную промышленность, на заказанные армией научные разработки. К аграриям же отношение было в лучшем случае снисходительное. Им доставались лишь ничтожные остатки государственных субсидий.

Сельское хозяйство всегда было наиболее отсталой отраслью социалистической экономики и не могло принести ни славы, ни почета. Всякие усилия сделать хоть отчасти производительной полукрепостническую колхозно-совхозную систему сельского хозяйства были заведомо обречены. Продовольствия в стране никогда не было в достатке и, похоже, производилось все меньше, если считать на душу населения. Крестьяне потеряли желание да и просто разучились работать производительно... Предшественник Горбачева на этом поприще — Федор Кулаков бесславно провел годы в высшем партийном руководстве, не столько контролируя, сколько подталкивая своим бездарным руководством процесс полной деградации «социалистической деревни». Он умер от инфаркта после того, как кто-то в Политбюро сильно накричал на него, или, напротив, после того, как он сам наорал на кого-то из подчиненных на очередном совещании — то ли по поводу падежа скота, то ли из-за недопроизводства гречневой крупы, — и был забыт на другой день после похорон. Можно не сомневаться, что похожая судьба ждала и Горбачева. Впоследствии он и сам в выражениях грубых, но откровенных признавал свое зависимое положение в Политбюро. «Ты вот Чебрикова не жалуешь. Лигачева не любишь, — говорил он, принимая в своем кабинете Виталия Коротича, главного редактора демократического журнала „Огонек“. — А мы ведь все вместе Брежневу жопу лизали. Все!»³

³ Московский комсомолец, 21.09.1991.

Положение Горбачева было тем более шатко, что на него автоматически ложилась ответственность за выполнение абсолютно нереальной, имевшей чисто пропагандистское значение «Продовольственной программы», в которой высшее партийное руководство, многократно употребив привычные императивные формы глаголов «обязать», «повысить», «укрепить» и т. д., торжественно клялось, что наконец-то в ближайшие годы в колхозах и совхозах будет произведено зерна, молока, мяса и овощей достаточно, чтобы накормить всех.

«Продовольственная программа» была провозглашена Брежневым уже в дни предсмертного маразма. Впрочем, тогда о скорой смерти престарелого лидера никто не думал, казалось, он вечен, и наиболее логично было предположить, что молодой Горбачев и привлечен для того, чтобы со временем, когда «Продовольственная программа» неизбежно провалится — а она неизбежно должна была провалиться, поскольку не предусматривала вовсе никаких реформ колхозно-совхозного строя, — показательно его же, Горбачева, и сместить как виновника неудач... Но нет, похоже, кто-то в брежневском окружении знал срок, отпущенный престарелому генсеку, и имел на молодого члена Политбюро другие виды.

Боюсь, мы никогда не узнаем всей правды о мотивах «кадровых» решений времен Брежнева — Черненко. Ничего подобного в официальных документах ЦК и Политбюро не было никогда — по крайней мере, со времен знаменитого ленинского «завещания». О мотивах здесь не упоминали и в тех случаях, когда кого-то смещали с должности. Трудно вообразить, но даже если кто-то из лидеров той поры и осмелился бы вести интимный дневник, то вероятнее всего, что этот документ давно канул в недрах КГБ. Можно не сомневаться, что скандал, разразившийся по поводу воспоминаний Н.С. Хрущева, проскользнувших сквозь пальцы КГБ и опубликованных на Западе, заставил чекистов быть еще более бдительными... Впрочем, можно не сомневаться, что и сами члены Политбюро никогда не стали бы рисковать, доверяя бумаге свои интимные чувства и мысли. Зная нравы своих коллег, никто из них не мог чувствовать себя в безопасности.

Вообще взаимоотношения в Политбюро и особенно те, что касаются механизма наследования власти, всегда были величайшей тайной. Интриги, которые там плелись, выходили на поверхность не раньше, чем кто-то из прежних руководителей объявлялся «врагом народа» или преступником иного толка и увольнялся в бесславную отставку, а при Сталине и некоторое время после него и вовсе расстреливался. Путем интриг был смещен в 1964 году Никита Хрущев, который и сам в свое

время точно так же, путем интриг, убрал с политической сцены известных соратников Сталина — Молотова, Кагановича, Маленкова, великого военачальника Георгия Жукова, а еще ранее организовал арест и расстрел всемогущего Берии, главы сталинской тайной полиции МГБ... Обо всех переменах в кабинетах власти общество всегда узнавало только после того, как перемены свершались, и сегодня еще о механизме и мотивах важнейших политических решений той поры мы можем составить себе представление только по косвенным источникам информации.

Кто-то из старых деятелей партии еще в двадцатые годы мрачно пошутил, что большевики, даже став правящей партией, никак не выйдут из подполья. Истина этих слов становилась все более и более очевидной в наше время, в годы восьмидесятые и девяностые, по мере того как постепенно открывался ранее глубоко засекреченный механизм деятельности КПСС. И чем больше открывалось... тем больше угадывалось еще не раскрытого, тайного и даже такого, что никогда не будет раскрыто вполне. Многие уверены, что в конечном счете мы узнаем о правящих структурах коммунистов не более того, что они сами дадут нам узнать... Впрочем, мы еще вернемся к тайным сторонам деятельности КПСС. Пока же нас интересует только одна из этих тайн: механизм и мотивы кадровых решений Политбюро.

Если даже мы и не узнаем никогда, какие именно мысли приходили в голову тогдашним патриархам, какие именно беседы и между кем велись на подмосковных дачах, предваряя назначение Горбачева, то сам ритуал тайных заседаний, при помощи которого оформлялись в то время все важнейшие, судьбоносные решения, — такой ритуал мы хотя бы отчасти можем себе представить.

В своей остроумной работе «Метакоррупция. Уголовные истоки партии большевиков» (помещена в нашей книге в качестве приложения) молодой американский ученый русского происхождения Антон Козлов совершенно справедливо генетически связывает правящие структуры коммунистической партии с мафиозными структурами прошлого и даже позапрошлого веков. Нам не понять, кто такой Горбачев, если мы хотя бы немного не приоткроем пусть не содержание, но саму атмосферу деятельности верхних структур власти той поры.

Стиль и характер деятельности высших органов партийной власти всегда зависели от Генерального секретаря. Генеральный же секретарь Брежнев был настолько немогуч, что многим наблюдателям казалось, что он едва может лишь представлять, тогда как на деле страной руководят какие-то

другие люди. Западные политологи назвали советскую государственную систему той поры «геронтократией». Советские же диссиденты пустили в обиход еще более жесткое и точное определение: некрократия, власть мертвых.

Три человека оказывали на Брежнева особенно сильное влияние: М.А. Суслов, главный идеолог партии, ее «серый кардинал», близкий к вершинам власти еще при Сталине; Ю.В. Андропов, председатель, а позже — куратор КГБ, как считают многие, имевший в руках секретные досье на каждого из своих коллег по руководству страной и партией; К.У. Черненко, державший в своих руках подбор и расстановку высших партийных кадров.

Константин Черненко был особенно влиятелен в аппарате партии. Он был давним соратником Брежнева, успешно прошедшим в тени своего более импозантного шефа все ступени партийной карьеры — от скромного чиновника республиканского ЦК в Молдавии до могущественного секретаря партии в Москве. Он никогда не лез в лидеры, выдвинулся благодаря разнообразным личным услугам, оказанным Брежневу, и даже теперь, на самом верху партийной пирамиды, предпочитал оставаться в тени и действовать исподволь, без шума. Это ему удавалось прежде всего потому, что в его подчинении находился Особый отдел ЦК, через который шло движение наиболее важных партийных документов, в том числе и «компромата» на членов Политбюро...

К первым трем в окружении Брежнева вплотную примыкали еще двое: министр обороны Д.Ф. Устинов, бывший прежде в течение долгих-долгих лет министром оборонной промышленности, и министр иностранных дел А.А. Громыко — оба они были людьми еще сталинского кабинета, теснейшим образом связанными со всей влиятельнейшей верхушкой военно-промышленного комплекса... Считается, что именно эти шестеро, включая Брежнева (все глубокие старики), и осуществляли политическую власть в стране. Понятно, что и Генеральным секретарем мог быть лишь один из них...

«Члены Политбюро собираются на заседания в Кремле — на третьем этаже старинного здания с высокими потолками и высокими окнами, из которых видна Кремлевская стена, — так рассказывает один из „молодых“ членов этого верховного органа коммунистической власти шестидесятипятилетний Егор Лигачев. — Рядом Красная площадь, Мавзолей В.И. Ленина... Сюда проведены все виды связи. Собственно говоря, здесь находится не только зал заседаний Политбюро, но также кремлевский кабинет Генерального секретаря и его приемная. Здесь же — так называемая Ореховая комната с большим круглым столом,

за которым перед заседаниями обмениваются мнениями члены высшего политического руководства. За этим круглым столом в предварительном порядке, так сказать, неофициально, без стенограммы и протокола иногда обсуждаются важнейшие, наиболее сложные вопросы повестки дня. Поэтому бывают случаи, когда заседание начинается не в одиннадцать ноль-ноль, а с запозданием на пятнадцать — двадцать минут. Разумеется, в заседаниях принимают участие также кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК, но они собираются уже непосредственно в продолговатом зале, за длинным столом, где за каждым негласно закреплено постоянное место. Приглашенные рассаживаются за небольшими столиками, поставленными вдоль стен.

В последние годы при Брежневе заседания ПБ были короткими, скоротечными — всего лишь за час, а то и минут за сорок принимали заранее заготовленные решения и разъезжались»⁴.

Председательствует на заседаниях Генеральный секретарь. Справа от него — место Второго человека в партии, который ведет заседания Политбюро в отсутствие генсека. Он же наследует власть, если генсек умрет.

Впрочем, даже Второму лицу в партии власть не доставалась автоматически, и ему требовалось какое-то время — несколько часов или даже дней, чтобы отстоять свое право. Поэтому и о смерти очередного генсека сообщалось не сразу: скажем, о кончине Брежнева официальное сообщение было обнародовано более чем через сутки. О смерти Андропова, пробывшего Генеральным секретарем после Брежнева чуть больше года, даже секретари обкомов партии узнавали из специальной шифровки только через полсутки... Но между теми, кто реально претендовал на власть, контакты по поводу ее дележа начинались сразу же, как только очередному лидеру закрывали глаза. И, скажем, 9 февраля 1984 года уже через несколько минут после смерти того же Андропова член Политбюро Горбачев звонил своему коллеге Лигачеву в Тюмень:

« — Егор, случилась беда, умер Андропов. Вылетай. Завтра же утром будь в Москве, ты здесь нужен...»

Официальная шифровка о смерти Андропова поступила в Томский обком только утром...»⁵

Начиная с января 1982 года и до марта 1985-го смерти членов Политбюро следовали одна за другой: Суслов, Брежнев,

⁴ Лигачев Е. Воспоминания. — Аргументы и факты, 1991, № 4.

⁵ Там же, № 6.

Андропов, Устинов, наконец Черненко. Как будто чья-то невидимая рука время от времени осеняла крестным знамением эту свору призраков — и очередной фантом рассыпался в прах... Псковников хоронили за Мавзолеем на Красной площади у Кремлевской стены. Каждый раз это была пышная церемония — с прощальными речами, перевозкой гроба или урны на лафете, с салютом. На церемонию допускались только немногие избранные, по специальным пропускам. Причем народ, относившийся ко всей этой старческой компании без всякого почтения, мрачно шутил, что-де разумно было бы выпустить единый абонемент и на все будущие похороны.

Однако, несмотря на карнавальный характер церемонии, все понимали, что дело вовсе не шуточное, и, вглядываясь в экран телевизора, отмечали про себя, в каком порядке члены Политбюро следуют за гробом, в каком — стоят в почетном карауле... Неизменный ритуал похорон должен был свидетельствовать и о существовании тайного, но незыблемого ритуала наследования власти: первым за гробом всегда шел тот, кто и будет через несколько часов объявлен Генеральным секретарем.

И действительно, Второе лицо неизменно наследовало власть. Даже если это вовсе противоречило здравому смыслу, как это было в феврале 1983 года, когда умер Андропов и генсеком стал К.Черненко, к тому времени уже смертельно больной тяжелой формой эмфиземы легких. Некоторые близкие к деятельности Политбюро чиновники полагают, что нельзя всерьез принимать слухи о том, что Андропов видел своим преемником Горбачева. Они считают, что любое посягательство на изменение *ритуала* наследования власти было бы воспринято старожилыми Политбюро как посягательство на саму *систему* власти. И понятно, что тут уже свое решительное слово сказал бы министр обороны Устинов и вверенные ему войска.

Считается, что путь к высшей должности в партии и государстве мог для Горбачева начаться только с позиции Второго лица. И вот самое необъяснимое, даже таинственное, в том, что в феврале 1984 года, став Генеральным секретарем, Константин Черненко сумел настоять, чтобы именно Горбачев стал тем секретарем ЦК, который удостоивался чести и власти вести заседания Секретариата ЦК, а в отсутствие Черненко и заседания ПБ. То есть еще в самом начале правления смертельно больного, практически обреченного Черненко наш герой становится его официальным наследником. Вот как описывает это заседание Политбюро присутствовавший на нем Егор Лигачев:

«...На организационном заседании Политбюро Константин Устинович внес предложение поручить проведение заседаний

Секретариата ЦК Горбачеву. Черненко, видимо, понимал, что тут нужен человек энергичный, молодой, физически крепкий.

Однако не все члены Политбюро придерживались столь здоровой точки зрения. На предложение генсека немедленно откликнулся Тихонов:

— Ну, Горбачев превратит заседания Секретариата в коллегию Минсельхоза, будет вытаскивать туда сплошь аграрные вопросы...

Было ясно, что это лишь формальный повод отвести кандидатуру Горбачева, но кое-кто за это сразу ухватился, раздалось еще несколько реплик, выражавших сомнения. А за предложение Генерального секретаря высказался Устинов.

И тогда, используя свой дипломатический опыт, слово взял Громыко. Чтобы снять возникшую напряженность, он предложил соломоново решение:

— Давайте подумаем, не будем сейчас торопиться. И позднее вернемся к этому вопросу.

Однако несколько флегматичный, слабый здоровьем Черненко неожиданно проявил характер и твердо сказал:

— Я все-таки настаиваю на том, чтобы вы поддержали мое предложение доверить ведение Секретариата товарищу Горбачеву»⁶.

Почему именно ему? В Политбюро, казалось бы, в то время были куда более влиятельные люди, многие годы державшие в руках как явные, так и тайные нити власти: Виктор Гришин, секретарь Московского городского комитета партии, фигура, по общему признанию, близкая к мафиозным структурам; Григорий Романов, в недавнем прошлом могущественный секретарь Ленинградского обкома, человек еще не старый и уж никак не менее Горбачева энергичный и вполне крепкий физически... Словом, в воспоминаниях Лигачева есть прямой намек на какую-то тайную интригу, приведшую Горбачева к власти. И, вместе со всей страной узнав впоследствии Горбачева как гениального мастера крупномасштабной политической игры и интриги, мы на первых порах склонны принять за истину предложенный выше сценарий его вхождения во власть. Хотя, надо полагать, борьба шла не только на уровне словесной перепалки за столом заседаний.

Действительно, тайная, закулисная война шла не на жизнь, а на смерть. Как сообщил нам Эдуард Шеварднадзе, в 1984 г. в МВД были люди, которым было приказано во что бы то ни

⁶ Лигачев Е. Воспоминания. — Аргументы и факты, 1991, № 6.

стало откопать «компромат» на Горбачева в ставропольском периоде его работы. (Не те ли это люди, судьбой которых теперь озабочена доктор Т.Корягина?) Конкуренты понимали, что проигрыш грозит если не физической, то скорой политической смертью.

Видимо, сам хорошо понимая правила игры и размеры ставок, Горбачев оказался проворнее своих соперников, в том числе и в поисках «компромата», и, едва став генсеком, тут же отправился в Ленинград и там публично подверг остракизму своего наиболее энергичного противника — Романова, обвинив его в коррупции и злоупотреблении служебным положением. В народе ходил слух, что одним из пунктов обвинения значилось, что Романов, будучи секретарем Ленинградского обкома, воспользовался музейным сервисом бывших русских царей для обслуживания многочисленных гостей на свадьбе своей дочери. Вскоре за Романовым в политическое небытие последовал и Гришин.

Однако тот же Шеварднадзе в беседе с нами предложил и свою версию механизма выдвижения Горбачева: мол, не вдруг — и от этого необъяснимо и таинственно, — но постепенно, логично, даже как бы *необходимо* выдвинулся новый генсек. И Вторым человеком в партии он фактически стал уже при Андропове. «Впрочем, такой прямой нумерации не было — вот второй, а вот третий, — вспоминает Шеварднадзе, бывший в то время кандидатом в члены Политбюро. — Горбачеву уже тогда давали много поручений, сам Андропов давал много поручений, в том числе таких, которые выходили за рамки агропромышленного комплекса. Мы, по существу, тогда его считали вторым человеком при Андропове... Когда скончался Андропов, Чэрненко уже стоял перед фактом. Ему оставалось или менять эту реальную расстановку сил и тогда вступить в конфликт с Горбачевым, поскольку тот был уже признан как Второй человек, или согласиться с этой расстановкой и поддерживать ее... Потом, я не уверен, что Черненко очень уж уважительно относился к Романову или к кому-то другому...»

Как видим, картина, нарисованная Шеварднадзе, входит в прямое противоречие со свидетельствами Лигачева и некоторых других мемуаристов, из которых вовсе не следует, что Горбачев еще при Андропове наделялся широкими полномочиями и что тогда же он был признан «вторым лицом» (см. в цитатах, приведенных выше, реплики влиятельных Тихонова и Громыко). И тут особенно важно бы не только знать, как Горбачев пришел к власти, но и с чем он пришел. Мог ли кто-либо знать, какую политику предложит стране новый лидер?

«Кое-кто знал уже тогда, — считает Эдуард Шеварднадзе. — И некоторые просто побаивались... Знали, что Горбачев еще даже при Брежневе и особенно при Андропове, а потом и при Черненко сформировался как реформатор. Реформатор и человек, который в состоянии отстаивать свое, в состоянии настойчиво проводить линию, которая соответствует его убеждениям. И то относительно молодое поколение в Политбюро, к которому, скажем, принадлежал Рыжков — и я был в том числе, — это знали».

Кто побаивался Горбачева и за что? Впрочем, разве не правильно боялись? Сам-то Горбачев неужели впоследствии хорошо понимал, что творит, — и творил сознательно? Неужели понимал, к каким последствиям может привести хотя бы частичная либерализация печати и телевидения, — понимал и шел на это? Неужели понимал, что творит, предлагая еще в 1988 году новый избирательный закон, где разрешалось выдвижение нескольких кандидатов на одно место, — неужели шел на это, понимая, что любая, даже самая минимальная, соревновательность — в политике ли, в экономике ли — неизбежно обернется полным крахом коммунистической доктрины?.. Неизбежно! Это мог бы подсказать ему любой начинающий политолог... Но этого ли от него хотели благословившие его многоопытные Андропов, Черненко, Устинов и другие? Трудно поверить, что эти люди, поднаторевшие в запретах и кровавых подавлениях всякой сроды, хотели от него именно этого!

Вообще-то перечень имен руководителей, поддержавших Горбачева, мог бы свидетельствовать о том, что едва ли не главной силой его поддержки были КГБ и военно-промышленный комплекс страны. Сегодня мы знаем по многим публикациям последнего времени, что люди ВПК тогда, в начале восьмидесятых, вместе со всей страной, хотя и намного позже других, начали ощущать, что экономика, в том числе и «оборонка», втягивается в глубокий кризис, — и, видимо, искали возможность реформ, которые остановили бы этот процесс. Но если предположить, что Горбачев пришел в начале восьмидесятых как человек ВПК, то в начале девяностых мы должны будем признать, что тот же ВПК сделался главным врагом Горбачева и именно силы военно-промышленного комплекса инспирировали мятеж ближайших помощников Президента в августе 1991 года с целью его отстранения от власти.

И напротив, явившись как протезе склонного к жесткому административному правлению Андропова, Горбачев сделал все, чтобы фактически опровергнуть саму идею такого правления и поддержать идеи свободного предпринимательства и последовательно создать благоприятные условия для того, что-

бы в стране началось свободное движение капитала, в том числе и тех капиталов, которые были нажиты дельцами «черного рынка» и теневой экономики.

Так кто же такой Горбачев: тонкий тактик, исполняющий глубокие тайные программы, или ловкий оппортунист и гениальный политический интриган, толкнувший страну на путь перемен и умевший до последнего лавировать и держаться у власти при любом, даже самом резком, изменении курса?

Мы не можем знать мотивов деятельности Михаила Горбачева. Но мы знаем, что он — человек, вышедший из недр партийной номенклатуры, партийного аппарата. И тогда можно поставить вопрос более общий: каков может и должен быть нравственный и деловой облик чиновника, не просто прошедшего в партаппарате годы и десятилетия, но сделавшего головокружительную карьеру?

Как мы знаем, один из распространенных аргументов политических противников Горбачева заключается в том, что в партийных структурах вообще не могло быть честных людей. Все замешаны в коррупции. Иначе невозможно. Аргумент серьезный и подлежит проверке... Но нам-то важнее не то, как Горбачев вел себя двадцать лет назад, но что именно влияло на его политическое поведение и на его решения в последние годы.

Эдуард
Шеварднадзе,
бывший министр
иностраннных дел
и член Политбюро

Эдуард Шеварднадзе прошел по всем ступеням коммунистической аппаратной иерархии. Первый секретарь ЦК комсомола Грузии, министр внутренних дел, первый секретарь ЦК компартии Грузии, кандидат в члены Политбюро, член Политбюро, министр иностранных дел. Он был одним из ближайших единомышленников Горбачева в начальный период реформ.

— Если посмотреть на противостояние сил в политике, то вы, господин Шеварднадзе, чей?

— Я верил в Сталина, поверил в Хрущева, потом разочаровался, потом поверил в Брежнева. Параллельно появлялись сомнения, серьезные сомнения. Чем выше я поднимался у себя в республике, тем больше эти сомнения усиливались. И в начале 80-х годов я пришел к выводу, что в этой системе прогнило все. Я тогда же говорил об этом Горбачеву, он потом публично вспомнил об этой беседе. «Прогнило все, все надо менять».

— Что именно прогнило? Вы имеете в виду коррупцию партийного аппарата?

— Нет. Система. Прогнила система. Тогда, десять лет назад, я еще не говорил, что она с самого начала была выстроена на ошибочных принципах, но видел, что мы зашли в тупик, потеряли ориентиры...

— Чего касались ваши беседы с Горбачевым в начале 80-х годов? Какова была их тональность? Это просто были дружес-

кие беседы двух политиков высокого уровня или вы уже тогда имели некий прицел на будущее?

— Нет, никаких политических программ мы не составляли. Мы не планировали, что вот завтра придем, возьмем власть, будем управлять в соответствии с нашей программой, — таких амбиций у Горбачева не было, и тем более не было их у меня. Это были беседы двух товарищей. Мы были давно знакомы, еще с комсомольских времен. Горбачев, как правило, отдыхал в Грузии. Мы много беседовали, ездили по республике... Однажды я его познакомил с одной замечательной крестьянской семьей. Хозяин — инвалид войны, немолодой человек, лет, наверное, 60-ти, жена, при них жили внук и внучка. И вот эта семья держала пятнадцать коров. Я привез Горбачева, чтобы он посмотрел на советского кулака... Пятнадцать коров! Колхоз выделит им участки, где косить траву, где пасти. Молоко они продавали колхозу. Потом мы сидели и размышляли: что делать? Раскулачить — большого ума не надо. Достаточно участкового инспектора — и все. Но тогда и молока не будет. Ну хорошо, ты разрешил такие хозяйства в этом районе, стал им даже помогать, ну а что в других районах, что по всей стране? Ведь существующая система не позволяет так развернуться каждому колхозному двору. Это потом уже, в ходе перестройки, начали создавать условия для такой работы. А в те времена каждый раз, когда мы разрешали такой эксперимент, нас таскали в ЦК: «Объясните, что это такое: капитализм или социализм?» Один добрый цековский работник как-то сказал кому-то из моих сотрудников: «Дорогой, мясо надо, мясо надо, но от Маркса уходить не надо». Тоталитарная система ограничивает человека, ставит человека в жесткие рамки.

— Да была ли она — тоталитарная система? В стране не было открытого рынка, но всегда был «черный рынок», где можно было приобрести любой дефицит... Коррупция аппарата, «черный рынок», теневая экономика. Все это, слава Богу, разрушало систему изнутри... Кажется, советский опыт доказывает, что никакая тоталитарная система долго не может существовать. Нельзя человека задушить запретами, он всегда будет искать лазейку, чтобы выжить... Кажется, в Грузии размах коррупции был весьма широк?

— Знаете, у меня достаточный опыт борьбы с коррупцией. Я этой проблеме посвятил лет 15 жизни, если не больше. Приходилось работать, против моей воли, и в соответствующих органах.

— Вы были председателем КГБ?

— Нет. Министром внутренних дел... Я категорически отказывался, но было принято подчиняться партийной дисциплине... И потом, когда возглавлял партийную организацию республики... Я искренне верил, что коррупцию можно искоренить, что справедливость восторжествует, если во главе республики или ведомства стоит честный человек, который не боится вести эту борьбу. Были какие-то результаты: коррупция стала меньше по масштабам. Но в конце концов я убедился, что эта борьба не имеет должного эффекта, поскольку и коррупция, и взяточничество, и злоупотребления — это сопутствующие явления. Пока существует дефицит товаров, продуктов, услуг, какие бы ни были жестокие законы и жестокие исполнители законов, это зло не удастся искоренить. Истоки этих пороков я искал и находил в самой системе. Это консерватизм экономики, централизованная система, монополия на собственность. Это монополия одной партии на власть — и это влияет на экономику, безусловно. Человек, личность, главный субъект экономической жизни, — отодвинут на второй план.

— Вы 15 лет боролись с коррупцией, с мафией, — что же, теперь порок уменьшился?

— Нет, наверное, меньше не стал. Сейчас мы на переходном этапе, и процесс перехода к новому состоянию затягивается. Очень затягивается. Естественно, что сейчас выходят на арену новые силы. Среди них есть люди, которые решительно заинтересованы в прогрессе, и в личном плане, так сказать, и с точки зрения интересов общества. Но выходят на арену и мафиози, как вы говорите. А мы опять делаем ставку на администрирование, опять создаем новые законы — ограничить кооператора, ограничить предпринимателя, собственника. Так ничего не построишь. Нужны экономические стимулы, экономические законы. Вот в ходе процесса формирования экономических стимулов и будет формироваться новый человек, новая личность, производитель, предприниматель или просто исполнитель, но другой человек, который кровно заинтересован в успехе дела, в конечном результате.

— В период вашей борьбы с мафией как высоко проникали мафиози в органы власти?

— Они и сейчас сидят во всех структурах. Вы думаете, не сидят?

— Насколько они могут влиять на политику?

— В те времена они сидели в партийных органах. Некоторых разоблачили, наказали, а некоторых просто уволили, переместили. Знаешь, что взяточник, но не докажешь. Народ-то знает все. Принимались как бы полумеры. Бывало, говоришь такому: «Мы знаем, чем ты занимаешься, уходи, пока не поздно!» Я как-то собирал человек сто — сто пятьдесят, знал, что у них наворованы миллионы. И пригрозил, что мы до них доберемся. «У вас дети, у вас семьи, у вас друзья, товарищи, в конце концов — Родина, — говорил я им, — хватит, вы накопили за эти годы, прекратите это!» Понимали, что в подходе заложен все-таки какой-то гуманизм, — и уходили, увольнялись, оставляли свои, так сказать, «участки»...

— Говорят, сейчас увеличилось влияние мафиозных структур на политическую власть?

— Что ж, чем больше ограничений в экономике, тем больше шансов для мафиози. Нужно больше свободы. Я считаю, что всякие жесткие рамки, всякие ограничения доходов не приводят к добрым порядкам.

— Вы дипломат, и поэтому вы дипломатично не ответили на мой прямой вопрос. Но я в данном случае репортер. Как вы полагаете, вот нити коррупции, которые идут от теневой экономики, в меньшей степени — от прямого преступного мира, до какого уровня политической власти они поднимаются? Насколько они влияют на политические решения? Насколько высоко, а на каждом из уровней и насколько широко эти связи опутывают нынешнюю систему власти?

— Я не отвечаю прямо, потому что вижу причины. Пока существуют причины, пока существуют соответствующие условия, остановить коррупцию невозможно. И коррумпированные элементы найдутся и в Верховном Совете, и среди депутатов, и на уровне министров, не говоря уже о местных муниципальных властях. Надо создавать условия, чтобы человек был заинтересован в конечном результате своего труда. Этот интерес — лучший контролер нравственности...

Президент Грузии
Звиад
Гамсахурдиа

Звиад Гамсахурдиа — сын известного грузинского писателя Константина Гамсахурдиа, в прошлом диссидент и политический заключенный. Придя к власти в 1991 году в результате демократических выборов, проявил жесткую нетерпимость и к национальной оппозиции, и к национальным меньшинствам, что привело к прямым вооруженным конфликтам по всей территории этой кавказской республики. Сторонники Президента подчеркивают его бескомпромиссную позицию в борьбе за полную независимость Грузии. Его

противники напоминают о факте предательства, когда в начале 80-х годов Гамсахурдиа, будучи арестован за антикоммунистическую деятельность, выступил по телевидению с раскаянием и покаянием, что помогло ему избежать наказания той степени суровости, какую применяли обычно к диссидентам. Сегодня Грузия остается ареной непрекращающейся острой политической борьбы, постоянно переходящей в борьбу вооруженную.

— В Грузии сменилась власть. Коммунисты ушли. И что же, они выпустили из рук все, чем распорядились? Отдали все, чем владели до сих пор?

— Я вам расскажу все детально. Еще в 1990 году коммунисты увидели, что терпят крах. Народное, национальное движение поднялось, все объединились против них, и готовились выборы. Мы начали бороться за демократический избирательный закон, прибегли к забастовкам. И добились своего! Как только они увидели, что закон принят, они начали мобилизовывать мафию. Мафия — директора крупных заводов, руководители агропрома... Агропром — это точно мафия, все деньги, все средства вытягивает из крестьян и миллионами вертит. Вытягивает в виде взяток, приписок. Движением этих миллионов, миллиардов рублей и руководит партийный босс, заместитель Председателя Совета Министров некто Мгеладзе. Он это место купил. Он был человеком Шеварднадзе. Можно сказать, что Шеварднадзе эту мафию узаконил. У него репутация борца против мафии, а на самом деле он — с ними.

— Но в конце концов вы их победили и стали Президентом. Что же, борьба с мафией закончилась?

— Нет, я их не смог победить. Мы компартию победили. А компартия — это внешняя ширма, они за ней стоят в тени. До сих пор каждый день отстраняем от должностей. Какого-то выявим, отстраняем. Но их столько, что быстро не справиться.

— А как вы их выявляете?

— Вижу, что человек занимается саботажем, продолжает грабить государство, приходит на него досье...

— Досье приходит в каком виде?

— Это бывает по-разному... Я имею в виду и досье из КГБ. КГБ сейчас наш. Он не существует как политическая полиция, он у меня как милиция. Понимаете? Я оттуда выгнал всех, кто фактически был сотрудником Москвы, туда доносил. Немножко почистили... Досье приходит и по линии Министерства финансов, по линии финансовой инспекции... Но все невозможно контролировать, потому что мафия всюду. Фактически можно сказать, что мы завязли в этом болоте. Это гидра со многими головами.

— Получается, что мафия практически всем распоряжается? Что же будет дальше? Как у них отнять эту власть?

— Не знаю. Я очень пессимистически настроен. Они пытаются и парламент у меня купить, и министерства купить. Прямо подкупают. Доходят до меня слухи, что даже в моем окружении есть взяточничество. Пробрались! А в Москве у них боссы! Этот, который бежал сейчас из Тбилиси — он преступник перед народом, — Мгеладзе. Волков по-русски. Гурам Мгеладзе. Он сейчас здесь, ему дали сейчас место в здешнем агропроме, потому что его защищает батюшка. Он был его главным доверенным лицом в Грузии.

— Батюшка — это Горбачев?

— Да, конечно, он, самый первый... Против меня в Москве кампания — называют фашистом, Хусейном. В газете, вот видите, — там вот рука моя, это я как будто Гитлер. Это мафия работает. А Мгеладзе дает деньги. Они скопили несколько миллионов и выдвинули своего кандидата на пост президента. Кремлевского человека. Он сам экономист, профессор. И хотели протащить. Но народ раскусил. Народ знает, он все знает... Но я все же бессилён перед ними.

— Года через три в чьих же руках будет вся собственность в Грузии?

— А вот я сейчас и боюсь, что опять в их руках. Сейчас они, как шакалы, открыли рот и ждут, когда будет закон о приватизации. Как только будет закон о приватизации, они кинутся на все. Теперь разбери, кто какой. Я их поименно не знаю, их десятки тысяч. Поэтому я хочу закон о предприятиях, о приватизации сделать очень строгим. И не так, как это бывает на Западе. Им что, там нет такой проблемы. У них есть честный предпринимательский класс, предприниматели не являются врагами своего народа, не являются агентами чужого государства. Правда? И в их руках предприятие служит добру, народу... а эти — откуда я знаю, кто откуда пришел. Возьмет предприятие, завод, постепенно купит все имущество. Опять нас задушит.

— Но каждый предприниматель будет подчиняться законам рынка, если, конечно, он выступает от собственного имени, а не есть лишь подставное лицо, лишь служащий какой-то структуры, не так ли?

— Но эта структура может быть невидимой. Понимаете? Есть некий подпольный клан. Волк волка чует, а это волчий клан, где

все друг друга понимают, друг друга поддерживают. У них и в правительстве есть свои чиновники, несмотря на мой принципиальный характер и небывалую чистку, за которую они меня ненавидят. Эта мафия опять воспрянет, если приватизация будет бесконтрольная. Поэтому я сейчас и хочу создать строгий государственный контроль — Комитет государственного контроля, который должен все поставить на место, который должен даже смотреть и на личность каждого, кто претендует на собственность.

— А как это — «поставить на место»?

— Будет практический контроль, инспекция будет. Мы пригласим туда очень мало народу, только честных людей, особенно среди женщин есть такие, не падкие на эти проклятые деньги, — люди, которым Грузия дорога, наша свобода дорога. Вот таких людей надо собрать и установить государственный контроль.

— Государственный контроль над процессом приватизации?

— Обязательно. Без этого мы погибнем.

— А как он будет осуществляться?

— Будет осуществляться. В Литве ведь сделали, несмотря на то что Литва — самая антисоциалистическая страна, — сделали. Контроль нужен, без этого я приватизацию провести не смогу, это единственное спасение от мафии. Единственное! Сейчас они политической силы уже не имеют, но экономическую — огромную. А экономическая сила — основа политики. Поэтому они не теряют надежды. Но авторитета у них нет. Личности нет, чтобы мне противопоставить... Они постарались — и пять личностей вывели. Один получил — один процент, другой получил — два процента, один — самый популярный среди них! — получил семь процентов.

— Какова же структура мафии, которая вам противостоит?

— Верхушка которая управляет, заправляет, — чисто партийная. Средняя часть — коммерческая. Это директора, распорядители, технологи. Это миллионеры. Фрукты, вино — все это огромные деньги. Их богатства — результат обмана, приписок, обсчета, обвеса, фальсификации.

— Многие предполагают, что КГБ и мафия связаны между собой. Известно, что у КГБ было много осведомителей. Теперь же грузинский КГБ, кажется, подчиняется вам?

— Но не совсем. Частью подчиняется, маленькой частью. А остальная часть все-таки Москве служит. И, кроме того, они сейчас как двери универмага: когда я хочу — я открываю, когда Москва хочет — она открывает. Я из них выжимаю свою информацию, Москва — свою. На самом деле я знаю, что большинство из них предатели ¹.

— Они вам дали списки осведомителей?

— Не дают, хотя я требую. Я сказал, что, если вы мне списки не откроете, тогда я объявляю вам войну. Они Москву боятся. Они слуги двух господ, а слуга двух господ всегда боится. Но я их постепенно беру под свой контроль.

— Что вы сделаете, когда откроете списки осведомителей?

— Думаю, что не оглашу. Я хочу здесь привлечь церковь. Чтобы осведомители исповедовались, и тогда я им прощу прошлое. Но если в будущем они будут продолжать, то нет, не прощу. Другого выхода нет — здесь 40 тысяч осведомителей.

— Тех, кому они служат, вы и называете мафией? Вам не позавидуешь!

— Да, сейчас очень опасно. Я не знаю, что завтра они сделают. Я сам не знаю. Я как на вулкане сижу. Очень плохое положение.

— Но за вас 90 процентов избирателей... А если пройдет успешно приватизация в России, вам тогда легче будет?

Конечно. Тогда мы вздохнем. Наша мафия — люди Москвы.

¹ Противоречия в описании характера взаимоотношений с КГБ оставляем на совести г. свидетеля. — Л.Т.

Послесловие к расстрелу

Я не знаю, когда именно расстреляли Вахаба Усманова, министра хлопкообрабатывающей промышленности Узбекистана, моего сокамерника по Лефортовской тюрьме. Его судили в августе 1986 года — почти через год после того, как мы расстались. Я к тому времени уже отбывал первые месяцы назначенного мне шестилетнего срока в лагере строгого режима — за «антисоветскую агитацию и пропаганду» — и, прочитав в газетах, что бывший министр приговорен к смерти, ясно представил себе и даже сам отчасти ощутил ту растерянность, тот холодный ужас, которые наверняка охватили Вахаба в момент оглашения приговора...

Еще тогда, в Лефортове, он ждал смерти, о будущем говорил с тоской и страхом, и нам, его сокамерникам, приходилось ежедневно, а то и по нескольку раз в день утешать его, размышляя вслух — впрочем, вполне искренне, — что-де самое большее, что ему *отпустят*, — лет девять-десять лагерей. Но, скорей всего, даже меньше... Иногда он просил нас погадать, и мы — я и третий наш сокамерник — выбрасывали ему на пальцах и во все лет пять-шесть. Мы щадили его и помногу старались ему не отпустить...

Позже, глядя в газетное сообщение, я сумел придумать только одно объяснение жестокому приговору: вот началась крутая кампания — на сей раз против коррупции, — и вслед за «хлопковым делом», вслед за расстрелом министра мы услышим и о других делах, о других казнях высших республиканских чиновников... Но нет, никакой кампании не последовало.

Зачем же министра-то расстреляли? Ведь, право, не был же он сознательным и закоренелым злодеем — убийцей или насильником! Да и в тех-то преступлениях, которые ему вменялись (взятки, приписки), при внимательном взгляде оказывалось, что он никак не мог «идти паровозом», то есть быть лидером преступной группы. Казалось, достаточно следствию хоть чуть вникнуть в экономический и политический механизм открывшихся криминальных отношений, чтобы понять, что речь тут идет о всереспубликанской (это как самое меньшее — о республиканской) системе коррупции. Именно о системе. И уже по одному только своему положению в структурах власти и в этой системе еще десяток — как минимум десяток! — руководителей республики были куда влиятельнее, куда более ответственные, чем отраслевой министр...

Как я ни думал над делом, перечитывая короткое газетное сообщение, но для казни Вахаба Усманова не находил сколько-нибудь резонных объяснений... Казалось, судьба несчастного министра кем-то намеренно обособлена, отделена, очерчена роковым кругом, и от этого *расстрел* обретал характер некоего особенно значительного, хоть пока и не разгаданного, таинственного акта...

Мы прожили жизнь в таинственном мире социализма. Таинственно в нем не только то, что *секретно*, то есть намеренно скрыто, запрятано, но и то, что у всех на виду — на виду, да не понято, не изучено. И не только не изучено, но сплошь и рядом намеренно ложно трактуется, — и чем шире расходится ложь, тем таинственнее то, что простирается вокруг.

Вот, скажем, все знают о широком размахе коррупции в стране. Но где ее начало, каково значение в политике и экономике, чем грозит она обществу? Ни у социологов, ни у экономистов, ни у политэкономов нет сколько-нибудь разработанной теории, которая трактовала бы коррупцию не как цепь криминальных событий, но именно как единое явление эпохи социализма — явление всеобъемлющее, историческое...

До сих пор только от юристов, от следователей в частности, узнаем мы и все подробности знаменитых «узбекских дел», — и речь здесь идет как раз о многочисленных фактах коррупции,

о многомиллионных, если собрать их вместе, суммах взяток. Но свидетельства юристов односторонни: следователя прежде всего интересует криминальный факт — кто дал взятку и кому, где и когда, в каком виде и сколько. Момент преступления, эпизод, событие! И кажется, чем крупнее сумма взятки, тем событие значительнее... Событие — да, значительнее! Но явление как раз лучше понимается тогда, когда в массе событий виден его размах вширь, когда во внимание принимаются события совсем мелкие, едва различимые...

Полагаю, что золотые клады, бриллианты, трехлитровые банки с царскими червонцами и молочные бидоны, полные советскими купюрами, — все эти вещдоки, на которые так любят упирать и следствие, и печать, — не так удивят потомков, не так привлекут их внимание, как ценности иного рода, которые куда чаще, чем золото, упоминаются в опубликованных документах следствия:

«В ноябре — декабре Дустов у себя дома в Бухаре от первого секретаря Гиждуванского РК КП Узбекистана получил в качестве взятки 20 000 рублей, мужской кожаный пиджак стоимостью 500 рублей, мужское пальто стоимостью 200 рублей, импортный магнитофон стоимостью 1500 рублей и коробку восточных сладостей стоимостью 10 рублей...»

«В это же время, летом 1981 года, мне понадобился лесоматериал для строящегося в Шахрисабзе дома. Я обратился к Рустамову, который выполнил мою просьбу, дал три кубометра досок и брусьев... Таким же образом в середине 1982 года Рустамов дал котел, батареи, трубы для отопительной системы...»

«Председатель правления Бухарского облпотребсоюза Гани Мирзабаев (посетовавший как-то одному из журналистов, что первый секретарь обкома Каримов превратил его в „своего личного завхоза“) каждое утро покупал в соседней пекарне дюжину горячих лепешек, а его шофер немедленно отвозил их вельможному сановнику. Мелочь, конечно. Однако только лепешек более чем на 10 тысяч рублей за эти годы».

«Список разнообразных „передач“ Дустову состоит почти из тридцати пунктов, среди коих и „10 пар импортных носков на сумму 14 рублей“, и „10 чапанов общей стоимостью 2500 рублей“. А всего на десятки тысяч»¹.

Все это взятки, но взятки особенные. Ни одна из них — не событие. Обыденная жизнь! Кто же не знает, что за любой

¹ Гдлян Т. Пирамида. — Страна и мир, 1989, № 3, с. 58–63.

дефицитный товар (а какой — дефицитный?!), за любую услугу всегда надо платить сверх установленной цены. Кто же из нас, советских граждан, не переплачивал, не давал «на лапу», не «подмасливал» продавца, кассира, чиновника, милиционера, врача в больнице, профессора в университете... кого там еще?! И никогда и никем это не считалось за событие. Кто же не *давал* «нужным людям» то коробку конфет, то три кубометра пиломатериалов, то импортные носки... Может быть, наиболее точную формулу этой жизни нашел бывший секретарь ЦК компартии Молдавии, а ныне крупный чиновник ЦК КПСС В.Смирнов, арестованный за взятки вскоре после Усманова, но, в отличие от несчастного Вахаба, без последствий отпущенный на свободу: «Понимаю, что это взятка, но в силу существующей обстановки относился к ней как к нормальному явлению».

«В силу существующей обстановки» все берут и все дают. Разве может считаться уголовным преступлением, что человек живет, как все?.. Разве в уголовном процессе должен рассматриваться нормальный *стиль жизни*? Вахаб Усманов, даже сидя в тюрьме, никак не мог принять все, с ним происходящее, именно как уголовное расследование. Он, конечно, был знаком с Уголовным кодексом, но в жизни-то царило не книжное, юридическое, но живое — *обычное* право. И то, что теперь следователь называл «взятками», «приписками» или «хищениями», было нормальным повседневным *обычаем* хозяйственной практики, внутривластных отношений, да и просто жизни. Он и жил, как все вокруг него — и брал, и давал, — и никакой особенной вины не знал за собой...

Здесь, в тюрьме, ему казалось, что он вовлечен в какую-то неожиданно и неизвестно откуда свалившуюся пропагандистскую кампанию «по борьбе с коррупцией» — в кампанию, о которой всех, кроме него, вовремя предупредили, и поэтому все сумели как следует подготовиться, составить отчеты, привлечь благоприятные *показатели*... а его предали, принесли в жертву, а то сидел бы он теперь не в камере, а вместе с другими где-нибудь в президиуме и произносил бы гневные слова осуждения взяточникам — вроде тех, что теперь приходится выслушивать от следователя и прокурора... Ну кто же всерьез станет заявлять, что можно прожить без взяток и приписок! Нет, прожить-то, может быть, и можно, но вот остаться в кресле министра, успешно выполнять свои служебные обязанности — нет, нельзя!

Куда реже, чем на самом факте получения взятки, следствие акцентировало внимание на мотивах криминальных поступков. Когда все-таки приходилось об этом заговаривать, то оказывалось, что самым распространенным мотивом получения взятки

была... необходимость, в свою очередь, давать взятку. Похоже, не только Усманов, но никакой секретарь обкома, или министр, или всякий другой мало-мальски ответственный советский чиновник не может исполнять свои служебные обязанности без того, чтобы *брать*: ему попросту не из чего было бы *давать*. Бывший первый секретарь Бухарского обкома партии А.Каримов, приговоренный, как и Усманов, к расстрелу, но опять-таки, в отличие от нашего несчастного Вахаба, помилованный, объяснял во время следствия: «Кто *давал*, тому ресурсы давали. Отдел Госплана запросто решал судьбу целой области, равной по территории европейскому государству... Даже фондовые товары и ресурсы невозможно было получить в полном объеме без дачи взятки... Жаловаться было некому, потому что все руководители партийных и советских органов, министерств сами получали взятки в различных видах»².

Советская экономика — чудовищного размаха «черный рынок». Здесь ничто не продается свободно, все — дефицит, но все, что угодно, можно приобрести, если знать, кому *дать*. Усманов рассказывал, что каждый раз, приезжая из Ташкента в Москву, он, министр, чувствовал себя так, словно попал на базар: Минлегпром и Министерство внутренних дел, Главное таможенное управление и Главснаб; даже, страшно сказать, Генштаб Советской Армии, даже Спорткомитет — куда только не возились подарки, где только не вручались взятки, кого только не приходилось за свой счет (вот когда средства нужны...) ублажать застольем, пикником, сауной!..

Как-то Вахаб сказал, что вот в этой вот нашей Лефортовской тюрьме КГБ, где мы сейчас сидим, он, еще в бытность свою министром, однажды уже гостевал, но совершенно по другому поводу: оказывается, где-то в тюремных недрах есть роскошная сауна, куда навевываются друзья и друзья друзей здешнего начальства... С кем-то он здесь парился: сауна — прекрасное место для деловых разговоров! В бане, а не в Госплане решались судьбы социалистической экономики. В бане, в ресторане, на загородной даче. Причем здесь, в Москве, все услуги стоили намного дешевле, чем в Средней Азии: скажем, пара золотых безделушек, удачно подаренных в Минлегпроме СССР, которому непосредственно подчинялся узбекский министр со всем своим министерством, давала возможность изменить в свою пользу плановые *показатели*, на миллионы снизить плановые отчисления, направляемые в государственную казну...

² Гдлян Т. Пирамида. — Страна и мир, 1989, № 3, с. 58–63.

Не надо думать, что Усманов приезжал сюда обмануть, хапнуть, украсть, лично обогатиться. Нет, он был предан своему профессиональному долгу, был рачительным хозяином своей отрасли, и его общение с московскими, ташкентскими, бакинскими и другими чиновниками было обычной деятельностью руководителя-хозяйственника. И не потому, что он был безнравственен, а потому, что, похоже, иначе не работала, не могла работать сама машина социалистической экономики... И вот в этой неспособности социалистической хозяйственной системы обходиться без взятки, без так называемых «теневых отношений», без широко разветвленной системы «черного рынка» куда больше таинственного, чем во всех закопанных кладях или мафиозных дележах.

За три четверти века своего правления в России коммунисты сделали все, чтобы уничтожить сами отношения купли-продажи — по крайней мере, в сфере производства — и целиком заменить их централизованным планированием и распределением ресурсов. Но нет, живые потребности людей, здравый смысл общества, потребности производства далеко не совпали с планами и разнарядками коммунистических чиновников, и поэтому (именно поэтому) даже в условиях жестокого запрета, даже под страхом уголовных преследований, даже под страхом смерти рыночные отношения не только сохранились, но и глубоко и, я бы сказал, *победно* пронизали всю систему социалистической экономики... но только в обход действующих социалистических запретов и разрешений, в виде всеобъемлющего ЧЕРНОГО РЫНКА.

Рынок этот замечательно интересен!...

Одна из его странностей заключается в том, что здесь продавец торгует товаром, который ему не принадлежит, а покупатель... не становится владельцем того, что покупает. Частной собственности нет! Хлопок, или машины, или трубы, или бумага, а тем более земля, лес, ирригационные системы, фермы, заводы не принадлежат ни секретарям обкомов, ни министрам, ни председателям колхозов... Но им принадлежит вся полнота власти над этими богатствами, как, впрочем, и над людьми, которые эти богатства приумножают. Вот власть-то распоряжаться товаром как раз и продается и покупается. И рынок власти — вершина советского «черного рынка». И «товар-власть» — самый дорогой, но и самый выгодный... Точно ли надо понимать все это как коррупцию, то есть разложение социализма, или здесь как раз его самая суть и иного социализма в принципе быть не может?

Но если сама доктрина коммунистов и все ее пагубные последствия для человечества подробно исследованы многими

учеными и писателями нашего века (от скромного, но пронительного Бруцкиса — еще в начале 20-х годов, до великого Ф.Хаека и всеобъемлющего А.Солженицына — в недавнее время), то механизм «черного рынка» именно как всеобъемлющий феномен социализма остается не изучен до сих пор и от этого кажется исключительно сферой криминального и таинственного.

Начало расследований в Узбекистане теперь связывают с кратким правлением Ю.Андропова. Действительно, к моменту его вступления в должность становилось все более и более очевидным, что власть в стране является откровенно рыночной ценностью. И буквально первые же расследования подтвердили этот процесс документально: то за 10 тыс. рублей покупается место секретаря райкома партии, то на базар выносятся должность начальника областного УВД, то продается возможность быть директором совхоза. Словом, «черный рынок» власти стал таким же обыденным явлением, как и «черный рынок» бытовых товаров или должностных услуг.

Но это было бы еще полбеда... Само по себе это, может, и вовсе не должно вызывать тревогу высшего партийного руководителя: ведь он прекрасно знал, что ни партийные, ни хозяйственные должности никогда не давались бесплатно. В прежние времена, правда, платить за предоставленную власть приходилось все-таки не напрямую деньгами, но иной, куда более ценной валютой: преданностью доктрине и начальству, безоговорочным согласием соблюдать установленные правила партийных отношений и, главное, — хорошими *показателями* выполнения планов и разнарядок сверху... Именно эти *показатели* всегда были важнее денег! И сомнение Андропова, надо полагать, вызывал не нравственный облик чиновников. Вся беда, вся опасность состояла в том, что власть, которую прежде нельзя было оплатить ничем, кроме преданности и хороших показателей, теперь продавалась за деньги.

В отрывках из следственных дел, опубликованных Т.Гдляном (его роли в узбекских расследованиях мы еще коснемся), есть один эпизод, где с поразительной ясностью столкнулись фундаментальные принципы коммунистической доктрины и всепроникающая реальность рыночных отношений...

Допрашивается милицейский начальник областного масштаба. «Я считал, что у меня показатели не хуже, чем в других областях, но понимал, что с министерством шутки плохи...» — объясняет он следователю, и нужно иметь каменное сердце, чтобы не посочувствовать человеку. Мы помним: *показатели* — главная ценность коммунистической доктрины! Что же делать, если начальство недоволено твоими показателями? А вот что:

«Я считал, что у меня показатели не хуже, чем в других областях, но понимал, что с министерством шутки плохи. Я знал, что Дустов дает взятки министру, и решил через него дать взятку Эргашеву. Я вручил Дустову 10 000 рублей и попросил передать министру»³.

Как просто! И кто возьмет на себя смелость утверждать, что этот случай — единственный в своем роде или что вообще у фактов такого рода есть некая географическая или национальная особенность? Освежим в памяти хотя бы совсем недавнее, тихо расследованное и без широких обобщений проведенное «краснодарское дело» (его, кстати, расследовал тот же следователь К.Майданюк, который был руководителем следственной группы по делу Усманова). Или вспомним давнишнее, еще 1960 года, тогда так и не перешедшее в стадию уголовного расследования дело о грандиозных приписках в Рязанской области, закончившееся самоубийством секретаря обкома партии Ларионова... Да сколько их было, таких дел, сколько их есть — есть и будет!

Если же в этом эпизоде нет ничего уникального, если это стремление превратить социалистические показатели в отношение купли-продажи — всеобщая норма... то можно ли понять реальности социализма, разглядывая одну лишь «административно-командную» сторону системы? Как не увидеть, что советская действительность проявила парадоксальную историческую закономерность: власть, которая ограничивает или даже вовсе запрещает здоровые рыночные отношения купли-продажи, сама неизбежно становится рыночной ценностью и предметом спекуляции. На нее как бы переносится ценность всего, что запрещено. И этот процесс не есть ли историческая суть нашей эпохи?

...Стремление к власти заложено в человеке на биологическом уровне. Оно не исчезает и в тюрьме, где, кажется, решительно не над кем и не над чем властвовать и, напротив, все вокруг жестко властвует над тобой. Не исчезает — лишь принимает извращенные формы... Каждое утро Вахаб Усманов доставал из тумбочки красную картонную папку, подаренную ему следователем, и присаживался к той же тумбочке, заменявшей в камере стол, — писать показания. День за днем он вспоминал своих взяткодателей и тех, кому он давал сам. Все это были люди при власти, и жили свободно, и не думали о том, что судьба их теперь зависит от человека, сидящего в

³ Гдлян Т. Пирамида. — Страна и мир, 1989, № 3, с. 58-63.

лефортовской камере и складывающего в красную папочку исписанные листки, и на каждом — новое имя, новое дело. Все они теперь в его власти... Уже позже, то ли где-то на пересылке, то ли даже в лагере, догнал меня слух от кого-то из усмановских поделщиков, что всего Вахаб «повязал» с собой 400 человек. Вспомнив красную папочку, я поверил этому слуху.

В течение многих лет узбекские партийные и хозяйственные руководители отчитывались перед центральной властью дутыми показателями: к реальным количествам хлопка-сырца, сданного государству, приписывались миллионы тонн. Деньги, полученные за приписки, похищались... Эти украденные миллиарды в конце концов оказались вспрыснуты в теневые чернорыночные отношения — в том числе и в куплю-продажу должностей, — что и способствовало всеобщей коррупции в республике. Такова известная уголовная формула...

Как выглядит преступник, мы уже немного знаем: вот он сидит в тюремной камере и пишет на листочках свои показания, и складывает в красную папочку... Но как выглядит тот, у кого украли? Вот ведь что изумляет: как это можно пять лет — как минимум пять лет! — не замечать, что тебя из года в год миллиардно обворовывают?

Рассказы о том, как начинались узбекские расследования — со случайного разоблачения сорокатысячной взятки, вместо хлопка привезенной в Москву на какую-то текстильную фабрику, — эти рассказы для наивных. Как это можно лишь случайно заметить, что у тебя украли 2 000 000 000 рублей наличных денег? Как можно не увидеть, что в твоём хозяйстве на бумаге записаны, а на деле отсутствуют 4 000 000 тонн... да хоть какого бы то ни было товара, ну вот в нашем случае — хлопка?

А не заметить это можно только в одном случае... если замечать нечего, если у тебя ровно столько товара, сколько ты и купил. Никакого отсутствия, никакой недостачи, никаких приписок — все на месте.

Не знаю, были ли привлечены к «хлопковому делу» эксперты-экономисты, но если были, то не могли не увидеть, что «дело» это — интереснейший случай в практике ценообразования. Если вообще забыть о существовании *показателей* и начать считать только деньги и тонны хлопка, то задача получится простая, для начальной школы: покупатель (в нашем случае — государство) ежегодно приобретал пять миллионов тонн хлопка, а платил как за шесть. Какой следует экономический вывод? А только тот, что наличный хлопок оказался на 1/6 дороже, чем предполагалось. Все, ничего больше!

Все разговоры о «дутых показателях», о деньгах, будто бы не обеспеченных товаром, — все это пустое.

Советская экономика в течение пяти лет спокойно мирилась с этим фактическим увеличением цены хлопка на 20% — и ничего, не развалилась (по крайней мере, тогда не развалилась), не встали бумагопрядильные машины, не замерли ткацкие станки, не опустели швейные фабрики, — а значит, с экономической точки зрения цена на хлопок, явочным порядком установленная узбекскими мошенниками, была разумна, то есть если и не вполне была она ценой равновесия между спросом и предложением, то близка к этому... Покупатель готов был платить такую цену, мог ее платить — и заплатил!

Здесь нам полезно знать, что номинальная закупочная стоимость на узбекский хлопок в последние годы в среднем в пять раз, а то и в десять раз — в зависимости от сорта — ниже мировых цен (если считать только по официально опубликованному коммерческому курсу валют): разница так велика, словно речь идет не о соседних странах, а о разных исторических эпохах, о другой цивилизации.

И уровень жизни в узбекской деревне — тоже из другой цивилизации. В большинстве случаев среднемесячные заработки хлопкоробов не дотягивают до 150 рублей, что в наше время и в местных условиях — ниже черты бедности. Нищета — главная причина не только социальной, но и хорошо известной экономической трагедии этих мест.

Хлопок у нас в стране дешев не потому, что его много на рынке или он легко дается, — нет, рынка как такового нет, и дешевизна хлопка — искусственная. Цена занижена сознательно. (Впрочем, она так же занижена на все другие сельхозпродукты — на зерно, картофель, мясо и т. д. — по всей стране.) В самой структуре цены на хлопок (как и на другие сельхозпродукты) нет ни полной стоимости рабочей силы, ни полной стоимости потребления природных ресурсов. То есть изначально заложены и бедность крестьянина, и экономические катастрофы...

Вместе с тем цена — важнейший инструмент власти... Назначать цену — привилегия и право чиновников правящего аппарата. Или даже не просто привилегия и право, а некий фундаментальный, священный принцип коммунистической доктрины... И вот как раз на отрицании священного принципа и были пойманы (сами плохо понимая, на чем же их поймали) Вахаб Усманов и его «подельники»...

Однако вернемся к самому «хлопковому делу». Для собственного удобства мы сменили некоторые названия: о приписках показателей стали говорить как о переоценке наличного

хлопка... Но хищение-то — оно и есть хищение, его иначе не назовешь! Деньги, полученные в результате самодеятельного увеличения цены, кто присвоил? Если посчитать, сколько потрачено на личное потребление всеми без малого тридцатью тысячами приговоренных по «хлопковым делам» и их семьями... то сложится сравнительно небольшая сумма, всего несколько десятков миллионов. Но похищено-то несколько миллиардов! Где же остальное? Понятно, что дехканам, чья месячная зарплата не дотягивает до 150 рублей, от этих денег не перепало ни гроша. Впрочем, если бы за хлопок было уплачено строго по закупочным ценам, дехканам все равно не досталось бы ни на рубль больше нынешнего.

Между тем похищенные деньги и впрямь исчезли, таинственно канули. Или уж, по крайней мере, неузнаваемо изменили свой прежний вид и экономическую суть: в результате аферы, будучи выплачены по фиктивным ведомостям за несуществующий хлопок, деньги эти были напрочь и навсегда изъяты из планового социалистического оборота и брошены в море стихийных экономических отношений. Из денег безналичных, призрочно циркулирующих в том мире, где существуют плановые и отчетные показатели, они превратились в наличные деньги, принятые к хождению в мире живого спроса и предложения. Или, иначе говоря, деньги эти поступили на «черный рынок» — и здесь продолжили свою жизнь и в сфере распределения ресурсов и продукции, и в сфере распределения власти.

Мы ведь помним особенности «черного рынка»: здесь не столько циркулируют сами материальные ценности, сколько власть распоряжаться ценностями. За живые наличные рубли на «черном рынке» покупается не сам автомобиль, или трактор, или тепловоз, но лишь право прийти в ту или иную распределяющую организацию и оформить покупку соответствующего товара у государства. Наличными мы платим кому-то, кто имеет власть распоряжаться нужным нам товаром. При этом в государственную кассу будут переведены плановые безналичные средства, а за самую возможность купить вы и заплатите наличнымими.

Взятка? Пожалуйста, взятка. Но взятка, среди прочих ее значений, в наших условиях есть еще и особый инструмент выравнивания цены в соответствии со спросом и предложением. Инструмент, при помощи которого в структуру цены вводится дополнительная плата за разрешение, плата за то, чтобы обойти существующие запреты. Очевидно, что запрет — всегда источник быстрого дохода для того, кто имеет власть произвольно накладывать или ослаблять запреты. И всегда убыток для того, кто должен их обходить... Запреты, наложенные на экономику

коммунистами, всегда стоили и теперь стоят народу, обществу колоссальных затрат. Особенность же нашего времени в том, что затраты чаще и чаще — наличные, живые, чернорыночные деньги. Все чаще разрешение можно купить — в прямом смысле этого слова.

Сегодня, слава Богу, обороты «черного рынка» начинают оцениваться не только юристами и журналистами, но и профессионалами-экономистами. Например, в программе «500 дней» упоминались 146 миллиардов чернорыночного дохода... Но, увы, по-прежнему «черный рынок» понимается только как криминальная, «теневая» сфера, противопоставляемая той экономике, что гласно и легально контролируется правящим аппаратом. И от этого его истинная, всеобъемлющая роль в жизни страны все еще ускользает от внимания специалистов, и тут как бы не упустить сути важнейших изменений, происходящих в стране...

За «хлопковым делом», за обнаруженным нами скромным фактом переоценки хлопка открывается явление эпохальное: закономерная и исторически неизбежная переоценка самой власти. В ее механизме все меньшее значение придается социалистическим показателям и все большее обретают наличные деньги и иные рыночные ценности. С исторической неизбежностью коммунистическая доктрина превращает страну в грандиозный «черный рынок», а правящий аппарат — в уголовную мафию... Нам остается только надеяться, что процесс этот не пойдет быстрее, чем демократизация политической системы и оздоровление экономики на основе частной собственности и открытых рыночных отношений.

У человека в тюрьме остается только то, что ему дано от рождения, от Бога истинного, неотъемлемого: разум, доброта, любовь, отчаяние, злоба; а все, что пришло от людей — карьера, почет, богатство, — все отходит, исчезает. Глядя на Усманова, трудно было представить, как этот тоскующий, растерявшийся ребенок, даже у нас, сокамерников, выпрашивающий хоть крохи надежды, мог быть властным и, по всей видимости, жестоким хозяином большой промышленной отрасли — заводов, приемных пунктов, тысяч работников. Здесь, в камере, он был жалок в самом прямом смысле слова — он вызывал жалость. К примеру, он не умел даже подстричь себе ногти и, получив от надзирателя ножницы, некоторое время соображал над ними, словно вспоминая, как с ними обращаться. Он еще кое-как справлялся с ногтями левой руки, на правой же ему стриг наш третий сокамерник, университетский профессор, посаженный за какие-то темные махинации с иностранными студентами. Вахабу эта маникюр-

ная процедура явно доставляла удовольствие, он смеялся и по-узбекски произносил какие-то ласковые слова, объясняя нам, что дома ногти ему стригла жена... Профессор сердился и требовал, чтобы клиент не дергался.

Чем дальше шло расследование, тем, видимо, труднее давалось Вахабу ощущение собственной значительности и причастности к верхнему, избранному слою общества. Ощущение это то укреплялось, то умалялось и зависело даже от того, какого чина следователь вел очередной допрос: когда бывало, что приезжал большой начальник, скажем, заместитель Генерального прокурора, и расспрашивал о характере взаимоотношений в высшем партийном руководстве, Вахаб после такой беседы возвращался в камеру оживленный, в приподнятом настроении, словно его вновь прикрепили к партийному пайку... когда же шли обыденные выяснения мелких обстоятельств и допрашивали его какие-нибудь старшие лейтенанты провинциальных прокуратур, за необъятностью дела приглашенные в помощь столичным следователям, он приходил подавленный, отказывался играть в шахматы, ложился на койку, отворачивался к стене и так лежал часами. Иногда даже вспоминал, что его дед был из духовного сословия, и начинал молиться, громко призывая Аллаха...

Между тем следствие шло как бы зигзагом, и, судя по тому, что рассказывал Усманов, хоть и были раскрыты уже все эпизоды, ясны все обстоятельства преступных деяний, все же совершенно непонятно было, какую следует дать им окончательную оценку. А ведь советская юридическая практика такова, что без окончательной оценки, данной в соответствующих партийных инстанциях, и суд не соберется. По таким крупным, государственного значения делам суд-то ведь для того и состоится, чтобы соответствующим образом оформить мнение партийного руководства и превратить его в приговор... Вот и здесь словно все ожидали, что вот-вот должно состояться чье-то решение.

Заметим, что все самые крупные «узбекские дела» были начаты органами КГБ. Так исторически сложилось, что структура КГБ была строго централизована, строго подчинена Москве и совсем почти неподконтрольна местным партийным органам... Словом, сама воля к началу кампании, само решение о ее начале исходило сверху — должно быть, и впрямь от Андропова лично. Но это неправда, что Андропов четко видел «суть происходящих процессов, их истоки и причинные связи». Видел бы, так не начинал бы самой кампании. Или, по крайней мере, с самого начала придал бы ей совсем иной, более ограниченный характер. А то ведь, затеявая раз-

бирательство, он, видимо, простодушно предполагал, что речь как раз и пойдет о коррумпированной верхушке республиканского партийного руководства. Это были его люди, его подчиненные, и он считал себя вправе спрашивать с них как угодно строго или вообще убрать их, заменить другими. И вовсе ему не казалось страшным, если даже откроются какие-то связи ташкентских коррупционеров с московскими. Тем основательнее будет чистка... Бывший глава КГБ чувствовал себя как бы благородным садовником, призванным оздоровить вверенный ему партийный сад.

В действительности все оказалось куда сложнее, и главные роли распределились иначе. Андропов ошибся, думая, что начинает «домашнее», внутрипартийное расследование. Горбачев, вынужденный продолжать это легкомысленное начинание предшественника, располагал уже материалами следствия и не мог не понять (а может, понимал всегда, еще до всяких узбекских расследований), что по самой должности генсека и он, и все его предшественники не то что не садовники, но самые что ни на есть центральные фигуры разветвленных криминальных структур. Их вожаки, лидеры, паханы, «крестные отцы». И как бы ни была сильна их личная власть, изменить в этих структурах они ничего не могут. Сама криминальная основа, сама уголовная суть коммунистической доктрины, сама суть и его, генсека, собственной власти открылась в «узбекских делах» — обнажено, откровенно, без всякого словесного идеологического прикрытия... Партия превратилась в мафию.

Лучшее, что мог сделать Горбачев в этой ситуации, — принять к сведению добытую информацию и... как можно скорее прикрыть дело, придав ему тот самый локальный характер, которого следовало держаться с самого начала. Безответственные предложения иных политиков разобратся до конца только раздражали его. Известно, что однажды это раздражение было обращено на Ельцина, который еще в бытность свою секретарем ЦК партии ездил с инспекцией в Узбекистан и, вернувшись, стал докладывать о фактах коррупции. «Вдруг Горбачев рассердился, сказал, что я совершенно ни в чем не разобрался, Усманходжаев — честный коммунист, просто он вынужден бороться с рашидовщиной, и старая мафия компрометирует его ложными доносами и оговорами...»⁴

Горбачев как бы дает формулу, которой должно пользоваться при рассмотрении «узбекских дел». «Старая мафия» — те кри-

⁴ Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. М., Пик, 1990, с. 78.

минальные структуры, что открылись общественному вниманию. «Честные коммунисты» — все то, что мафии противостоит. Таким образом, из сферы экономики и политики все дело переводится в область морали и лингвистических построений. Для специалистов в области пропаганды все дальнейшее — дело техники! «Честные коммунисты» сразу же и запросто одолели «старую мафию» — об этом мы можем прочитать, скажем, в статье все того же И.Усманходжаева, первого секретаря ЦК Узбекистана, опубликованной через год после смертного приговора Усманову:

«На XXVII съезде КПСС, январском. (1987г.) Пленуме ЦК деятельность Компартии Узбекистана была подвергнута суровой, но справедливой критике. Особо резкая, нелицеприятная оценка была дана допущенным в недавнем прошлом *извращениям ленинских принципов подбора, расстановки и воспитания кадров...*» (выделено мной. — Л.Т.). И далее: «...с 1984 года заменено 90,4 процента кадров номенклатуры ЦК КПСС и 76,6 процента — номенклатуры ЦК Компартии Узбекистана. „Старая мафия“, надо полагать, заменена „честными коммунистами“»⁵.

Кадры виноваты. Старая мафия. Преступный клан. Дурные люди, затесавшиеся в партию. Можно пожертвовать 9/10 «кадров номенклатуры ЦК КПСС», лишь бы только отвести опасность от самой доктрины, лишь бы только внедрить в общественное сознание *свои* словесные формулы. Парадоксально, но этому помогла известная кампания, открытая Гдляном и Ивановым и позже поддержанная Татьяной Корягиной. Их наскоки на кремлевское руководство, их намеки на коррумпированность самых высоких руководителей, вплоть до Горбачева, как раз и способствовали тому, что в общественном понимании дело сузилось, замкнулось на *дурных личностях* в аппарате. Все общественное внимание сосредоточилось на том, виноват ли чиновник Смирнов и насколько. Брат Смирнова или не брат?

Сам перевод дела в плоскость лишь правовую и нравственную был огромной тактической победой аппарата. Тут, как и на первых этапах расследования, к делу вновь была привлечена самая мощная сила коммунистов — КГБ. Но если на первых порах комитет должен был придать делу инерцию движения, то теперь его задача была обратной — эту инерцию погасить. Сделать это было вовсе не трудно, манипулируя вниманием общества, создавая определенные общественные ожидания и

⁵ Усманходжаев И. Продолжая дело Октября. — Коммунист Узбекистана, 1987, № 11.

меня их от процесса к процессу. Усманова — расстрелять; Каримова — приговорить к расстрелу, но уже помиловать; Чурбанову, зятю Леонида Брежнева, также уличенному в узбекских поборах, и вовсе дать смехотворно низкий срок; Яхьяева (министра внутренних дел), Усманходжаева (первого секретаря ЦК партии), подержав в тюрьме, вчистую выпустить на свободу; вокруг Смирнова устроить шумную возню, но в конце концов освободить...

Усманов — жертва этой тонкой политики. Его расстрел — необходимая точка, которую где-то все равно надо было поставить. Слишком много ненависти к чиновникам правящего аппарата накопилось в обществе: кого-то надо было показательно расстрелять. Обществу нужно было предъявить показатели правосудия в действии — и чем раньше, тем лучше. Пожертвовать желательно было кем-нибудь из лиц достаточно высокого положения, но не в партийной, а лучше — в хозяйственной иерархии. И уж понятно, что не члена же семьи генсека, не Чурбанова же, выводить в расход! И когда люди возмущались мягким приговором Чурбанову, судьи оправдывались тем... что расстреляли же Усманова, чего же еще! Вполне откровенно об этом говорил в одном из своих интервью тогдашний Председатель Верховного суда СССР В.И. Теребилов:

« — Владимир Иванович, по сей день, образно говоря, не утихают страсти по так называемому „делу Чурбанова“, которое слушалось в Верховном суде СССР. Что бы вы могли сказать об этом деле?

— По-моему, эти страсти искусно поддерживаются заинтересованными лицами. Дело рассматривалось опытным судьей и народными заседателями. До сих пор протеста Генерального прокурора по этому делу нет. Может быть, следует напомнить, что, помимо названного дела, в Верховном суде СССР недавно были рассмотрены еще два уголовных дела по Узбекской ССР. Главные обвиняемые — бывший министр хлопкоочистительной промышленности Усманов и бывший первый секретарь Бухарского обкома партии Каримов — приговорены к высшей мере наказания; Чурбанов и ряд других должностных лиц приговорены к длительным срокам лишения свободы; лишь один обвиняемый оправдан»⁶.

Всё! Чего же вам еще? Усманов был расстрелян. Доктрина оставалась жива. Она была оправдана. Или, вернее, ее «дело», ее преступления даже и не расследовались...

⁶ Огонек, 1989, № 14.

Страна по-прежнему оставалась под властью коммунистов. Тактику подобных расследований по-прежнему определял КГБ... Но нет, как оказалось — уже ненадолго! Пришло время, когда началось подробное изучение или расследование, как угодно, реального воплощения государственной доктрины коммунистов.

P.S. В конце декабря 1991 года, когда дописывалась эта книга, стало известно, что вчистую освобождены все, кто ранее был осужден по делам о коррупции в Узбекистане... За что же Усманова расстреляли? А может, и он как-то выжил? Дай-то Бог!

Константин
Майданюк,
старший следователь
по особо важным
делам

Сорокалетний Майданюк был до недавнего времени одним из самых известных в стране следователей. Прокуратура СССР назначала его расследовать громкие дела о коррупции среди высших партийных и хозяйственных аппаратчиков — в том числе «узбекское дело», — и он успешно справлялся. Его ожидала блестящая карьера... И вдруг в 1988 году он уволился из органов прокуратуры и исчез — буквально исчез с общественного горизонта, за короткий срок несколько раз сменив место работы, словно скрываясь от преследования.

Я искал его и нашел с большим трудом. Мне нужно было посмотреть на него. Я знал, что он расследовал дело Вахаба Усманова и был против расстрельного приговора... Но, увы, с его мнением никто не посчитался.

— Вы ушли из следователей, потому что боялись, что вас убьют? Вам угрожали?

— Нет, такого рода угроз и опасений не было, но было много других причин. Я работал 6 лет в Прокуратуре СССР и занимался делами неординарными: знаменитое «краснодарское дело», где вовлечена была вся эта госпартсистема, Узбекистан — все эти хлопковые дела; потом — Баку; потом здесь, в Москве, — злоупотребления в Министерстве культуры. Эти уголовные дела позволили мне увидеть всю систему отношений в нашем обществе и государстве. Я понял: одно дело видеть все эти вещи со стороны, а другое дело — проникнуть внутрь.

— Какой же именно вам увиделась ваша собственная роль в этой системе, что вы бросили работу следователя?

— Я увидел, что я — часть этой системы. И я, и вы, и все другие. Мы все были частью этой системы. И если говорить о моральной, нравственной стороне, то мне особенно интересна точка зрения тех, кто говорит, что искренне верил в идеи коммунистов. Я думаю, что это самые нахальные лицемеры. Мне кажется, что в этой системе не могло быть ни одного человека, который бы искренне верил, — настолько все это было очевидно нелепо... Все всё понимали, но я не знаю людей в своей среде, которые бы последовали призыву Солженицына жить не по лжи. Хотя бы не участвовать... Я не хочу участвовать, поэтому и ушел.

— Хорошо, взглянем на дело не как участники, а со стороны. Насколько я знаю, вы не занимались расследованием политических дел, но в процессе следствия вы не могли не выходить на связи ваших подследственных уголовников с политическими структурами. Как высоко поднимались эти связи по лестнице власти?

— Такого рода расследования стали возможны только в последнее время. Примерно с 1978 года. Потом, по мере того как в делах появлялись все более и более крупные фигуры, формировалось определенное осознание все больших возможностей следствия и увеличивалась степень дозволенного. Сначала это был низкий уровень — уровень райкомов, горкомов. А потом моим подследственным оказался секретарь Краснодарского крайкома. Его фамилия Тарада Анатолий Георгиевич.

— Который потом, кажется, погиб?

— Он скончался в тюремной камере от обширного инсульта.

— Кажется, было сомнение, точно ли он умер своей смертью?

— Но это только сомнение, у меня же нет никаких фактов... Он умер после одного из допросов, когда дал очень серьезные показания в отношении работников ЦК. В ту же ночь он и скончался.

— И потом, естественно, его показания никакой ценности не имели?

— Они никакого развития не получили, потому что одни только показания — это очень мало, чтобы работать дальше. Если для ареста человека, совершившего обычную кражу, достаточен один объем доказательств, то совсем другой объем нужен, чтобы арестовать хотя бы заместителя министра, — и тут уже все вопросы надо решать на уровне ЦК КПСС и Комиссии партийного контроля.

— А сколь высокое положение занимали эти люди, на которых дал показания Тарада?

— Очень высокое. На уровне заведующих отделами ЦК КПСС. Это очень большие фигуры по тем временам.

— Речь шла о коррупции?

— Да. Речь шла о коррупции.

— Теперь часть этих аппаратчиков как бы тихо уходит в тень, или в небытие, или, может быть, в теневые полукриминальные структуры, а часть из них, наоборот, громко порвала с партией, заявила о выходе и перешла в демократический лагерь. Говорят, коррупционеры, консерваторы ушли в теневые, мафиозные структуры, а люди с чистой совестью двинулись в демократы. Это так?

— Честные — нечестные, плохие — хорошие... Я беру на себя смелость утверждать, что не надо особенно долго вычислять, получает ли человек взятки, если он сидит, скажем, в управлении материально-технического снабжения... Он получает нищенскую зарплату. У него, кроме стола и стула, ничего нет. И он знает, что там, внизу, есть люди, которые делают огромные деньги. Система замкнута, и не увидишь, где ее начало. Поэтому, чтобы получить фонды у этого чиновника, ему надо было дать взятку.

Если я дал взятку в Москве, приехал к себе в Ташкент и я распределяю эти фонды, то как минимум мне надо возместить эти затраты, которые я сделал в Москве... Но просто я возмещать затраты не могу, иначе какой смысл во всей этой моей де-

ятельности? Получили по фондам тысячу автомашин, за каждую я беру то, что заплатил в Москве, и плюс еще сколько-то получаю, чтобы моя собственная деятельность была рентабельна. И так абсолютно во всем. Уйти с одной работы — значит прийти в какое-то другое место, которое точно на тех же принципах существует. Куда уйти? Уехать отсюда? Или вообще уйти из жизни, как делали некоторые при получении первых же повесток на допрос? И сейчас говорить честные, нечестные, демократы или консерваторы... Все, кто пришел из этой системы, они все свои привычки принесли с собой. И они не стали другими, поэтому я очень скептически отношусь к тому, что сейчас происходит в стране.

— А Горбачев и Ельцин?

— Ну а что, они разве являют собой исключение какое-то? Это люди той же системы. Они в ней выросли. Они сами этого не скрывают.

— Но мы говорим о хозяйственных отношениях, а между тем значительно интереснее, сохранились ли эти связи в сфере политических отношений, не влияют ли они на политические решения, и если влияют, то как?

— Политикой я не занимаюсь. Более того, зная из газет, что происходит, я с самого начала никакого оптимизма не испытывал.

— На чем основывается ваш пессимизм?

— Власть остается, по сути, в тех же руках. Власть, и экономика, и распределение.

— Что же, и криминальные структуры пережили эти изменения?

— Я сейчас сам занимаюсь предпринимательством. Пытаюсь заниматься, если сформулировать точнее. И я соприкоснулся с той средой, с которой раньше боролся. То есть не с конкретными людьми, а с социальной средой. Теперь я имею возможность увидеть те же самые процессы изнутри. И вот я вижу, что в эту среду влились бывшие функционеры — из тех, кто занимался административно-хозяйственной деятельностью.

Я увидел, как они, мгновенно используя свои связи, пускают метастазы в эту новую ткань, как делают все, чтобы ближе и решительнее подойти к собственности. Если раньше они ею владели опосредованно, то теперь есть возможность получить непосредственно. С помощью подставных лиц создают коммерческие предприятия и овладевают собственностью, сохраняя пока свои места и в структурах власти. Идет интенсивный процесс, приватизация без официального объявления. Сегодня все знают, как это делается.

— Что же, вы теперь тоже мафиозо?

— Мне пришлось начинать с нуля. В классическом смысле этого слова — нет... Но сейчас у нас мафией часто называют любую профессиональную корпорацию. И говорят о мафиози в главке, мафиози в парикмахерской, мафиозо тот, кто убирает мусор. Я же принадлежу к корпорации биржевиков. В этом смысле — я мафиозо.

Партия
в период перестройки.
Президент
«под колпаком»

Михаила Горбачева проводили с почетом и уважением. Его справедливо считают отцом «перестройки» и последовавших за ней демократических преобразований. Мы неизбежно будем вновь и вновь возвращаться к его великой исторической роли. Он и впрямь явился как лидер совершенно нового типа, непохожий на своих коммунистических предшественников, и еще до того, как разместился в генсекском кресле, еще во время своего первого визита в Англию поразил воображение западных наблюдателей. «Когда Горбачев прибыл в Чекерс на ланч, Тэтчер вышла встречать его ко входу. „С самой первой секунды он произвел очень сильное впечатление, — заметил присутствовавший там помощник. — От него исходило ощущение силы, энергии, как от сжатой пружины. Он с готовностью улыбался, лицо было подвижным, а не мрачным и суровым, как у какого-нибудь Громыко, мог он и весело пошутить“»¹.

¹ Крис Огден. Мэгги (Интимный портрет женщины у власти). — Иностранная литература, 1991, № 4, с. 97.

Англичане еще не знали (как, впрочем, и мы в России не знали), что перед ними (и перед нами) великий реформатор и что к тому моменту у него уже сложилось мнение, что в советской коммунистической системе «все прогнило», все нужно менять. И уж тем более никто не знал, что он даже успел сообщить это свое мнение ближайшим друзьям по партии (например, Шеварднадзе) и они с ним согласились...

Горбачева считают отцом «перестройки»... но точно ли так? Ведь не ребята же мы, чтобы полагать, что величайшее событие XX века — падение коммунистического режима — произошло оттого, что Горбачев, в отличие от Громыко, с готовностью улыбался и мог весело пошутить, или оттого, что однажды он и Шеварднадзе — этикие Гамлет и Горацио наших дней — согласились, что, дескать, «все прогнило в Датском королевстве». Вспомним Черненко — ему вовсе не казалось, что что-то прогнило. Так чем же в его-то, Черненко, глазах (а также в глазах того же неулыбчивого Громыко или Устинова) был Горбачев лучше Гришина или, скажем, Романова, от которого никак не в меньшей степени исходило ощущение энергии? Вспомним, наконец, сколько энергии и какое умение пошутить было у Никиты Хрущева, не сумевшего в 1964 году потрафить чьим-то интересам и за это грубо смещенного... Не лучше ли попытаться понять, какие силы вытолкнули Горбачева или, вернее, втолкнули его в генсековское кресло? Чьи интересы он-то соблюдал или обязан был соблюдать? Чьим представлениям о должном соответствовал?

Один из самых известных деятелей «перестройки» — писатель и поэт Виталий Коротич, бывший главный редактор журнала «Огонек», считает, что все годы руководства страной Михаил Горбачев никогда не был свободен в своих решениях и всегда зависел от неких тайных структур. «Мы еще долго не узнаем истинного уровня его зависимости», — заявил Коротич осенью 1991 года, уезжая на несколько лет, если не навсегда, в США профессорствовать. Его отъезд многими в стране был расценен как отступление, даже как бегство под напором прямых угроз физической расправы, которые неоднократно звучали в его адрес со стороны политических противников. И, говоря о зависимости Горбачева, сам Коротич хотел как бы пояснить природу и своей собственной усталости, своего отчаяния и пессимизма, которые, по-видимому, и подтолкнули его к отъезду.

Заявления Коротича авторитетны. Редактор «Огонька» был фигурой заметной в политической жизни последних лет. Напомним, что наиболее громкие разоблачения партийной мафии Узбекистана были опубликованы в 1987 году именно в его журнале. Вскоре после первых публикаций, летом 1988 года,

Виталий Коротич выступил на XIX Всесоюзной партийной конференции со скандальным заявлением о том, что некоторые из присутствовавших в том высоком собрании номенклатурных аппаратчиков — уголовные преступники, взяточники и расхитители. Это был сильный политический ход. Он никого не назвал персонально, но все население страны, следившее за работой конференции по телевизору, принялось составлять различные комбинации имен... и каждый раз получалось, что едва ли не любой партийный деятель из числа сидящих в зале мог быть подозреваем во взятках и хищениях, и уж по крайней мере — Лигачев, Соломенцев и прочие члены тогдашнего Политбюро и секретари ЦК. Коротич как бы подталкивал Горбачева к борьбе с верхушкой партаппарата. Общественное мнение подготавливалось к смене партийного руководства, и действительно вскоре все они по разным причинам были смещены со своих постов.

Журнал «Огонек» вместе с некоторыми другими изданиями («Московские новости», «Аргументы и факты», позже — «Комсомольская правда») в течение нескольких горбачевских лет вел планомерную пропаганду в пользу демократических реформ. Редакция поддерживала политику Горбачева, верила Горбачеву, защищала Горбачева от нападков «справа», и тем более было странно, что сам Горбачев, как бы не замечая этой искренней поддержки и защиты, позволял себе раздраженные выпады против демократических изданий вообще и против «Огонька» в частности и даже как-то, вызвав Коротича к себе в кабинет, буквально устроил разнос: топал ногами и кричал на него, как бы отмежевываясь от политической позиции редактора-демократа... Впрочем, Коротич полагает, что эти громкие, подчас прямо-таки истерические разносы предназначались не столько ему, сколько стенам, которые, по мнению Коротича, имели глаза и уши. «Я убежден, что он подслушивался. И знал об этом, — считает Коротич. — Когда он орал на меня, это было так на него не похоже. В этом было что-то непонятное». „Лигачев уже семнадцать лет в ЦК, и я в нем уверен!“ — шумел Михаил Сергеевич. „Ты что, учить меня будешь, кто мне друг, а кто враг?“ — спрашивал он, срываясь на крик, но с совершенно спокойными и доброжелательными глазами. А я давился бутербродами с вареной колбасой, которыми он меня угощал, и ничего не соображал... И несколько раз еще Горбачев устраивал такие спектакли, рассчитанные на засекреченные глаза и уши... Недаром же Яковлев при этой псевдоистерике лишь усмехался»².

² Московский комсомолец, 21.09.1991.

Чьи чужие глаза и уши могут быть в кабинете президента крупнейшей мировой державы, Генерального секретаря правящей партии? От кого он зависит? Чему, собственно, усмехался Яковлев? Ответов не дано, но как бы понимается, что они всем известны... И ведь и впрямь — горькие откровения Коротича не стали сенсацией. Они лишь еще раз подтвердили, сколь широко в обществе бытует мнение, что Горбачев — вовсе не был сам по себе, что он, мол, потому так держался на расстоянии от лидеров демократического толка, потому так намеренно демонстрировал это расстояние, что боялся ссориться с парт-аппаратом (или с мафией, кланом, какой-то иной криминальной структурой, лишь прикрывающейся партаппаратом?) — боялся, потому что понимал свое зависимое положение. Да и многие замечали, что, в отличие от резкости, порой даже прямого хамства по отношению к демократам (вспомним хотя бы, как он третировал академика Сахарова, председательствуя на съезде народных депутатов), Горбачев неизменно оставался молчаливо терпим к тем деятелям (скажем, к парламентской группе «Союз»), которые хоть и выступали с прямыми, часто грубыми нападками на Президента, но с позиций имперских и партийно-охранительных.

Несамостоятельность Горбачева сделалась вовсе уж очевидна осенью 1990 года, когда Президент в прямом смысле слова *предал* достигнутую им было договоренность с лидером России Ельциным о начале радикальных экономических реформ по программе «500 дней», вновь — теперь, кажется, уже без всяких сомнений — продемонстрировав, что он прежде всего «человек аппарата».

Программа «500 дней» была разработана группой экономистов либерального толка под руководством сначала Явлинского, а впоследствии — Шаталина. Ею предусматривалась либерализация экономики на основе возвращения народу права частной собственности, отнятого коммунистами еще в 1918 году. Если бы программа была реализована, грандиозный «черный рынок», процветавший под покровительством коммунистов, прекратил бы свое существование. На смену пришли бы открытые рыночные отношения, частная инициатива и частное предпринимательство.

Программа получила одобрение российского парламента (Верховного Совета). Почти одновременно Верховный Совет России принял закон, который, опять-таки впервые после 1918 года, утвердил, хоть и с некоторыми оговорками, право частной собственности на землю. При одобрении программы Горбачевым и Верховным Советом СССР страна вступила бы в эпоху

свободной экономики, возможно минуя полосу надвигавшегося глубокого экономического и политического кризиса...

Документ «500 дней» вовсе не был похож на сюжет волшебной сказки, но весьма точно определял приватизацию как главное направление для немедленного начала экономической реформы, которая в конце концов должна была навсегда покончить с коммунистическими порядками в экономике и, главное, с монопольным правом партаппарата по своему усмотрению, как своей собственностью, распоряжаться всеми материальными, культурными и духовными ценностями страны.

В структурах партаппарата эта программа вызвала панику и яростные кулуарные противодействия... Тем не менее в августе 1990 года Горбачев и Ельцин пришли к соглашению, что такая реформа необходима.

Договоренность двух лидеров вселяла уверенность, что страна наконец прочно встала на путь либеральных преобразований... И вдруг в октябре все круто изменилось. Верховный Совет СССР, в большей степени послушный партаппарату, чем парламент России (в его составе было много партийных функционеров различных рангов), практически с одобрения Президента Горбачева принял совершенно иную экономическую программу, предложенную тогдашним премьером Николаем Рыжковым. Тэмп преобразований предполагался катастрофически замедленным. Структура экономики на неопределенное время оставалась по сути такой, как она сложилась еще в сталинские годы. Хотя формально и упоминалось о «плюрализме собственности», на самом деле предусматривались лишь слабые меры квазиприватизации, в результате которых экономика и впредь оставалась полностью под контролем правящего аппарата. Вместе с тем при фактическом запрете на частную собственность и частную инициативу планировалось стремительное повышение цен. Народу грозило быстрое обнищание, что могло спровоцировать широкие волнения... и как средство от беспорядков — жесткий режим власти партийного аппарата на территории всего СССР. (Таким и открылся смысл этой тайной стратегии в августе 1991 года, когда группой заговорщиков из окружения Горбачева была совершена попытка путча.)

Противники реформ торжествовали! Казалось, теперь всем окончательно ясно, чей человек Горбачев. Один из наиболее известных сторонников сохранения безраздельной власти аппарата, лидер компартии России Иван Полозков в своих выступлениях перед членами партии публично подтверждал, что на заседании Политбюро Президенту, который тогда еще оставался и Генеральным секретарем партии, было *рекомендовано*

избрать вместо поддержанной им сначала программы «500 дней» иную — «немного скорректировать направление»³.

Чуть позже, в середине февраля 1991 г., то же самое подтвердил и первый секретарь МГК КПСС, член Политбюро Юрий Прокофьев, заявивший, что *на ночных* заседаниях Политбюро Горбачева заставили отказаться от программы Шаталина — Явлинского. А после неудачного выступления Президента на сессии Верховного Совета СССР в декабре 1990 года, когда несколько депутатов, в том числе лидер имперски настроенной группы «Союз» полковник Алкснис, потребовали его отставки что опять же *на ночном* заседании Политбюро Михаилу Сергеевичу предложили выступить с новой, более жесткой программой из 8 пунктов...⁴

Конечно, весьма сомнительно, чтобы заседания действительно проходили по ночам. Но появившаяся в демократической печати информация именно о ночных заседаниях никем не была официально опровергнута, и если даже время суток указывается в ней ошибочно, то все же общественное представление о конспиративном, мафиозном характере верховных партийных сборищ и о том, что Президент настолько зависим от этой мафии, что его могут взяться «проработывать» в любое время суток, — это ощущение передано верно.

Вообще партийный аппарат постоянно и как бы даже несколько картинно «перебирал» в конспирации, словно шла какая-то непрекращающаяся «военная игра» с демонстрацией таинственности, игра, рассчитанная больше на зрителя, на внешний эффект на создание определенного образа или, как теперь говорят, имиджа

ЦК партии всегда находился на военном положении. Структуры его аппарата, расположенного на виду у всей страны в самом центре Москвы, были тщательно законспирированы. Бюджет, источники доходов и статьи расходов — сведения совершенно секретные. Даже часть постановлений ЦК снабжалась грифом «Сов. секретно» и распространялась лишь строго по списку в узком кругу высших должностных лиц. Документы между руководящими органами партии развозились специально вооруженными военными фельдъегерями. Список абонентов АТС, обслуживавшей цековское начальство, был засекречен, выдавался самим абонентам под расписку, причем, когда при малейших изменениях издавался новый список, прежний должен был быть уничтожен в обязательном порядке.

³ Московский комсомолец, 6.03.1991.

⁴ Там же.

От бывших «офицеров» партийного штаба узнаем, что «существовали три степени секретности — самая строгая „Особая папка“, за ней „Совершенно секретно“ и, наконец, просто „Секретно“. Определялось, что гриф „Секретно“ „ставится на документах, не содержащих сведений, составляющих партийную и государственную тайну, но раскрывающих *методы работы* партийных комитетов“⁵.

Но как бы картинно ни демонстрировал партаппарат свое таинственное могущество, на самом-то деле столь безоговорочное влияние Политбюро на Президента, как это было продемонстрировано в случае с программой «500 дней», кажется странным. Вспомним, что за несколько месяцев до того, на XXVIII съезде КПСС, по инициативе самого Горбачева была проведена реорганизация верховного органа партии и Лигачев, Яковлев, Шеварднадзе были заменены именами неизвестными и личностями незаметными, а то и вовсе ничтожными. Так чье же там мнение могло быть всерьез значимо для страны и Президента? Кого он послушался, кому подчинился? Неужели фельетонным персонажам типа Прокофьева и Полозкова?

Именно это несоответствие ничтожного Политбюро... и неожиданно покорного послушания Горбачева заставляет предположить существование иного, неявного механизма принятия важнейших решений — механизма, в котором Политбюро являлось лишь поверхностной, хоть и картинно законспирированной, но, по сути, как бы даже нарочно выставляемой напоказ частью. Такое предположение тем более имеет резон, если мы вспомним, что и сам слабеющий коррумпированный партаппарат к тому времени в сильной степени сделался зависим — и от КГБ, и от военно-промышленного комплекса, и от теневиков-предпринимателей, и от откровенно уголовных структур...

Так или иначе, но немотивированный и необъяснимый поворот в политической ориентации Горбачева осенью и в начале зимы 1990 года не только остановил наметившиеся было экономические реформы, но и обусловил быстрое нарастание дезорганизации и хаоса в экономике и социальной жизни страны... Какие же процессы шли по мере того, как оттягивались решительные экономические реформы, а с ними и реформы собственности и власти? Кому Горбачев оказал услугу? Кому услужил? Или вообще кому, чьей власти, чьей собственности

⁵ Оников Леон. Я обвиняю... — Правда, 7.10.1991.

служил, от кого зависел? От консерваторов, от демократов, от какой-то третьей силы?

Чтобы понять, с кем был Горбачев, или, вернее, с кем он должен был считаться, надо увидеть, как, по какому принципу раскололась, размежевалась КПСС. Кто такие были партийные «консерваторы» и кто — «реформаторы»?

Для сторонников консервативной линии старые, испытанные делом партийные структуры и власть — синонимы. Это люди среднего и выше среднего, но не самого высшего слоя партийного аппарата — не выше секретарей обкомов. В Политбюро они были продвинуты только в самое последнее время. О наличии тайных структур и связей они могли догадываться, но не обязательно были вполне информированы, — даже если фактически выполняли их волю. Они раз и навсегда усвоили, что все блага, которыми они пользовались — и деньги, и привилегии, и право распоряжаться огромными материальными богатствами, — все дается вместе и одновременно с должностью в правящем аппарате. Не будет аппарата — не будет должности. Не будет должности — и их самих не будет, потому как вне аппарата — кто они такие?

Психологически вполне объяснимо, что сам отказ от коммунистической доктрины, от «принципов», а вместе с ним и перспектива слома видимых, легальных структур партийной власти, а там вослед — и ломка их собственных судеб виделись этим чиновникам партаппарата чуть ли не вселенским разломом и уж наверняка — гибелью России. Это они дали ход лозунгам: «Отечество в опасности!» — простодушно имея в виду сохранность партийного аппарата и своих должностей и привилегий...

Эта линия защищалась, на первый взгляд, несколько дубоватыми и, казалось, политически нечуткими, но на поверку — весьма прозорливыми (что касается их собственной судьбы) аппаратчиками. Но, увы, то была прозорливость исторически обреченных. Их прямолинейное поведение, их возбужденные предостережения лишь подчеркивали неизбежность гибели прежней системы власти, хотя им самим казалось, что они пекутся о сохранении партии и о том, как бы «не поступиться принципами».

Напротив, сторонники реформ понимали, что в коммунистической системе, в коммунистических структурах власти все прогнило действительно безвозвратно. Они не хуже консерваторов знали, что лишиться власти — губельно и для каждого аппаратчика в отдельности, и для всего клана в целом. Опасность же для тайных структур они понимали лучше, чем кто бы то ни было, поскольку были к ним так или

иначе причастны... Но они понимали также, что спасти дело может только коренное изменение политики — вплоть до публичного отказа от прежней государственной доктрины. Они даже готовы были — страшно сказать! — пожертвовать видимой частью партийного аппарата... Но зато таким образом они получали возможность, сохранив все тайные связи, создать на их основе новые легальные структуры, перевести в них наиболее лояльную и способную к гибкой политике часть партийного аппарата — и так остаться во главе государства и в той или иной степени сохранить «верность социалистическому выбору», а вместе и право распоряжаться материальными и иными богатствами страны... Эта тенденция поддерживалась гибкими, или, по терминологии последнего времени, «левыми», «образованными», политиками из числа бывших партийных функционеров или идеологов.

Процесс развала, перетасовки и реконструкции правящего аппарата пошел разворачиваться с началом перестройки и теперь набрал полную силу. Вчерашняя верхушка партийной номенклатуры: А.Н. Яковлев, Э.Шеварднадзе, А.Вольский и ряд менее значительных лиц — создает на развалинах партии Движение демократических реформ — организацию с явными претензиями на политическую власть. В Движение прямо приглашаются оставшиеся не у дел аппаратчики. Программные декларации Движения сильно смахивают на последнюю, так и не успевшую быть принятой, социал-демократическую программу КПСС.

Впрочем, в ряде бывших республик, ставших теперь «суверенными государствами» — особенно в Средней Азии, — партийные структуры вообще сохраняются в неприкосновенности, лишь меняя свое название...

В Москве во главе администрации вчерашнего члена Политбюро, а ныне Президента России Б.Ельцина оказывается бывший член ЦК КПСС и секретарь Свердловского обкома партии Юрий Петров. Первым заместителем премьер-министра России назначается другой секретарь Свердловского обкома Олег Лобов. Руководителем секретариата Президента становится крупный партийный функционер Виктор Илюшин...⁶ Заместителем премьера правительства Москвы мэром Гавриил Попов, сам в прошлом — профессор-марксист, назначает Б.Никольского, бывшего вторым секретарем ЦК компартии Грузии, причастного к трагическим событиям апреля 1989 года, когда при разгоне войсками мирной демонстрации были насмерть

⁶ Московские новости, 29.09.1991, № 39.

зарублены саперными лопатками девять человек, в том числе женщины и юные девушки...

Примеры такого рода назначений можно множить бесконечно (особенно если взглянуть на структурные изменения в экономике, к чему, впрочем, у нас еще будут возможности), здесь же заметим только еще один важный факт: вся собственность КПСС, миллиарды ее денег и на миллиарды недвижимости, все ее санатории и издательства, автобазы и созданные под ее эгидой кооперативные предприятия, — все отдается в распоряжение той самой новой российской администрации, которой руководят старые секретари обкомов.

Простодушная попытка консерваторов от партии остановить в августе 1991 года развитие процесса, смысл которого они, возможно, не понимали, едва не закончилась трагически. Вместо постепенного перехода власти от умирающего партаппарата к аппарату нового типа едва не произошел разлом, в который могли хлынуть силы популистского толка, — и тогда все тайные связи могли быть вмиг или вскрыты, или просто непоправимо разрушены. Они и начали вскрываться: в прессе пошла широкая дискуссия о золоте партии, об агентах, внедренных (с соответствующими субсидиями) в экономику западных стран, о манипуляциях высших партийных чиновников с государственными ценностями алмазного и золотого фондов.

Как всегда в таких случаях, разлом пришлось заделывать кровью и трупами. Непосредственно перед арестом застреллся (или был застрелен?) министр внутренних дел Б.Пуго, бывший одним из членов хунты, претендовавшей на власть. Тут же повесился в своем служебном кабинете маршал Ахромеев — одна из ключевых фигур ВПК. В первые же дни после путча покончил самоубийством, выбросившись из окна своей квартиры, управляющий делами ЦК КПСС Кручина. Он располагал всеобъемлющей информацией о тайных связях и секретных структурах аппарата КПСС. Самоубийца оставил записку, объясняя свой уход страхом перед грядущим. Надо понимать, перед грядущими расследованиями... Прошло полтора месяца, и точно таким же способом — выбросившись из окна фешенебельного цеховского дома в центре Москвы — покончил с собой восьмидесятилетний Георгий Павлов, бывший в течение многих лет, вплоть до 1983 года, управляющим делами ЦК. Этот никаких объяснений не оставил, но понятно, что знал он не меньше Кручины, а по некоторым сведениям, даже значительно больше. По крайней мере, вскоре после этого самоубийства в печати появилось утверждение следователя Гдляна, что Павлов был одной из

ключевых фигур той мафии, связи которой приоткрылись во время узбекского расследования.

В небытие уходили люди, которые знали все о том, кто, как и на каких условиях реально руководил страной, — уходили, и все доступы к тайне оставались закрыты.

Две последние смерти особенно заставляют думать о существовании некоего ритуала — «самоубийства по должности». Эта мысль не кажется абсурдной, если вспомнить о целом ряде самоубийств должностных лиц, которым предстояли арест и расследования по знакомому нам «узбекскому делу». Самоубийством кончали особенно широко информированные люди.

Вот свидетельство по этому поводу Тельмана Гдляна, народного депутата СССР и Армении, бывшего старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР:

«Как профессионал, я понимаю кое-какой толк в этих делах. У мафиозных групп непреложное правило: лучший свидетель — это мертвый свидетель...

К примеру, получаем мы санкцию на арест министра внутренних дел Узбекистана Эргашева, выезжаем. А по прибытии на место следует команда из ЦК КПСС и прокуратуры: „Подождите с реализацией“. Проходит неделя. За это время засекаем два звонка Эргашеву из ЦК: „Гдлян приехал с санкцией на арест, времени не осталось, надо принять мужественное решение. О семье позаботимся“. Эргашев в ночь накануне ареста собирает своих близких, прощается, а в 7 утра у калитки своего дома пускает пулю в висок. Вот такая у них метода, кстати великолепно сработавшая сейчас на Пуго (знавшем, пожалуй, слишком много), Ахромееве (никогда не поверю, чтобы боевой офицер, тем более маршал, повесился...) и „выбросившемся“ из окна Кручине (этот знал тайну „черной партийной кассы“, в том числе партийные счета в швейцарских банках)»⁷.

Мысль о «деловом», как бы даже «подписном» характере самоубийств подтверждается косвенно и посмертной запиской Эргашева: «Я абсолютно одинокий человек, сын бедняка, оклеветан Рашидовым и его шайкой. Я, честный член КПСС, марксист-ленинец, — умер. Да здравствует КПСС! Марксизм-ленинизм! Да здравствует советский народ! Кудрат»⁸.

⁷ Аргументы и факты, 1991, № 39.

⁸ Лиханов Д. Кома. — Огонек, 1990, № 4

Так не умирают мафиози. Это крик героя, в бою закрывающего телом амбразуру дота... Война, что ли?

В странах Запада уголовная мафия, глубоко затаивая свою деятельность и свои структуры, ведет войну с государством... Но против кого вела войну *правлящая* партия страны, которая практически сама и есть государство? Зачем ей — всемогущей! — тайные структуры? От кого тайны? Ведь не во внутр-рипартийной же борьбе либералов с консерваторами? Кто же тот внешний враг, борьба с которым требует крови и смерти?

Генерал КГБ
Олег
Калугин

Часть 1

Генерал Калугин был сначала уволен в отставку, а потом лишен всех званий и наград за свои публичные разоблачения беззаконий, свидетелем, а иногда и участником которых он был во время своей многолетней службы в органах госбезопасности. Начав карьеру резидентом в США, он стал одним из руководителей советской внешней разведки. Депутат Верховного Совета. После августовских событий 1991 года восстановлен в звании генерала.

— Если бы сегодня были открыты все архивы и о КГБ стало бы известно совершенно все, как вы думаете, что поразило бы общество больше всего?

— Поразил бы всеобъемлющий, всепроникающий характер этой службы. Многие у нас в стране живут с этим ощущением, но тут они бы убедились, что так оно и есть. И они были бы поражены масштабами, разнообразием, разносторонностью, всепроникающим характером деятельности КГБ. Все это не новость, но если это было бы раскрыто, это произвело бы шокирующее впечатление. Одно дело — общие ощущения, другое дело — когда раскрываются конкретные факты.

— Что-то похожее произошло в Польше и Чехословакии. И общество было настолько шокировано, что в Польше, кажется, приняли решение законсервировать эту информацию, закрыть ее на многие годы, чтобы она не стала причиной общественного взрыва, не так ли?

— Правильно. Потому что будет скандал, если называть имена, — а я знаю десятки

имен весьма видных советских политических, общественных деятелей, которые были долгие годы агентами КГБ. Даже деятели нашего демократического движения. В нем много людей, причем людей известных, которые — и я это знаю — уже по 20 — 25 лет сотрудничают с КГБ. Впрочем, может быть, сегодня они отошли от сотрудничества с органами... Не буду грех на душу брать, говоря, что они сегодня сотрудничают. Вот я тут встретил как-то одного депутата Верховного Совета. Он человек весьма известный. И вдруг он мне сам признается. Он, видимо, предположил, что я могу знать, и на всякий случай сам решил предупредить события... Но я принципиально против разглашения имен агентов, это было бы не на пользу обществу... За исключением, может быть, редких случаев, когда деятельность такого человека сегодня противопоказана общественным интересам.

— Но не уничтожит ли КГБ все документы о своей былой деятельности?

— Все — вряд ли, но кое-что уничтожается. Все досье на Солженицына, Сахарова — это многотомные дела, они все уничтожены. Оставлены только свидетельства, что они были в поле зрения, но никаких конкретных ситуаций, обстоятельств, по которым можно как-то воспроизвести достоверно, что было на самом деле.

— А документы о политических убийствах? Целый ряд нераскрытых убийств последнего времени если и не напрямую свидетельствует об участии КГБ, то, по крайней мере, здесь можно говорить о существовании неких социальных структур, ловкие люди которых так умеют убивать, что не оставляют улики. Вот, например, убийство священника Александра Меня... У некоторых вызывает сомнение и смерть Сахарова...

— Я думаю, что КГБ ускорил уход Сахарова из жизни. Для меня это несомненно. Я вполне допускаю, что в Горьком Сахаров подвергся определенному воздействию, которое способствовало его преждевременной смерти. Я уверен в этом вполне, хотя у меня нет никаких доказательств. Я знаю, что в свое время обсуждался вопрос о ликвидации Солженицына. Он был тогда уже на Западе. Это было, конечно, нелепо. Как к нему

там доберешься, в Вермонте, он окружен людьми... но тем не менее эти мысли никогда не исчезали из сознания нашего руководства. Впрочем, инициатива здесь принадлежала партийным руководителям. Ведь КГБ был надежным исполнителем пожеланий ЦК партии. Именно руководства — Суслова, Брежнева, Андропова. Они тоже могли инициировать подобные акции. И я думаю, что Сахаров ушел из жизни с помощью КГБ, думаю, на него еще в Горьком воздействовали различными препаратами. Я в этом уверен. Я просто исхожу из тех разговоров, тех замыслов, и смысл всех их был — убрать его поскорее. А как убрать — это был вопрос технологии.

Елена Боннэр,
вдова академика
Сахарова

— Вы с мужем, конечно, всегда понимали, что вас могут просто убить. Это ощущение было постоянной частью вашей жизни или вы его как бы отставили в сторону, решили не принимать во внимание?

— Опасность всегда существовала, всегда существует, но ведь люди не могут жить только ощущением опасности. Мы с Андреем Дмитриевичем никогда не таились, не накрывали телефон подушкой, чтобы нас не подслушали. За нами постоянно велось наблюдение, но, кроме наиболее острых ситуаций, это не касалось нашей жизни по существу. Это не то чтобы особый принцип жизни, но нормальный способ жить. В этом плане мы жили внутренне спокойнее, чем большинство людей, которых я знаю.

— Ощущение, что вас могут убить, было как-то персонифицировано или было связано с определенной структурой? Опасность исходила из КГБ?

— Не знаю, из КГБ или из общества милосердия.

— То есть КГБ еще не обязательно воплощение этой опасности?

— Нет. Я думаю, что КГБ имеет соответствующие структуры, но не всегда угроза от них исходит. Но доказательств у меня тоже нет. Я человек очень эмоциональный, но в то же время и безумный рационалист. Есть области знания, в которые мне нет доступа, поэтому они для меня не существуют. Я живу как живу. Вот мысль, что опасность — от КГБ, и ни от кого больше, — для меня еще и залог моей психологической безопасности. Мне всегда нужна некоторая конкретность. Может, это специфика моего медицинского образования... Есть вещи, которые для меня не существуют: например, экстрасенсы, Кашпировский, еще что-то такое, о чем я ничего не знаю. Для меня не существует конкретной религии.

— Но в то же время на уровне вашего рационального восприятия вы можете предположить, что КГБ не есть последняя инстанция опасности?

— Нет, КГБ — не последняя инстанция. Я не знаю, кто меня будет убивать. Вот мне звонят буквально через день и говорят: «Еще дождешься, старая армянка!» Откуда я знаю, от кого угроза? От азербайджанцев? А одновременно несколько дней тому назад пришли какие-то два мужика. Азербайджанцы. Принесли розы. И шепотом мне сказали: «Не думайте, у нас не все такие». Я была совершенно потрясена. Эти несколько роз дороже я не знаю каких корзин. Шепотом причем. Они кого-то боялись.

— Так что же в России означает слово «мафия»?

— Я не знаю. Мне кажется, что здесь не стоит так уж глубоко копать. Идет бандитский процесс первоначального накопления. В нем имеют преимущество те же самые структуры, которые всегда имели преимущество в нашей жизни.

— Но не тем ли и опасен процесс накопления, что власть может перехватить кто угодно?

— Будет все нормально. Эти «кто угодно» будут регулировать все эти финансовые, денежные и прочие отношения. Они станут

богатыми, мы по-прежнему останемся бедными и очень хорошая часть страны — нищими. В этом процессе преимущество совершенно явное имеют даже не те, у кого, по нашим меркам, большие деньги, законно нажитые, — научные деятели, люди искусства, — а тот же самый аппарат. Все те же самые. Ну, накопят они и, может, добровольно уйдут от власти, став Рокфеллерами и Ротшильдами. Им уже не нужно будет это формальное сидение где-нибудь в Большом Кремлевском дворце.

— Сахарова — убили?

— А я не знаю... А можно его вернуть? Нет. Тогда зачем всё? Ты понял мое отношение к этому? Оно может показаться кому-нибудь равнодушием к его судьбе, но это — не то... Мы никогда не знали, что против нас готовилось.

— Кем готовилось?

— А я откуда знаю? Это ведь всегда тайна. Если ты читал внимательно, у нас была история с моим старшим внуком, она описана у Андрюши¹. Мы по сей день не знаем, что это было... Или история в глазной больнице... Первая моя глазная операция была здесь до того, как я стала женой Андрея. Мне делал ее Михаил Михайлович Краснов — крупный окулист, и очень хорошо сделал. Я болела еще со времени службы в армии. У меня ведь была контузия. И тогда мне угрожала полная слепота — девчонке в 22 года. И как-то все окулисты СССР вокруг, включая Филатова, очень вокруг меня танцевали. Ну, жалко очень, 22 года, прошла войну, и вот на тебе! И я была пациентом старого Краснова, а потом его сына. Как-то, уже после того, как я стала женой Сахарова, я снова легла в глазную больницу. Там работала моя однокурсница, которая очень меня боялась, но все-таки она хорошая женщина и поддерживала со мной отношения... И я ведь ушла из советской больницы, потому что она вызвала меня во двор и сказала: «Я не знаю, кто и что с тобой будет делать. Уходи отсюда любым способом. Это меня просила передать тебе заведующая отделением...» На следующий день была суббота, и я выписалась... Пришлось лечиться в Италии. А перед Италией произошла эта история с моим старшим

¹ Сахаров А. Воспоминания. — Знамя, 1991, № 3, с. 104—105.

внуком Матвеем — и все время так. А кто это делает — откуда мы знаем кто? Мафия — не мафия, КГБ — не КГБ. Иногда возникает ощущение, что КГБ провоцировал нас... но вместе мы ездили по многим местам в провинции. Могли убить. Бывало, мы идем пешком 25 км ночью вдвоем по тайге. Пожалуйста, убил, взял деньги — и все! Когда пол-Якутии — ссыльные бандиты! И вот нас вроде даже опекают одновременно. Кто и что — тут ничего сказать нельзя. И поэтому я не только никогда не ставлю задачи, но и не разрешаю себе ставить задачу выяснять то, чего не могу выяснить. Вот вы задаете вопрос: убит Андрей Дмитриевич или не убит? Я не знаю. Но, исходя из этого, заикнуться и посвятить этой мысли всю остальную жизнь я не могу. Тем паче что психологически мы оба были готовы к такой возможности.

— Мы не знаем, что было с Богатыревым, мы не знаем, что было с Сахаровым, мы не знаем, что было с Менем...

— Мы не знаем многого.

— Но, может быть, эти убийства имеют какое-то особенное значение для понимания всего механизма власти в целом?

— Может быть. Но заняться этим всерьез можно будет, только когда пройдет этот процесс первоначального накопления... Я уверена, что история будет писаться тогда, а не сегодня.

— А в вашей жизни были случаи общения напрямую с людьми, о которых можно без сомнения сказать, что они мафиози?

— Я думаю, что нет. Ну, так, по-мелкому. Зубного врача я одного мафиозо зову... А всерьез нет... Я понимаю: вы хотели какого-то конкретного ответа. Я вам скажу: та сердечная болезнь, которая была у Андрея, она такова, что он мог и, скорее всего, должен был умереть очень рано. Это болезнь, которая обычно догоняет людей где-то в возрасте до 40 лет. И у Андрея Дмитриевича, совсем не в связи с голодовками, как любят говорить наши академики, было два периода ухудшения со-

стояния сердца за те 20 лет, что я была с ним. Одно было в 70-м году, когда он почти двигаться не мог. И в 75-м. Эта болезнь не диагностируется при жизни, и считали, что, может быть, тогда был инфаркт, и так писалось, что был инфаркт миокарда. Но при вскрытии выяснилось, что у него не было инфарктов. А к моменту, когда он умер, никакого ухудшения состояния здоровья не было. Это я знаю совершенно точно. Вот и все.

Ненависть к собственной тени

В последнее время с высоты разнообразных трибун — от парламентских до митинговых — и в прессе различного толка постоянно повторяется имя одного и того же общего врага. Враг этот, похоже, всем равно угрожает — и демократам, и патриотам, и аппаратчикам, и анархистам, и монархистам. Где-то раздалось даже: «Отечество в опасности!»

Имя этого «врага № 1», этой всем ненавистой, всем враждебной социальной группы — ДЕЛЬЦЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ. Говорят, что и война на Кавказе, и пустота в магазинах — на их совести. И бывшие аппаратчики, и бывшие диссиденты равно пугают: когда вполне утвердится рыночная экономика — уж тут-то точно «теневики» захватят не только весь рынок, но и саму власть в стране.

Кажется, кто-то умышленно нагнетает общественную ненависть, весьма приблизительно указывая ее объект. И тогда по другому становится тревожно. Все чаще и чаще слышится вокруг: «Покажите нам этих дельцов, покажите!» И политики самого разного толка удобно пользуются моментом, чтобы указывать на своих врагов и противников, и те в негодовании отмежевываются, отрещиваются и тут же

указывают на тех, первых. Между тем общественное ожидание напряжено до предела, и толпа обнищавших сограждан, начавшая пополняться первыми безработными, уже ревет: «Дашь!» И ведь дадут, вытолкнут кого-то толпе, и нужды нет, что безвинного: «Вот вам „теневого президент“, виновник ваших слез!» Страшно.

Нет, в именах-названиях надо разобраться. Политические дефиниции — не из области прикладной лингвистики. Сегодня ошибутся в названиях, а завтра как бы к стенке не поставили — по ошибке. И все оттого, что нечетки понятия.

Дело даже не в «теневиках». Или не только в них. Вообще нечеткие дефиниции — беда современной политической жизни. И самые опасные ошибки там, где выражена стратегия общественного развития. Теперь вот всем известно, что страна почти прошла уже путь от планово-распределительной (административно-командной) системы — к рынку... Но еще и еще раз оглянемся: прежде — разве без рынка жили?

Спросите председателей колхозов, как добываются (и всегда так добывались) стройматериалы или запчасти к тракторам и автомашинам: сколько по этому поводу бутылок водки выпито, сколько ведер ухи выхлебано, сколько бадеек меду перетаскано — и все это вдобавок к прямым взяткам. Спросите директоров заводов, как достаются (и всегда так доставались) трубы, цемент, металл, стекло. Попробуйте изъять из экономической реальности советского «коммивояжера наоборот» — толкача-снабженца, постоянно шныряющего по стране, постоянно что-то «выбывающего», кого-то подкупающего, меняющего дефицит на дефицит, — попробуйте убрать его, хотя бы мысленно, и вы увидите, что без него предпринятия страны давно встали бы без сырья, без комплектующих... Это ли не рыночные отношения? Пусть «черный», но, право же, всеобъемлющий рынок.

Да нет же, за последние десятилетия в нашей стране ни одно изделие не произведено, ни одна платная услуга не оказана вне отношений «черного рынка»... И если все это — некая побочная, *теневая* экономика, то где же искать иную, главную, нетеневую? И как назвать ее?

Пора признать с полной твердостью: в последние десятилетия не было у нас в стране никакой административно-командной системы. Она умерла вместе со Сталиным. Да и не могла она надолго пережить чрезвычайные условия военного времени. Чуть перестают расстреливать за «саботаж» и давать сроки «за колоски», экономическая логика всегда берет свое! Никаким централизованным распределением не заменить отношений купли-продажи. Вся советская экономика — вся сверху

донизу — пронизана отношениями «черного рынка». Они-то и есть живое кровообращение этого мертвого организма. Кровь, а не тень. И об этом всегда знали хозяева-коммунисты, и контролировали эти отношения, и даже культивировали их, прекрасно понимая, что они ничуть не угрожают их власти.

Ведь главная беда «черного рынка», его главное отличие от рынка свободного в том, что здесь прибыль не может стать полноценным капиталом, не может «работать» на расширение производства, на увеличение производительности труда. Изъятые из сферы обращения, контролируемого фискальными органами, эти деньги считались «черными» деньгами, «преступными». На них нельзя было построить завод или хотя бы цех и увеличить производство продукции. А если кто пытался, если решался кто, тот совершал самое страшное (по советским понятиям) преступление: вступал на опасную дорогу откровенных, открытых рыночных отношений, — и редко кому из таких инициативных дельцов удавалось миновать тюрьмы. А многие кончили и вовсе печально. Не знаю, кем из них руководило благородное стремление дать людям необходимые товары, а кем — страсть к наживе. Но были среди них те, кого мы вспоминаем как лучших людей эпохи. И тут не забудем хотя бы имена Хинта и Худенко — великих реформаторов, погибших в результате судебных репрессий. ...А сколько прошло с именами менее известными — **ДЕЛЬЦЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ?** Нет, *деятели*, осмелившиеся нарушить саму монополию аппарата до мелочей контролировать экономику. Вот им бы тогда — капитал, собственность и свободу! Да будем надеяться, есть еще деловые люди, выжили...

Тут я уже слышу возмущенные голоса иных высококонрастных читателей: вот взялся мафию оправдывать и ратует за то, чтобы с их грязными деньгами дали бы им возможность скупать земли, открывать заводы и получать прибыль, теперь уже законно... О мафии еще поговорим, у нее, как мы уже, впрочем, знаем, другое лицо... Но вот что до возможности *любому* бизнесмену, независимо от его «нравственного облика», свободно (и в любых, по обстоятельствам разумных, количествах) покупать землю, вести развитое товарное хозяйство, покупать или строить новые заводы — не стану отпираться — ратую.

Понятно, куда какое удовольствие при словах «деловые люди» иметь в виду братьев Морозовых или братьев Третьяковых — великих основателей лучших картинных собраний в России. Но кто скажет, уважаемые читатели и посетители Третьяковской галереи или Музея изобразительных искусств, откуда изначально пошли те капиталы, на которые позже были приобретены

коллекции, ставшие теперь нашим национальным достоянием? Спрашиваю не потому, что знаю что-то дурное о природе тех семейных капиталов, а затем, чтобы сказать, что капитал безразличен к нравственности. Как только деньги взяты из кубышки и пошли «работать на производство», так они теряют свой криминальный запах... Да, скажете вы, а как же историческое возмездие! Наворовали — и теперь в миллионеры.

Нужно с печалью признать: никакого исторического возмездия не будет. Совершил преступление, пойман за руку — конечно же, к суду! Но историческое возмездие к закону отношения не имеет. Опыт социализма в России показывает: или думать о возмездии, об «экспроприации экспроприаторов», или о производительной рыночной экономике и частной собственности. Или — или. На рынке нравственная история каждого индивидуального капитала — дело сугубо семейное. О моральном облике будущих российских каупервудов и форсайтов оставим размышлять писателям. Обществу же нужна производительная экономика...

Представление о советской действительности как об административно-командной системе идет от беллетристики. Но беллетристы, по счастью, ошиблись. Антиутопии Замятина, Хаксли, Оруэлла точно так же не могли состояться, как и сами утопии. Оказалось, никаким насилием, никакой обработкой мозгов невозможно отнять у человека потребность к простым отношениям купли-продажи. Просто нет в природе иного механизма для обеспечения жизни вида *homo sapiens*.

Коммунисты потерпели историческое поражение прежде всего потому, что, вопреки своим безумным теориям, не смогли уничтожить рынок. Все покупалось и продавалось в нашей стране. Все... и партийные должности в том числе. Или даже партийные должности прежде всего.

С неумолимой последовательностью экономической логики сам управленческий аппарат стал рыночным товаром. Задавая вопрос о том, сколько стоит должность секретаря райкома где-нибудь в Средней Азии или на Кавказе, я много раз убеждался, что сразу следует уточнять, какого именно райкома — городского или сельского, в глубинке или поближе к столице — на все особый прейскурант! И если товаром на «черном рынке» стали партийные должности, что же говорить о председателе колхоза или директоре завода! Вот как-то промелькнуло в печати: в одной области 14 милицейских должностей было куплено за деньги...

Это не печальные исключения — это и есть та система, при которой мы прожили жизнь и которая отчасти сохранилась и по сей день. Не всегда назначения оплачивались в открытую,

из рук в руки, и все же можно не сомневаться, попадал на хлебные должности неизбежно «свой человек», лояльный, а уж как расплатиться — это зависело (или зависит) от его сообразительности... Мелочь, конечно, но за тридцать лет журналистских поездок по аграрным районам страны мне ни разу не встречался руководитель — от уровня начальника районного сельхозуправления и выше, — семья которого покупала бы продукты питания в магазине.

Вся советская система — вся без исключения — была не чем иным, как грандиозным «черным рынком» товаров, услуг, должностей, привилегий... Нет, пожалуй, наоборот: должностей, привилегий... а товаров — в последнюю очередь. Материальный результат здесь вовсе не главное. Главное — сохранение власти. И если какой-нибудь энтузиаст, вроде покойного Николая Худенко, обещал втрое, впятеро повысить производительность труда, но вне существовавшей системы регламентаций товарных отношений — в этом видели прямую угрозу власти и энтузиаста убивали. И в этой обратной последовательности, в этой перевернутой логике вся суть советской политической и экономической системы, вся суть СОЦИАЛИЗМА.

Не будем забывать это замечательное, исторически емкое слово. Ни Маркс, ни Ленин, ни современники первого, ни современники второго слыхом не слыхивали ни о какой административно-командной системе. А вот о социализме говорили много. И понимался социализм прежде всего как отрицание священного права частной собственности.

В Советском Союзе был (и теперь еще в значительной степени есть в странах СНГ) именно социализм. Здесь не было и, по сути, теперь еще нет частной собственности. Здесь никому не принадлежит средство производства. Они государственные, или ничьи. Здесь вообще никому ничего всерьез не принадлежит... кроме власти. Не собственность распределена между гражданами страны, а ВЛАСТЬ — власть над землей, заводами, лесами, железными дорогами и т. д, власть над ценностями, которые *никому* не принадлежат. И в том числе — власть над рабочей силой, власть над человеком — самая сладкая из форм власти. И все это достается по должности. И к этому еще прикладывается и такая мелочь, как материальные привилегии. Вот почему должность (объективированная власть) и есть основной рыночный товар. Последовательно осуществленная идея социализма и есть ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА, а не «четвертый сон Веры Павловны» и не административно-командная система.

И вот здесь, в тени бестоварного рынка власти, и возникают идеальные условия для разветвленных мафиозных структур... Отсюда и уже известные нам страхи за будущее: ведь при

переходе к новым условиям хозяйствования преимущество будет снова у тех, кто сидит в должностных креслах, — им проще получить необходимые разрешения, проще приобрести собственность, проще придержать конкурентов.

Преимущества, конечно же, есть и будут. Но в этой тревоге, в этих страхах — нет ли пережитка классового взгляда на порядок вещей? Уже определив партаппарат как класс эксплуататоров, некоторые политики рвутся не только что свергнуть их и экспроприировать нетрудовую собственность, но и самих аппаратчиков... если не пустить в расход, то, по крайней мере, зачислить в разряд «лишенцев».

Так что же, история повторяется? И вновь речь пойдет об историческом возмездии?

У меня нет никаких симпатий к партаппарату, но, признаюсь, я хотел бы, чтобы оправдались — именно оправдались! — худшие опасения тех, кто боится превращения вчерашних аппаратчиков в собственников. Прекрасно! Пусть покупают землю. Пусть создают кооперативы или акционерные общества. Пусть хозяйствуют и конкурируют, пусть получают дивиденды и вновь вкладывают их в производство. Пусть станут богатыми людьми, предпринимателями. Или прогорят. Ведь стать предпринимателем — значит отказаться от «власти по должности» и пуститься в рискованную стихию рыночной конкуренции. Здесь силен не тот, кто больше отнимет, но тот, кто больше продаст... Пусть же они торгуют. Пусть станут наконец полезными... Не понимаю, почему они не имеют на это права. Лишь бы не мешали делать то же самое любому, кто захочет.

Не в том беда, что они сделаются частновладельцами земли или предприятий, а в том, что ведь не сделаются! Они не умеют, попросту не знают, как сделаться честными предпринимателями, а потому в страхе перед теми, кто умеет и знает, попытаются с помощью законспирированных структур, с помощью новой мафии поддержать свою монополию на власть и встать на пути перемен в стране... это еще в их силах.

Генерал КГБ
Олег
Калугин

Часть 2

— Вы неоднократно говорили о полной зависимости КГБ от партаппарата...

— Это взаимозависимо. Это полнейшее сращение, симбиоз. Это партийно-полицейская система.

— Но, кажется, партаппарат прямо на глазах разрушается. Что произойдет с КГБ?

— А КГБ — самая устойчивая часть единой структуры. Органы госбезопасности всегда были хранителями устоев. И в данном случае система может разлагаться и устои могут подвергаться полнейшему изменению, но структура, которая была создана работать в любых условиях, — она работает автоматически. Хотя и там происходят процессы расслоения и разложения, но для них это вопрос сохранения не только самой системы, но и самосохранения, самозащиты. Это вопрос выживания. Именно КГБ будет одной из тех структур, которые будут бороться до конца. И это опасность.

— Сейчас много говорят, что при разрушении видимой своей структуры партаппарат старается сохранить некую часть,

которая не видна, или даже кое-что создать заново. Скажем, войти в сферу экономическую, захватить собственность, создать ассоциации, компании, фирмы, которые принадлежали бы прежним структурам, но сохраняя или даже приобретая новое политическое значение и новую политическую силу. А КГБ участвует в этом?

— Участвует активно. Мои коллеги фактически контролируют весь процесс приватизации, процесс создания совместных предприятий, процесс создания акционерных или иных компаний негосударственного характера. Я мог бы назвать вам конкретные организации. Ну вот, например, государственно-кооперативное объединение АНТ. Помните, скандально знаменитый АНТ? К АНТу было прикомандировано 20 офицеров КГБ. Официально. Они занимали должности в этом объединении — 20 сотрудников КГБ. Это не юные лейтенанты, а уже зрелые люди достаточно высокого ранга. Вы представляете себе, что это была за корпорация, санкционированная премьером Рыжковым, с участием КГБ, — это был мощнейший экономический конгломерат, который взял в себя все: и партийную, и государственную структуры, и военно-промышленный комплекс задействован был.

— А что же Полозков, который так любил разоблачать АНТ, и он что — вступил в конфликт с КГБ?

— АНТ создавался здесь, в Москве, в центре. Он был санкционирован высшими союзными органами. А Полозков воспользовался данными местного управления КГБ в Краснодаре. Это послужило основанием для мощнейшей политической спекуляции. Полозков сделал себе на этом деле имя этакого радетеля за народные интересы... а заодно попытался разгромить новые структуры, выходящие на наш экономический горизонт. А местные органы КГБ действовали, как это обычно бывает на местах, под руководством секретаря крайкома — то есть Полозкова. А дальше дело пошло само собой. Когда происходит общественный скандал, потом трудно заметить следы. Нашли козлов отпущения в лице Ряшенцева, в лице каких-то достаточно мелких фигур. Рыжкову пришлось там объясняться, но в целом те, кто стоял за этим делом, остались в тени, никто не знает о них. Кстати, Полозков отражает определенные ультраправые на-

строения в компартии, и Краснодарский КГБ абсолютно с ним солидарен. Там начальником был некий Василенко, сейчас он секретарь отделения Союза писателей на Кубани.

— Это повышение или понижение?

— Он ушел на пенсию и получил такую синекуру. Секретарь Кубанского отделения Союза писателей.

— То есть, если я правильно понял, дело АНТа проявило конфликт между теми, кто хотел бы владеть и распоряжаться всем по-старому, и теми, кто ищет новых путей, чтобы не упустить все.

— Совершенно верно. Это, в сущности, попытка двух флангов все той же старой партии найти выход из положения. Одни ищут правду в сохранении старых позиций, а другие — ищут новые формы власти, и власти хозяйственной в том числе. Они сегодня фактически занимаются тем, что пытаются принаследжающее партийным органам имущество, здания, недвижимость превратить в доходную статью. Это не столько даже для партии, сколько для самосохранения. Самые обычные меркантильные наклонности. Я хотел бы подчеркнуть, что здесь не столько желание создать новые партийные структуры, выведенные за рамки традиционных — и тем самым сохранить свою мощь, — сколько паническое бегство в частный сектор, чтобы сохранить свой жизненный уровень. Тот уровень жизни, к которому они привыкли.

— Мне кажется, что ваша точка зрения на события оптимистична. Что же, речь идет об ассимиляции партаппарата в нормальной рыночной системе?

— Рынок, в первую очередь, будет захвачен правящим аппаратом и КГБ, потому что у них возможности распоряжаться процессами приватизации и создания новых предприятий, у них лицензирование, у них влияние. Но этот уход в экономические структуры — это бегство крыс с корабля.

— Предположим, что бегство состоялось. Они захватили с собой то, что могут захватить, и, как вы говорите, бежали с корабля. Но точно ли, что это бегство с

корабля; точно ли, что люди при этом становятся независимы от тех партийных структур, которые помогли им это приобрести — собственность или открыть свое дело? Если это просто развал, коррупция, разложение и бывший партаппарат становится группой безответственных частных владельцев — это одно дело. Я не знаю, хорошо это или плохо, но это одно дело... Но не может ли быть так, что партаппарат как бы делегирует своих людей в экономику, наделяет их собственностью, вытаскивает на рынок... но сохранив контроль над ними, над рынком и в конце концов сохранив контроль над страной, и тогда — это совсем другое дело?

— Я понимаю. Я согласен, что здесь есть элемент панического самосохранения, стремление в этой панике и неразберихе сохранить организационное ядро — людей, которые могут в определенной ситуации снова возникнуть на политической сцене, попытаться вернуть то, что они потеряли. То есть я не стал бы говорить, что это сплошное «бегство с корабля», — это было бы слишком упрощенно. Здесь есть элемент организованного отступления, несомненно. Но все-таки, я думаю, в подавляющем большинстве случаев — это отступление людей, ищущих себе возможность сохранить прежний уровень жизни.

— Если использовать здесь слово «организованно», то тогда надо говорить не об отступлении, а о наступлении. Наступление коммунистов на рыночную экономику будущего?

— Нет, все-таки отступление, при котором отступающая сила пытается сохранить какой-то элемент упорядоченности и возможности сохранения ядра и, может быть, со временем возвращения к прошлому...

— А каково место КГБ в этом процессе?

— Они как капитан, который бежит с корабля последним.

— Может, они, настоящие или бывшие сотрудники КГБ, и будут этим ядром будущего возврата?

— Может быть. Кстати, почему КГБ и партия работали в таком тесном единстве? Партийцы ведь некогда вышли из подполья, они всегда были конспираторами, создавали параллельные структуры, легальные и нелегальные. И сейчас этот опыт может пригодиться. А КГБ по части конспирации — лучший помощник, и там профессионалы конспирации. В этом смысле опыт КГБ будет бесценен для тех, кто попытается, не паникуя, сохранить конспиративные политические структуры.

— А в структурах КГБ есть или были структуры или исследовательские центры, которые эти возможности изучают?

— Сегодня есть или нет, я не знаю. Но если бы я там был, я бы задумался.

— Есть ли еще в стране какие-либо тайные общественные силы, структуры, движения, которые могли бы претендовать на политическую власть? Вот, скажем, называют «теневиков», дельцов «черного рынка»...

— Я думаю, что «теневики» — это очередное пугало, которое создала наша система. Многие спекулянты наживаются, но неужели они обязательно хотят заниматься политикой! Да зачем им это нужно? Я знаком с людьми из этих сфер — все они люди достаточно примитивные. Они свои богатства накопили частично хитростью, частично настырностью, но считать, что они являются какой-то политической силой в стране, — это, уверяю вас, неверно. Сделайте нашу экономику нормальной рыночной, и теневая структура просто растворится в ней.

Зачем приходил Горбачев?

Горбачев ушел. А зачем приходил? Кто приводил его? Теперь насаждается мнение, что в марте 1985 года Горбачева привела к власти осознанная в правящих кругах необходимость реформ, и прежде всего — в экономике: к тому времени резко сократились темпы роста национального дохода и производительности труда. «Все прогнило! — констатировали лучшие люди партии, такие, как Горбачев и Шеварднадзе. — Отечество в опасности, страна на грани экономического краха».

Но точно ли в начале восьмидесятых кризис экономики был столь опасен? Разве советские люди не знавали времен потяжелее: скажем, голод и разруху в начале тридцатых годов или вскоре после войны с Гитлером, — и никогда коммунисты не говорили о каких бы то ни было особых опасностях и не помышляли о гуманных реформах, напротив, даже и в самые гибельные времена всегда находились основания заявить о новых победах социализма.

Сталин в своих речах и выступлениях никогда не говорил об экономике, но о власти над экономикой. И в начале восьмидесятых его партийные наследники

озаботились не кризисом экономики, но КРИЗИСОМ ВЛАСТИ: за явлениями нарастающего экономического спада коммунисты — после шестидесяти пяти лет безраздельного правления в России — явно различили мощную и все нарастающую общественную оппозицию своему режиму.

Не о нескольких десятках диссидентов речь, а о всенародном, ежедневном, повсеместном отрицании коммунистической доктрины!

В кругах партийного истеблишмента первыми об опасности роста оппозиции заговорили ученые-социологи. Именно они ввели в политический обиход новый, тревожный для коммунистических политиков термин: «человеческий фактор». В апреле 1983 года академик Татьяна Заславская, один из крупнейших авторитетов советской социологии, прочитала в Новосибирске на научном семинаре доклад, в котором высказалась в том смысле, что интересы власти и общества находятся если и не в прямом противоречии, то в состоянии сильной дисгармонии. Эти мысли были опасным откровением даже в устах «своего» академика. Несмотря на узкий круг слушателей, среди которых были такие деятели грядущей «перестройки», как академик А. Аганбегян, доктора экономики Б. Ракитский, Б. Курашвили и другие, текст доклада был изъят КГБ...

Однако идеи того доклада получили развитие в последующих статьях Т. Заславской, и по ним можно увидеть, что именно тревожило наиболее чутких сторонников коммунистической доктрины, бывших к тому же авторитетными правительственными консультантами. «Живой труд... становится слабым моментом функционирования сложных технологических систем, — предостерегала Т. Заславская. — По масштабам своего экономического, социального и экологического эффекта средний час труда современного человека, по-видимому, равен дням, если не неделям труда его родителей и дедов»¹. Нетрудно было понять, что так же точно средний час труда американца или немца равен дням, месяцам, а иногда и годам труда советского человека. А это значит, что и далее отставание СССР от Запада (или отставание «социалистического сектора» в мировом масштабе) будет увеличиваться в геометрической прогрессии. Как в популярном анекдоте: «На сколько лет СССР отстал от Японии? Лет на тридцать — сорок?» — «Нет. Навсегда!»

Коммунист Заславская понимала это и предостерегала:

«...Высококвалифицированный, социально развитой человек является менее подходящим объектом административного (а

¹ ЭКО, 1986, № 3, с. 5.

тем более бюрократического) управления. Это одна из причин того, что методы адресно-директивного управления экономикой и другими сферами жизни становятся менее эффективны...

...В 70-х — начале 80-х годов в развитии страны возникли неблагоприятные тенденции и трудности.

Одной из таких тенденций явилось снижение общей планомерности и управляемости общественного развития, проявившееся в ослаблении плановой дисциплины, трудностях материально-технического снабжения, возникновении „теневых“ экономических отношений, расширении некоторых источников нетрудовых доходов, усилении... алкоголизма, пьянства, ослаблении семейных уз и т. д.»².

Коммунисты всегда были уверены в своей власти и над всей экономикой в целом, и над каждым работником в отдельности. И вдруг — какой-то «человеческий фактор»! Именно как фактор политики и экономики откуда-то вдруг явился непокорный, не подчиняющийся приказам человек, работник, субъект «живого труда» — и начал угрожать «снижением планомерности и управляемости», или, иначе говоря, самой ВЛАСТИ коммунистического аппарата... То, о чем сообщала Заславская, выглядело как повсеместный тихий бунт.

Вот когда началось осознание необходимости реформ! К началу восьмидесятых годов стало ясно, что каким-то непостижимым, прямо-таки волшебным образом во времена относительно мирные, без какой бы то ни было политической борьбы власть уходила из рук коммунистов, буквально ускользала сквозь пальцы — пока еще не власть над страной в целом, но над каждым работником в отдельности.

Стихийная, ни тогда, ни теперь еще никем не осознанная в категориях политических, но от этого не менее действенная и решительная оппозиция общества, оппозиция здравого смысла — в экономике, в быту, в искусстве, в общественной сфере — постепенно разлагала, разрушала, разваливала власть коммунистической доктрины, приближала ее к полному краху. И хотя кризис экономики был, пожалуй, самым явным свидетельством приближающегося краха, но и тут главной-то была проблема, которую никак нельзя считать чисто экономической: люди, работники, производители материальных ценностей в своей повседневной деятельности так или иначе саботировали правила и законы, установленные коммунистической доктриной. Ни тебе желанной планомерности, ни плановой дисциплины!

² ЭКО, 1986, № 3, с. 7—9.

Вот почему возникла необходимость реформ: проблема восстановления ВЛАСТИ над работником была куда важнее чисто экономических показателей. И когда Горбачев заявлял и заявляет, что начало реформ целиком зависело от его доброй воли и что он мог весь свой долгий генсекровский срок править по-старому, — он лукавит. Не начни он реформ, срок его вряд ли был бы долог. Народ если еще и не бунтовал открыто, то уже не «безмолвствовал» — и в экономике, и в политике. В обществе усиливалось напряжение, и достаточно было сильной искры недовольства, чтобы произошел взрыв — вроде как это потом случилось в Румынии. И тут уж действительно Отечество могло оказаться в опасности.

Между тем скомпрометированные хрущевскими разоблачениями методы прямого насилия над обществом, методы ГУЛАГовского принуждения не могли быть вновь использованы. На широкомасштабный террор у коммунистов уже не было сил. Невозможно было одновременно вести войну в Афганистане, держать в кулаке бунтующую Польшу и ускользающую из-под власти Венгрию, поддерживать бандитские режимы в Эфиопии и Анголе, противостоять американцам в гонке вооружений, принимающей космические масштабы, — и попытаться по-сталински зажать в кулак собственную страну. Кажется, даже самые твердолобые коммунисты поняли, что пришло время искать компромисс с обществом, с народом... Впрочем, само слово «реформы» пока еще не было произнесено: в привычном партийно-бюрократическом лексиконе нашли бессодержательный и ни к чему не обязывающий термин «перестройка»...

Политическая модель, о какой мечталось коммунистическим лидерам, была близка к фашизму: освободить от жесткой регламентации экономические отношения, но при этом как-то усилить контроль в сфере политики — именно такие идеи брезжили в энергичных, хоть и недолго звучавших речах Юрия Андропова. Народ устал от экономического дефицита, и всякий компромисс в направлении экономических свобод был бы понят и принят — даже если бы сопровождался «закруткой гаек» в политике и идеологии... На первый взгляд казалось, что для реализации такой модели не хватало только ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ, под знаком которой можно было бы ужесточить политический, идеологический и административный режим.

«Коммунистическая идея» уже ни на что не годилась. Возврат к государственному террору под лозунгом «Вперед к коммунизму!» теперь уже всеми понимался как абсурд, в том числе и самим правящим аппаратом, все более коррумпировавшимся и от этого все более заинтересованным в частичном освобождении рыночных отношений.

Не годилась и национальная «русская идея», которую Сталин с таким успехом эксплуатировал во время войны с немцами. В многонациональной империи, с ее сложным комплексом межэтнических проблем, насильное, репрессивное внедрение такой идеи повлекло бы за собой тяжелые, просто-таки непредсказуемые последствия и «тихий бунт» против коммунистов мог бы превратиться в ожесточенную войну (что в конце концов и произошло, но уже в других исторических условиях), — похоже, что это всегда понимал и этого всегда боялся коммунистический «центр»...

И все-таки конгениальная государственная идея, годная, чтобы положить ее в основу нового тоталитаризма, существовала — и уже давно, не одно десятилетие. Это была хоть и не национальная, но близкая ей патриотическая идея: «Отечество в опасности!»

С момента провозглашения СССР принято было считать, что он живет и будет жить в окружении врагов. Именно *внешняя* опасность требовала тесного сплочения общества вокруг «партии и правительства». И всякий, кто покушался на это единство, — покушался на безопасность Отечества. Коммунистический режим и Родина в официальном лексиконе сделались синонимами. Даже попытка создания политической партии, оппозиционной коммунистам, квалифицировалась как «измена Родине». Любое инакомыслие — не только в политике, но хоть и в философии — рассматривалось не иначе как «пособничество иностранным спецслужбам».

Уже к середине семидесятых годов именно внешняя опасность, именно «опасность агрессии со стороны империализма», сделалась главной, если не единственной основой государственной доктрины коммунистов.

Беспрецедентная «гонка вооружений» сопровождалась и беспрецедентными же пропагандистскими усилиями: об истинных целях советской внешней политики и советских военных приготовлений народу не сообщалось буквально ни слова правды. В корпус комментаторов-международников набирались люди какой-то фантастической бессовестности. Но мало этого: чтобы не произошло непредвиденных случайностей, деятельность комментаторов строго контролировал уникальный по своему назначению отдел международной информации в структуре ЦК КПСС...

Но такая политика заставляет и впрямь балансировать на грани войны или даже вести локальные войны (как в Афганистане), иметь колоссальную армию и соответственно ориентировать экономику. Военно-промышленный комплекс все в большей степени становится силой политической: от него зависит

не только обороноспособность страны, но в конечном счете и стабильность власти...

Так вот к началу восьмидесятых годов и выяснилось, что эту силу как раз и невозможно должным образом поддерживать, пока не будет найден способ ликвидировать отставание в машиностроении, в технологиях, в соответствующих научных разработках. А отставание, как мы знаем, происходит оттого, что «высококвалифицированный, социально развитый человек является менее подходящим объектом административного (а тем более бюрократического) управления». И, перестав быть «объектом управления», он становится субъектом оппозиции властям. Замкнутый круг! И чтобы разорвать его, лидерами ВПК (Громыко, Устиновым и др.) и был призван к власти и поддержан самый молодой, самый энергичный член Политбюро КПСС Михаил Горбачев...

Теперь уже все забыли, но ведь в первый перестроечный лозунг входило слово «ускорение». И речь шла именно об ускоренном, приоритетном развитии машиностроения как основы ВПК. Все же разговоры о гласности, демократизации и т. д. пошли позже и понимались многими именно как политический маневр коммунистов перед новым витком репрессий и гонки вооружений.

Но неужели Горбачев, открывая эпоху «гласности» и прочих если еще не демократических, то демократизаторских новшеств, не понимал, что творит? Неужели «человеческий фактор» ничему его не научил? Неужели не понимал он, предлагая летом 1988 года новый избирательный закон, что любая, даже самая минимальная, соревновательность — в политике ли, в экономике ли — неизбежно обернется не усовершенствованием, но полным крахом коммунистической доктрины?

Нет, он все понимал и действовал сознательно. Он чутко ощутил истину, которая проявилась уже в первые два года «перестройки и гласности» и которая до самого последнего времени осталась недоступна дубоватым номенклатурным консерваторам: невозможно сохранить одновременно и доктрину, и власть над страной — напор общественной оппозиции не позволяет. И выбор был сделан в пользу сохранения власти... Не Горбачев, или, вернее, не один только Горбачев, выбирал. Выбор сделала наиболее мыслящая, наиболее гибкая, если угодно, наиболее хитрая часть номенклатуры: сохранить власть, но отказаться от коммунистической доктрины.

Только теперь мы начинаем понимать: в России произошла невиданная в истории человечества революция! Политикам удалось сменить государственную доктрину... сохранив власть в тех же руках, что и прежде. В силе остались те же правящие

структуры, ну разве что слегка сместились их функции — в соответствии с новой, на этот раз рыночной, капиталистической доктриной.

Чудо? В истории не бывает чудес. И то, что произошло в России, не чудо, но закономерность, подготовленная скрытым процессом разложения коммунистической государственной системы. (Именно *скрытым* процессом — поэтому такое значение и имели и по сей день имеют здесь скрытые, теневые, тайные структуры.) От «социалистического сектора экономики», который вообще никогда не существовал в чистом виде, к началу 80-х и вовсе мало что осталось: вся цепочка управления экономикой, все внутри- и межотраслевые связи были сверху донизу коррумпированы и пронизаны отношениями «черного рынка». Но, как ни парадоксально, именно «черный рынок» и обеспечивал более или менее нормальный производственный процесс. Оказалось, что «капиталистический сектор», которого так опасался Сталин, не только не исчез в результате репрессий и запретов, но чудесным образом ожил, пророс внутри мертвых отношений «сектора социалистического». Пророс и сделался системой живого кровообращения в мертвой оболочке формальной «плановой экономики»... Не для того ли и реформы, чтобы снять назревшее противоречие между оболочкой и содержанием — именно в пользу здоровых рыночных отношений и частной собственности?

Моралистов сегодня тревожит, что вчерашние секретари райкомов завтра сделаются президентами банков и бирж и будут, как и прежде, распоряжаться всеми материальными ценностями в стране, но только уже на правах частной собственности. Увы, таковы законы рынка, и, какие бы программы приватизации ни были приняты, собственность все равно в конечном счете осядет в руках наиболее наглых, наиболее бессовестных, наиболее нахрапистых дельцов. Тут никуда не деться. Неизбежность процесса (и нейтральность экономики к категориям морали) хорошо выразил политолог Андраник Мигранян: «То, что должно быть украдено, должно быть украдено как можно скорее. И это единственный способ прекратить грабеж».

Так или иначе, но в какую бы сферу экономических (да и политических) отношений мы ни сунулись, всюду увидим, что дело контролируется теми же людьми, которые и во вчерашних структурах власти были не последними деятелями. Да и ВПК по-прежнему имеет не последний голос и в экономике (в частности, в распределении бюджета), и в политике, и в руководстве процессом приватизации...

Три страшных лика, три мертвенных воплощения было у коммунистической власти: партаппарат — военно-промышлен-

ный комплекс — КГБ. До сих пор три эти лика, три облика постоянно перемежались, сливались в нечто единое, по временам несколько конфликтовали, но никогда не делились окончательно натрое — и не могли разделиться, потому что не могли друг без друга существовать. Эта-то триединая субстанция, перетекая в новые кабинеты, меняя имена, и продолжает определять направление политического курса — и направление это уж вовсе не в сторону демократии...

Особенность нашего времени в том, что вчерашний правящий аппарат, отказавшись от коммунистической доктрины и от своих прежних доктринальных имен, сохранил всю полноту власти распоряжаться материальными благами в стране. А кто распоряжается собственностью, тот в конечном счете и политическую музыку заказывает. Многократно замечено: только через посредство вчерашних аппаратчиков можно получить «добро» на участие в большом бизнесе — и только в их интересах. Тут опасность не в том, что владельцем завода или банка станет вчерашний секретарь райкома — пусть бы! Опасность и даже прямо беда в том, что этот *вчерашний* — человек несвободный, связан круговой порукой, целиком и полностью принадлежит своему социальному слою (все те же аппарат — ВПК—КГБ), во всех своих действиях зависит от него — ведь отсюда же и получает все права на собственность, и вовсе не бесплатно, но при негласной клятве на верность. А нарушит клятву — и в собственниках долго не продержится.

К чему же пришли? К демократии? Казалось бы, рыночные отношения легализованы. В сфере мелкого и среднего производства, в сфере обращения мелкого и среднего капитала наметились отношения плодотворной конкуренции. Крупный капитал акционизируется. Мелкая и средняя собственность переходит в частные руки... Не так ли?

Но вспомним, реформы Горбачева начинались ради сохранения власти над человеком, над работником. И власть сохранили. В политике, в экономике распоряжаются те же люди и те же структуры. Но теперь в их руках не столько вожжи политической или административной власти над личностью работника, сколько кнут власти экономической — через монопольно контролируемую систему банков, бирж, ключевых отраслей крупной промышленности. Вполне определилась власть крупного капитала над мелким, экономическая власть крупного капитала над собственником рабочей силы — человеком, работником.

Конфликт между властью и обществом обрел черты хоть и новые для России, но, в общем-то, традиционные для рыночной экономики: если общество — как потребитель — заинтересова-

но в свободной игре конкурирующих производителей, то монопольный владелец крупного капитала заинтересован в полном контроле над экономикой. Потребитель заинтересован в изобилии товаров и услуг, в стихийном развитии производства под напором общественного спроса... но тому, кто монопольно владеет крупным капиталом, вовсе не нужна неуправляемая экономическая стихия, ему нужно как можно более строго упорядоченное, плотно контролируемое производство и распределение... Конфликт этот имеет отражение и в политических категориях — как конфликт между демократией и авторитарным или даже тоталитарным режимом.

В обществах западного типа обострению подобных конфликтов препятствует мощный, гибкий, замечательно жизнеспособный «средний класс». Этот слой общества — с его неиссякаемыми предпринимательскими амбициями — истинный мотор рыночной конкуренции и основа политической демократии. В сегодняшней России «среднего класса» нет. Плановмерно и целенаправленно его уничтожают всюду, где он мог бы появиться: в виде ли крупного фермерства или в лице новых предпринимателей в промышленности, строительстве, торговле. Для убийства все средства оказываются хороши: и бандитская налоговая политика правительства, и круговая порука взяточников-чиновников, и социальная демагогия радетелей о судьбах народа.

В России нет сегодня социальной основы для демократии. Намеренно и расчетливо ей не дают возникнуть. Ее подавляют как раз те силы — явные и тайные, — которые так ловко сумели расстаться с мертвой коммунистической доктриной, но сохранили право безраздельно распоряжаться всеми богатствами страны. Теперь они хотят не только контролировать экономику, но и в прежних объемах восстановить свой контроль над обществом. И, видимо, это им удастся. Они многому научились. Они дадут возможность мелким собственникам накормить страну. Они прекрасно понимают, что сегодня прямо и грубо отвергать интересы общества нельзя. Но хотя «человеческий фактор» по-прежнему нельзя изъять из политических расчетов, оказывается, сегодня им проще манипулировать.

Вновь зазвучало: «Отечество в опасности!» Но если прежде опасность была мнимой, то теперь она вполне реальна: развал прежнего Союза, конфликты межнациональные и межгосударственные создают угрозу и самой российской государственности (а в прежних республиках — государственности украинской, грузинской, узбекской и т. д.). Экономический кризис грозит непредсказуемыми социальными столкновениями и беспорядками. Это ли не реальная опасность для Отечества? Добавим, что национальная «русская идея», пребывавшая прежде

как бы в состоянии некой политической дремы, теперь получает священную силу охранительного знамени...

Все! Перестройка успешно завершилась. Все цели, ради которых властные структуры начала восьмидесятых годов решились на реформы, — теперь достигнуты. Какой же режим в ближайшем будущем установят в России (и на Украине, в Узбекистане, в Молдове) те силы, которые сохранили в своих руках основные структуры государственной власти, сохранили монополию распоряжаться экономикой и контроль над социальными процессами? Судите сами. Можно было бы сказать, что это будет фашизм или что-то похожее на фашизм... Но в истории рискованно давать названия, оперируя опытом прошлого. Если и фашизм, но «нашенский», российский, еще не виданный в истории человечества, еще не названный...

«Человеческий фактор» — это мы с вами. Мы и будем фашистами. Мы и будем до последнего дыхания противостоять фашизму.

Антон Козлов

Метакоррупция. Уголовный генезис партии большевиков

1

Сегодня все в Советском Союзе говорят и пишут про мафию. И при этом оказывается, что в СССР под мафией может пониматься любая структура, от бывшего КГБ до кооператива, торгующего вареньем. Вспомним информацию, опубликованную за несколько дней до выборов 12 июня 1991 года, согласно которой Ельцин был связан с итальянской мафией. Важна в данном случае не столько попытка очернить Ельцина, сколько возможность такого обвинения и его публикации в центральной прессе. Обвинения против Ельцина в данном случае — обвинения коммунистического аппарата самому себе, хоть обвинения и печатала «Советская Россия». Ведь и бывшего члена Политбюро ЦК КПСС Лигачева, и других коммунистов тоже обвиняют в связях с мафией, и делают это вполне «прогрессивные» газеты. В данном случае важна прежде всего сама постановка вопроса. Не факт важен, но возможность факта. Ибо ставит под сомнение не столько репутацию самого Ельцина, никакого отношения к итальянской мафии не имевшего, но сам процесс получения и распределения власти в СССР.

Не связан, но МОГ БЫТЬ связан или МОЖЕТ БЫТЬ связан. Именно это наличие возможности «быть связанным» является на сегодняшний день главной характеристикой политического процесса, происходящего в СНГ, составной, если не основной частью сегодняшней политической культуры.

Действительно, советское общество переживает глубокий кризис власти. То, что коммунистический аппарат был организацией преступной, говорят все. Нет ли, однако, здесь упрощения сложных социально-экономических процессов, происходивших и происходящих в государстве?

Социализм — результат попытки создать качественно новое общество на качественно новых принципах; в основе его лежали как будто благородные идеи свободы и равенства. Те, кто мечтал о коммунистическом обществе, кто его начинал создавать — не были уголовниками, социальными дегенератами и вырожденцами в ламброзианском смысле. Сделал ли Достоевский уголовником Раскольников, убившего старушку-процентщицу? Были ли уголовниками реальные Нечаев или Дзержинский? Навряд ли. Откуда же тогда такое повсеместное засилье уголовников, воров, взяточников и растлителей в современном российском обществе?

И что такое мафия в бывшем Советском Союзе и нынешнем государстве (государствах)? Нет ли ошибки в самом понимании, что есть мафия? Чем она занимается? Торговлей наркотиками? Оружием? Проституцией? Азартными играми? Производством нелегальной продукции и ее сбытом? Контрабандой? ¹

Не будем вдаваться в этимологические и социоантропологические определения понятия «мафия». В широком смысле «мафия» — это организованная преступность. На Западе существует четкое определение организованной преступности. Мафия, если мы примем определение, данное ей сенаторами Маккеланом и Лаушем, это: 1) организация, цель которой систематическое неуважение конституционного права и порядка, 2) члены которой занимаются азартными играми, транспортировкой наркотических веществ, вымогательством, рэкетом, проституцией и прочими преступлениями коммерческого характера, руководствуясь при этом своими этическими нормами, 3) коррумпируя должностные лица для облегчения проведения своих операций, 4) авторитет и дисциплина внутри которой поддерживается посредством насилия ².

Для бывшего Советского Союза такое определение явно не подходит: на Западе существует четкое законодательство, в бывшем СССР же граница между законом и беззаконием размыта.

Один из важнейших аспектов деятельности организованной преступности на Западе — монополизация «черных рынков» и

«черной экономики». Главнейший фактор, сводящий к минимуму конкуренцию внутри «черной экономики», — законы, определяющие, какие товары и услуги являются законными, а какие нет. Законы, определяющие ту или иную продукцию как законную, являются своего рода тарифами. Преступная организация, монополизирующая «черный рынок», зависит от легитимного общества, ибо «черный рынок» является таковым по контрасту с «белым», законным рынком. Но в бывшем СССР практически все может быть «черным рынком». Советские криминологи официально пишут о том, что государственные чиновники не просят, нет, — требуют взятки!³

2

В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс писали, что пролетариат сможет стать господствующим классом, только применяя «деспотические меры» для изменения производственных отношений и отношений собственности. Подобные меры представлялись Марксу и Энгельсу временной необходимостью. Ленин продолжил мысль классиков и вслед за Гегелем объяснил, что идея находит свое воплощение в УЧРЕЖДЕНИИ. Сам Маркс указывал, что идеи вторичны по отношению к реальной деятельности (и посему освобождение пролетариата должно быть делом рук самого пролетариата)⁴.

L'homme c'est le style. Учреждение — это форма, и в государственной доктрине коммунистов важна прежде всего форма. Без организации никакой ленинизм немислим. Главная работа Ленина — это, конечно же, «Что делать?». Здесь предопределяется все, что впоследствии произошло в России, от стябрьского переворота до «узбекского дела» и августовского путча. В этой работе Ленин впервые сформулировал необходимость создания тайной организации в целях захвата власти и установления диктатуры. Сам Ленин выступал за якобинские методы захвата власти, о чем недвусмысленно говорил в «Двух тактиках социал-демократической и демократической революции»: «Если революция закончится решительной победой, мы сведем наши счёты с царизмом по-якобински, или, если хотите, по-плебейски». И далее Ленин цитирует Маркса, согласно которому террор французской революции являлся плебейским способом защиты революционных завоеваний от многочисленных врагов⁵. Большевики, по Ленину, якобинцы социал-демократии, т. е. террористы, призывающие народ, т. е. «пролетариат и крестьянство, свести по-плебейски свои счёты с самодержавием и аристократией...»⁶.

Ленин выступал сторонником заговора. Захват власти — дело рук тайной организации заговорщиков-террористов. Отсюда его бесконечная ругань в адрес «легальных» марксистов. Легальные марксисты выступали сторонниками договора и социальной эволюции, Ленин — сторонником заговора и революции. Противопоставление заговора договору определило всю дальнейшую русскую историю.

3

Организация «партии нового типа» — главное ленинское достижение. Ленинская партия суть система заговора, заговор in the making. Партия Ленина вышла на политическую сцену именно в тот период, когда Россия, вслед за большинством европейских стран, находилась на сложном пути перехода от феодальных общественных отношений к капиталистическим. Собственно, сама партия, а не ее идеология и явилась реакцией архаического сознания на наступление «хаоса» модернизма и либерализма. Большевики захватили власть в России именно в тот момент, когда там произошла истинно буржуазно-либеральная и притом практически бескровная революция февраля — марта 1917 года. Российская буржуазия оказалась слишком разрозненна, неорганизована, чтобы удержать власть, а вместе с ней и те исторические завоевания в области культуры сознания, которые начались реформами Петра и закончились триумфом либерализма в 1917 году.

История западного государства развивалась в направлении от «заговора» к «договору», в том смысле, что если концентрацию власти в руках незначительной части общества при отсутствии правовых норм можно рассматривать, как форму заговора, то постепенное перераспределение капитала и власти, увеличение правосознания и конституционализация политической и общественной жизни носили «договорный» характер. Конституция, представленная Кромвелем английскому парламенту, называлась «Народный договор». Договорный характер общественных отношений был прямо связан с институализацией частной собственности и свободы совести.

Право на частную собственность и свобода вероисповедания явились основными принципами, на которых строился западный политический плюрализм. Именно эти два института — свобода совести и право на частную собственность — являлись проводниками гуманизации общественных отношений и способствовали укреплению договорных начал политического плюрализма. Процесс кристаллизации современных правовых

норм приходится на период XV — XVIII веков и прямо связан с двумя событиями того времени — Реформацией и зарождением капитализма. Реформация акцентировала свободу совести и, как следствие, свободу слова. Капитализм, со своей стороны, ставил во главу угла деньги и частную собственность. Деньги — форма договора, идея обмена — тот же договор.

И Локк и Руссо уже прямо говорили об «общественном договоре». Согласно Руссо, человеческое общежитие строится на договорной основе, — вступая в общество, человек отказывается от какой-то части своей независимости, гарантируя таким образом защиту собственной свободы и безопасности в целом. Идеи Руссо воспринял основатель школы классической юриспруденции Чезаре Бонесана ди Беккариа, оказавший немалое влияние на формулировку европейских и американского уголовных и гражданских законодательств на рубеже XVIII — XIX веков. Кульминацией идеи договора как основы общества явились американская Конституция и Декларация прав человека.

Деньги и собственность — необходимые составные части процесса экономического развития. Большевики, захватив власть, заменили экономические и политические отношения, построенные на договоре, экономическими и политическими отношениями, построенными на заговоре. Вместе с правом на собственность были автоматически утрачены права на свободу слова, независимый суд, неприкосновенность тела и жилища. Уничтожение класса продуктивных собственников и института частной собственности в России сразу же привело к эскалации насилия. Ибо первейшая человеческая собственность — это жизнь, а первейшие права — это право на жизнь и право на тело. Человеческая жизнь, человеческое тело перестали быть собственностью, защищенной законом. Смерть превратилась в банальность; перестав быть выражением сверхъестественной воли или трагедией, смерть превратилась в феномен утилитарный и социальный. В сентябре 1918 года по улицам Петрограда ходили толпы красноармейцев и сочувствующих с полотнищем, на котором был изображен огромный череп и подписи: «Красный террор!» и «Смерть буржуазии!»⁷. Террор — это была форма борьбы, содержанием которой было противостояние классов. Те, кто призывал Россию к якобинской «плебейской» гильотине, недодумали одного: форма в итоге побеждает. Ибо она в итоге определяет качество действия и качество результата.

Организация ленинской партии отражала ленинскую культуру сознания. Ленин — журналист-заговорщик. И мир в его восприятии — мир, состоящий из всевозможных заговоров. Религия — заговор. Государство — заговор. Война — заговор. Убийство Володарского — заговор. Восстание кронштадтских матросов — заговор.

Потом, уже после Ленина, заговор промпартии. Заговор троцкистов. Заговор Зиновьева и Со. Заговор врачей. На заговор нужно отвечать заговором. Поэтому классовая борьба — заговор пролетариата против буржуазии. Ленинский «пролетарский» заговор начинается на уровне языка. Ленин — мастер по части создания новых понятий. Но он умел и старые понятия наделить новым, удобным ему, заговорщику, смыслом. Например, «демократия» в греческом полисе означала участие всех свободных граждан в политической жизни полиса. Демократия — власть демоса, построенная на всеобщих договорных началах, или, как теперь говорят, на консенсусе. Демократии противостоит деспотия. Так думали философы со времен Платона. По Ленину же, «решительно никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц НЕТ»⁸.

Под конституцией подразумевается надправительственный документ, гарантирующий права и свободы, верховный светский закон, перед которым равны все граждане. Так понимали конституцию в Европе и Америке в XVII и XVIII веках, когда писались первые конституции. Для большевиков же конституция — ширма для заговорщиков. В резолюции VIII съезда партии говорится: «Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в коем случае не следует... Свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской Конституции. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их»⁹. Большевицкий язык — это некая новая политическая «языковая игра», заговорщицкая кода, подобная тем, которые существуют в уголовном мире и являются, собственно, одним из его первых признаков.

Заговор на уровне осмысления реальности, на уровне нового языка получил статус официальной идеологии и определил не только государственное устройство, но всю совокупность новой культуры (хотя при ближайшем рассмотрении культура эта была не так уж нова). Построение общества на основе заговора

привело к формированию типа культуры, характеризующей архаические общества, строящиеся по принципу семейно-кланового «заговора».

5

Интересно, что «пролетарская культура» коммунистических заговорщиков имеет очень много схожих элементов с традиционной культурой сицилийской мафии. И та и другая — культуры архаические по типу, построенные на дихотомии «свой — чужой», когда «чужие» — прежде всего символ системы враждебных ценностей *par excellence*.

В таких культурах насилие является главным способом разрешения внутренних противоречий. Отсюда — культ насилия, насаждавшийся большевиками. Большевистский язык полон военной терминологии. Постоянно встречаются слова типа «фронт», «мобилизация», «бойцы» и т. д., а предложения ставятся в повелительное наклонение. Даже когда речь идет о мирных начинаниях: «Как в свое время полки и батальоны перерождались оттого, что в них вливали мобилизованных коммунистов, так и сейчас должны переродиться все наши паровозные и вагонные мастерские, железнодорожные депо и учреждения»¹⁰.

Культ насилия в пролетарской культуре — основополагающий, ибо «творческое» насилие является единственным способом трансформации общества. Классовая борьба — культ насилия. Смерть революционного героя в борьбе с «темными силами» — основополагающий принцип коммунистической псевдоэсхатологии. Отсюда же культ «тайны». «Болтун — находка для шпиона!» Табу на разглашение тайны организации является первейшим условием участия в организации, а также первой нормой в контексте общей культуры и мафии и коммунистов. Главное обвинение, которое предъявлялось на «сталинских» процессах, — шпионаж в пользу... Разглашение некой «гайны» всегда являлось самым большим преступлением. Вот ведь и один из главных героев советской детской литературы — Мальчиш-Кибальчиш погибает, так и не выдав прессловутую «военную тайну».

На Сицилии ключ к пониманию культуры и идеологии традиционного мафиози в концепции «омерты» — закона молчания и двойной морали, когда для жизни в семье одни нормы поведения и качественно иные — в отношениях с «внешним» миром¹¹. Согласно традиции двойной морали, в общении с другими мафиози каждый мафиозо должен соблюдать вежливость, такт, быть доброжелательным, готовым помочь, если в

этом возникнет необходимость. В общении же с представителями «внешнего», не мафиозного мира, будь то очевидные враги или простые граждане, мафиози придерживаются принципа «ложной» омерты, когда все выше указанные нормы служат лишь маской. Бывало, что мафиози уверяли свои жертвы, за пять минут до их убийства, что те находятся в полной безопасности¹². Есть даже выражение — «убийство по-сицилийски». Это когда убийца и жертва находились в доверительных отношениях, жертва доверяла убийце или тому, кто привел убийцу. Как не вспомнить тут возвращение Бухарина из Парижа в Москву в 1937 году под заверения Сталина, что «мы Бухарчика в обиду не дадим». Бухарина судили и расстреляли вскоре после его возвращения.

Другой элемент схожести «пролетарской» и мафиозной культур — идентификация силы и авторитета. Все отношения в мафиозной культуре строятся на уважении силы. Сильнейший всегда доминирует, и даже внутри патриархальной семьи отношения отец — сын строятся на силе: отец являлся иерархом не по праву традиции патриархальной семейной структуры, но по праву сильнейшего¹³. Внутри мафиозной культуры наибольшим уважением пользуется тот, у кого сконцентрированы одновременно и авторитет и власть. Там, где авторитет и сила не соединены в одном лице, большим уважением пользуется тот, у кого больше силы¹⁴.

В архаической культуре культ силы ведет к подчеркиванию мужских качеств: силы, смелости, чести и т. д., — в противоположность немужским качествам: слабости, трусости и т. д. Отсюда — табу гомосексуализма, ибо он ведет к утрате мужских качеств и, как следствие, аморфизации мужского начала. В СССР, как и в гитлеровской Германии, культ физкультуры и спорта как массовых зрелищ и как подготовки воинов всегда играл очень важную роль в коммунистическом воспитании. При этом гомосексуализм всегда считался неким отклонением от нормы и наказывался тюрьмой.

Культ материнского и женского начал — один из основополагающих в культуре мафии. В категории вещей, определявших честь семьи мафиози, женщина занимала особое место, ибо честь женщины символизировала честь семьи в целом¹⁵. В советской культуре — культ матери-Родины.

Как и в мафиозной культуре, в пролетарской культуре один из основополагающих принципов — верность коллективу (новой семье), а не букве и духу закона. Закон — это то, что нужно нарушить, если он идет в разрез с интересами коллектива (семьи, коски). Воля семьи (коллектива) превыше воли всякого суда¹⁶. Что касается кровнородовых семейных связей, то в

ленинском «проекте» институт семьи заменен институтами страны, народа, партии, коллектива, армии и т. д., в зависимости от контекста.

Как пелось в песне той поры: «Моя страна — страна такая, // Где весь народ — одна семья». Лингвистические связи коммунистической «языковой игры» как бы подменяют связи кровные, биологические. При этом, однако, природа патриархальности общества остается по сути той же. Советское общество можно было бы квалифицировать как нормативного уroda из семейства феодальных, в котором вследствие определенной исторической мутации произошла насильственная попытка подменить грамматическими связями связи кровные; вспомним трагическую историю Павлика Морозова. (В итоге успехом эта попытка не увенчалась, как, впрочем, и весь проект создания новой «коллективной» культуры. Провал этот, однако, не должен умалить значения подобного феномена в истории.)

В Советском Союзе долгое время главным считалось быть грамотным. Грамотным, чтобы читать труды идеологов и газету «Правда». Не случайно работа заговорщицкой организации, согласно Ленину, должна строиться вокруг партийного печатного органа «Искры». Ленин одним из первых понял, какую колоссальную роль играют средства массовой информации в манипуляции сознанием народных масс. Отсюда — борьба с неграмотностью и всеобуч.

6

Господствующая идеология есть закодированный опыт правящего класса. Главный же опыт правящего класса есть опыт борьбы за власть, который впоследствии воспроизводится в структуре общественных отношений. Опыт перехода от подчиненности к власти, из положения доминируемого к положению доминирующего и есть тот главный код, который впоследствии определяет развитие всей системы. Если переход от безвластия к власти основан на заговоре и нарушении преемственности и традиционности политических институтов, то и вся последующая система властвования будет определена заговором и разрывом преемственности. Опыт этот в дальнейшем лишь воспроизводится, но не модифицируется. Построение общественных отношений на основе заговора задает внутреннюю логику всей структуре общественных отношений. Заговор становится формой, имманентной политической организации общества. В период стабильности построение общественных отношений на основе заговора ведет к клиентелизму и коррупции.

(Клиентелизм и есть форма заговора; клиентелистские отношения носят характер личный, нежели абстрактно-бюрократический, и строятся на принципе взаимоподдержки. Клиентелистские отношения характерны для традиционалистских обществ. Феодализм может быть примером общества, построенного по принципу клиентелизма, где все отношения строятся вокруг оси «патрон — клиент» и основаны на личной связи патрона с клиентом. В современном индустриальном обществе отношения строятся по принципу универсалистских норм бюрократической честности, продвижение по бюрократической лестнице зависит от способностей, а распределение происходит на основе нужд и экономической рациональности. Клиентелизм, бесспорно, возможен и в современном обществе. Разница в том, однако, что если в феодальном обществе клиентелизм вполне приемлем, легален и строится на более-менее постоянной основе, то в современном обществе клиентелизм не защищен законом и не постоянен. Мафия, или мафиозная семья, есть крайняя форма клиентелизма.)

В кризисной ситуации та же имманентность ведет к новому заговору. Пока не уничтожены структуры, существующие по логике заговора, заговор будет постоянно самовоспроизводиться.

Большевистский заговор в политике, естественно, распространялся и на экономику и вообще на все сферы общественного бытия. Уничтожив правовые нормы, построенные на договоре и характеризующие либеральные демократии, большевики установили «заговорщицкие» правовые нормы, по сути своей являющиеся отрицанием права. Как указывал сам Ленин, «экстренные меры войны с контрреволюцией не должны ограничиваться законами»¹⁷. Право на право оказалось прерогативой небольшой группы заговорщиков. Но привилегия распоряжаться законами по своему усмотрению оказалась для многих привилегией временной: от Ягоды до Берии, от Тухачевского до Абакумова, распорядители человеческих судеб закончили жизнь в подвалах аппарата, которому так верно служили. Такова была логика заговора. власть, основанная на круговой поруке, внутрипартийных нормах поведения, с закрытой инфраструктурой, должна была быть саморегулирующейся системой. И единственный эффективный способ регулирования такой системы — террор сверху. Террор внутри партии — это ленинская самокритика в условиях осадного положения. Сталин это очень хорошо понимал.

Террор — динамика заговора, то. за счет чего заговор меньшинства против большинства может быть успешным. Террор синхронизирует работу системы заговора, поддерживает его

как единый заговор. Террор координирует работу составных частей заговора, делает заговор эффективным. При отсутствии договорных правовых норм и независимого суда огромная военно-хозяйственная машина может функционировать только через централизованный террор; кроме террора, никаких эффективных рычагов управления и контроля просто нет.

Террор превращается в необходимость, без которой вся машина начинает давать сбои. Вот, например, Росьевский завод не поставляет Днепрострою вовремя цемент. В правовом государстве за нарушение сроков поставок продукции владельцы Росьевского завода платили бы неустойку. В «заговорщицком» же государстве на Росьевский завод посылается «товарищ Коган», служивший «под начальством Дзержинского» и умеющий «видеть причины зла». По прибытии на завод Коган выясняет «причины зла» и посылает на Днепрострой телеграмму: «Арестованы технический директор, заведующий складами, два экспедитора. Через пять часов по прибытии отправлено Днепрострою с курьерской скоростью семнадцать вагонов цемента»¹⁸.

Система продолжает работать, и даже «с курьерской скоростью», благодаря террору. Ослабление террора ведет к десинхронизации единой системы заговора, к его дроблению и возникновению многочисленных средних и маленьких заговоров. Происходит эффект матрешки. Заговор без террора, утрата заговором внутренней динамики, ведет к статичности и застою. Чезаре Море, префект сицилийской полиции, которому Муссолини поручил дело ликвидации мафии, писал, что причина успеха мафии на Сицилии — в статичности социальной структуры. Именно это, по его мнению, позволило создать на Сицилии «государство в государстве со своими законами, налоговой системой, юриспруденцией... режим, эксплуатировавший остров в ущерб государству, но в первую очередь в ущерб населению»¹⁹.

Застой — это когда сытые заговорщики решают, что террора было достаточно, теперь можно и пожить. Но когда террор прекращается, начинается обратная реакция — коррупция. Ибо переход террора в коррупцию, а коррупции в террор — такова диалектика властвования, основанного на заговоре. Заговор при этом продолжаетеся, и на тех, кто не согласен в нем участвовать или подчиниться заговорщикам, распространяется выборочный террор. Так было в СССР в застойные времена. Кроме террора и застоя (читай коррупции), альтернативы у заговора быть не может. Альтернатива — договор — отрицает заговор, ибо подразумевает выполнение закона для всех²⁰.

Коррупция и террор могут развиваться параллельно друг другу. Ибо террор уже предусматривает коррупцию. Ведь с помощью террора устанавливается монополия на «дарование» самого права жить. А те, кто имеет монопольное право на распоряжение человеческой жизнью, имеют право и на распределение всего остального.

Очевидно, что в партии большевиков среди негодяев были люди честные и бескорыстные. Но не они задавали «политический» тон, что и подтвердила вся последующая история партии. Уже и в самом начале ВКП(б) была организацией, служащей удовлетворению личных амбиций ее руководства. И созданные большевиками привилегии, продуктовые распределители, закрытые санатории были не только конкретными материальными благами, но и формой распределения престижа, а вступление в партию открывало возможности социальной мобильности получением нового статуса и перехода в новый социальный класс ²¹.

Как указывал сам Ленин, в 1920 году на содержании государства находилось 38 миллионов человек. В том же году ревкомы и Советы контролировали 10 000 государственных столовых. Ясно, что обслуживали они только социально надежных граждан ²².

Как указывал в 1921 году один наблюдатель: «В коммунисты редко кто идет по убеждению, а чаще всего для того, чтобы повластвовать и безнаказанно пограбить, придавая, однако, всей своей деятельности с внешней стороны характер защиты интересов трудящихся с призывами к труду и дисциплине. <...> Все они обыкновенно пользуются особыми преимуществами: получают лучшие «ударные» пайки, вытребуют себе все продукты в комячейке, где и производят их распределение между собою без лишней волокиты. Они первые узнают о появлении на складах... редких предметов внепланового снабжения и захватывают их в первую очередь. <...> Кумовство, взяточничество, партийное неравенство свили себе прочное гнездо и в кооперативах, где теперь весь руководящий персонал состоит из коммунистов. <...> В области народного здоровья и социального обеспечения коммунисты также создают повод для зависти и недоверия широких масс беспартийного населения. Все знают, что кавказские курорты, а также Южное побережье Крыма, якобы служащие для лечения больного пролетариата, на самом деле наводнены хорошо заработавшими коммунистами с их дамами, старающимися пустить друг другу пыль в глаза и проводящими время в нескончаемых кутежах» ²³.

Уже через год после захвата власти большевиками, в декабре 1918 года, на собрании рабочих Мотовилихинского завода была принята следующая резолюция: «Требуем немедленного снятия с комиссаров кожаных тужурок и фуражек и употребить их для обуви... Требуем, чтобы все комиссары и служащие советских учреждений пользовались такими же пайками, какими пользуются рабочие»²⁴. В начале 1919 года Ленину поступила телеграмма из Сенгилеевского уезда Симбирской области, объясняющая причины крестьянского восстания в районе: «Представитель уездного комитета партии участвовал... в десятках избиений, в дележе конфискованных вещей. Партийная организация была теплой компанией грабителей, разбойников-белогвардейцев»²⁵. Любопытно, что в сентябре 1918 года, сразу после смерти руководителя петроградской ЧК Моисея Урицкого от руки поэта Канегиссера, об Урицком ходили слухи, что в бытность руководителем петроградской ЧК он на взятках и грабежах стал миллионером. Соответствовали они действительности или нет, мы не знаем, да это и не столь важно²⁶. Главное, что у Урицкого при той полноте власти, которой он обладал, были все возможности стать миллионером. В Одессе в том же 1918 году известный уголовник-рецидивист Мишка Япончик, описанный в свое время Бабелем, командовал полком имени Ленина, а одесская ЧК всю торговала кокаином²⁷.

Так неужто коммунисты все как один были ответными головорезами и грабителями? Увы, если бы большевики были просто бандитами, все было бы не так страшно. Нет, большевики были политическими заговорщиками, и это не просто был заговор против власти. Большевики были заговорщиками против общества, против истории, против быта, против банальности и тавтологии, на которых строится ежедневное «сейчас».

Большевики были большими специалистами по части поэтических метафор. Рабочий — это обязательно «боец трудового фронта», школа — «кузница знаний», капитализм — «дьявольская помеха общественного развития», Ленин — «полководец нового человечества» и т. д. и т. п. Именно таких людей имел в виду Платон, когда говорил, что поэтов из республики нужно гнать, ибо они очень много лгут и крайне поэтому вредны. Ленина следует считать западником — не потому, что читал Маркса и призывал бороться с «азиатизмом», но потому, что был романтиком западного толка, таким доморощенным российским Новалисом, открывающим, как он сам говорил, двери «перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом»²⁸.

Коррупция аппарата началась в первые же годы революции. Ибо уже тогда серая масса функционеров преобладала над идеологами. Большевистские интеллигенты-идеологи находили в революционной борьбе экзистенциальное освобождение. Они верили в собственные метафоры. Но на огромной территории страны они не могли не раствориться в массе функционеров, которые были так необходимы новой власти. Кто-то давал приказ расстрелять, а кто-то должен был его выполнить. И тех, кто выполнял, оказалось в итоге больше тех, кто приказывал. Ведь Ленин хотел решать проблемы власти «по-плебейски», а для этого необходим был «плебс».

С самого начала структуры партийной власти наполнялись выходцами из низших классов — рабочими, люмпенами, крестьянской беднотой, мелкими служащими. До революции эти классы не имели независимой идентифицированной культуры сознания. Культурная идентификация этих людей произошла только во время или после революции. Единственная модель, которая могла бы быть ими использована в самоидентификации, была знакомая им модель полуфеодального патриархального общества, с соответствующей культурой власти. Главная характеристика феодального чиновника — его зависимость от работодателя. Если, как указывал Макс Вебер, в буржуазном обществе государственный чиновник не рассматривает свое положение, ни по закону, ни фактически, как источник постоянного обогащения, то феодальный чиновник рассматривает свою должность именно как источник обогащения. Этот принцип традиционной средневековой этики, определяющий различие между феодальными и капиталистическими принципами отношений власти и капитала, сыграл немалую роль в формировании коммунистического мировоззрения.

Захватив власть, эти люди, еще вчера бывшие «никем» в смысле обладания, теперь оказались если и не владельцами, то распределителями. При этом, в силу резкой перемены их социального статуса, они не обладали компетентностью, соответствующей их положению. Вновь полученная ими свобода не соответствовала ни их знаниям, ни их опыту. В своей свободе они по-прежнему оставались людьми несвободными. В данном случае это были те кухарки, которых Ленин обещал поставить во главе государства. Для этой социальной группы, к концу тридцатых годов полностью и бесповоротно захватившей всю власть в стране (вот они — выдвиженцы тридцатых), воля к полноте бытия означала не экзистенциальное освобождение через «упоения в бою», но достаточно банальное «владение»

властью и «накопление» материальных благ, поддержание материального благополучия, к распределению которого они имели доступ, вкупе с волюнтаризмом, варварским самодовольством и решительным нежеланием считаться с действительностью. Брежнев и его соратники — яркий пример таких людей.

9

Террористическая заговорщицкая организация сосредоточивает в своих руках всю исполнительную и законодательную власть и сама является и законом и его исполнителем. Так считал Ленин, когда писал: «Отличие пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что... первую осуществляют — и через отдельных лиц — не только массы трудящихся и эксплуатируемых, но и организации, построенные так, чтобы такие массы будить, поднимать к историческому творчеству»²⁹. Закон подобной организации — закон сильнейшего. Поэтому правовое пространство вокруг революционной террористической организации — объективно пространство беззакония.

Когда прекращается террор и начинается процесс коррумпирования организации, на ее периферии наблюдается МЕТАКОРРУПЦИЯ: КОРРУПЦИЯ СТАНОВИТСЯ НОРМОЙ, А НЕКОРРУМПИРУЕМОСТЬ РАССМАТРИВАЕТСЯ КАК ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ. Метакоррупция — это стадия, следующая после коррупции, коррупция уже коррумпированных, когда коррумпированная власть более не скрывает своей коррумпированности. Метакоррупция — процесс, происходящий сегодня в СНГ. Можно сказать, что это новая форма аномии, аномия в квадрате³⁰. В этом и только в этом направлении могло идти развитие заговорщицкого государства. И хотя на разложение общества потребовалось более семидесяти лет, структура заговора не могла не рухнуть.

Все имеет свои пределы. Ленинские заговорщицкие нормы государственного управления более не действуют. Что же осталось? Руководящий аппарат, как некая метамафия, внутри которой идет борьба за власть и влияние. Борьба эта напоминает борьбу между старой и новой мафиями. Подобная борьба имела место и на Западе. Мафия тоже вынуждена была перестраивать свою работу.

На Западе борьба за власть внутри мафии не охватывала, однако, инфраструктуру целого государства, ибо там мафия не держала всю полноту экономической и политической власти в своих руках. Сегодня многие возмущаются, что много бывших аппаратчиков и сотрудников КГБ оказались в рядах демократов

и рвутся к власти под лозунгами, за которые еще вчера собственными руками «давили и не пуцали». Иначе и быть не может. Борются за власть могут лишь те, у кого есть необходимая экономическая база для подобной борьбы, а сегодня она есть только у того же аппарата, бывшего КГБ и теневой экономики. Не удивительно поэтому, что главные политические игроки — все те же. Просто более сообразительные и хваткие сменили менее сообразительных, но не менее хватких.

Идет борьба внутри метамафии. Произошел раскол — консерваторы ратуют за сохранение старого порядка, традиционных, так сказать, «сицилийских» отношений. Более молодые и энергичные понимают, что дальше так дела делать нельзя. Время идет, и в 1991 году невозможно жить и оперировать категориями 1965 года. Не об этом ли говорили Шеварднадзе с Горбачевым в тот памятный день, когда решили, что «прогнило все, все надо менять». Что-то подобное происходило и в западных мафиях. Чтобы продолжать быть конкурентоспособной, мафия вынуждена была перестроиться, модернизироваться. Чистый паразитизм на теле общества оказался недостаточным для поддержания жизнедеятельности преступной организации. Мафия из феодально-корпоративной организации вынуждена была превратиться в организацию капиталистическую. Если не «гласность», то «перестройка» там вполне имела место.

В Италии в пятидесятые годы статус мафиозо все больше сливался со статусом обычного уголовного преступника. Обуславливалось это экономическими и социальными изменениями, происходившими в итальянском обществе после второй мировой войны³¹. Именно эти изменения привели к появлению так называемой «предпринимательской» или «антрепренерской» мафии. Из феодального патриарха, чье поведение определялось параметрами традиционной культуры, мафиозо вынужден был перевоплотиться в капиталиста³². В случае новой «антрепренерской» мафии можно видеть трансформацию и адаптацию, но отнюдь не исчезновение традиционных форм преступной культуры в новых условиях индустриально-технократического общества.

То, что произошло в пятидесятые и шестидесятые годы в Италии, без сомнения, происходит сейчас в СНГ. С той лишь разницей, что процесс этот много болезненней, чем в Италии, ибо в нем задействовано все общество.

Порой создается впечатление, что между простыми лагерными урками и чванливыми коммунистическими бонзами, больше смахивающими на братьев Корлеоне, чем на чиновников и бизнесменов, разницы особой нет. Сегодня язык политиков и уркаганов один. Очевидно, подобное положение — следствие

всеобщего обнищания, результат социологического «контроля бытом», так умело созданного коммунистами. Если раньше Ленин мог сказать Троцкому что-нибудь вроде «в оценке хвостизма и национал-отзовизма Троцкий выступает как архиревизионист», то теперь Горбачев говорит Болдину: «Ты, мудака, заткнись!»³³

10

Что же в данной ситуации следует ожидать? То, что происходит наверху, во многом отражает то, что происходит внизу, и наоборот.

Метакоррупция охватила практически все без исключения слои общества. На уровне недифференцированной преступной массы будет наблюдаться рост преступности в связи с усилением аномии. В Советском Союзе аномические тенденции в обществе наблюдаются с начала шестидесятых годов, однако в особенности они проявились за последние шесть лет, с началом «перестройки». Уже к концу восьмидесятых было ясно, что советское общество захлестывает волна преступности. В первом полугодии 1989 года впервые за последние двадцать лет было зарегистрировано более миллиона преступлений, на 32% больше, чем за тот же период 1988 года. Почти на сорок процентов больше совершено тяжких преступлений (169 — 500).

Отмечался также рост «корыстной преступности», составляющей 57% от всей зарегистрированной и во многом определяющей устойчивость преступных группировок в сфере экономики и уголовной среде.

Во многих местах существуют хорошо организованные и порой вооруженные группировки³⁴. Рост преступности охватил все без исключения союзные республики³⁵. За первые три месяца 1991 года количество тяжких преступлений увеличилось на 20% по сравнению с тем же периодом 1990 года и составило полтора миллиона преступлений. На первом месте по росту преступности стоят Литва и Эстония³⁶.

Следует ожидать возникновение и кристаллизацию новых уголовных групп и их слияние с уже существующими преступными группировками. Будет продолжаться проникновение южных мафий в северные районы. Известно, что в Москве оперируют чеченская, азербайджанская, армянская, корейская и прочие мафии. Подобные группировки существуют и в других крупных городах Советского Союза. Интересно, что в Москве существует преступная группировка глухонемых, самая оче-

видно, надежная в смысле сохранения тайны преступления банда.

Будет происходить и уже происходит проникновение отечественных преступных группировок за рубеж. Известно, что в США, Германии и Израиле существуют достаточно сильные преступные группировки выходцев из бывшего СССР. Вместе с этим начнется и, без сомнения, уже началась утечка капитала за рубеж и его частичное проникновение в «черную экономику» западных стран.

Как следствие усиливающейся аномии будет происходить смычка организованной преступности с молодежной преступностью. На учете в органах милиции в том же 1988 году стояло восемнадцать тысяч членов молодежных банд, а ведь это лишь капля в море. За последние двадцать лет преступность среди молодежи возросла в полтора раза, а среди подростков почти в два раза³⁷. В 1988 году каждый седьмой из выявленных в СССР преступников был несовершеннолетним, каждый пятый — в возрасте от 18 до 24 лет. 57 % всех преступников составляют молодые люди до 29 лет. Интересно, что в таком «мафиозном» виде преступления, как рэкет, треть участников — несовершеннолетние. Увеличению молодежной преступности может сопутствовать и демобилизация армии. Известно, что в 1918 году на Сицилии активизации мафии способствовала послевоенная демобилизация. Именно вследствие этого послевоенного притока солдат, часто возвращавшихся с оружием, уровень насилия на Сицилии резко возрос. Началась война между старой и новой уголовщиной³⁸. Аналогичная ситуация может создаться в СССР в связи с демобилизацией войск, находившихся на территории Восточной Европы.

Бесспорно, что количественный разгул преступности не может не повлиять на характер преступлений. Как уже отмечалось, после второй мировой войны на Западе преступные организации мафиозного типа претерпели серьезные изменения как в Японии, так и в Италии. Процесс этот можно охарактеризовать как «гангстеризацию» мафии. Доминирующей моделью стала североамериканская мафия, гангстеризировавшаяся в конце 20-х — начале 30-х годов. Американская мафия по внутренней структуре, культуре и составу отчасти производна от итальянской, однако в общем представляет совершенно отдельную организацию, возникшую в совершенно отдельных условиях³⁹. Отличительные черты новой мафии были ее корпоративность и урбанистичность. Подобные изменения претерпела после войны и сицилийская мафия. Если в традиционном обществе на Сицилии или в гетто мафиозо играл социальную роль посредника в географически ограниченном районе, то современная

мафия явилась реакцией на определенные изменения рыночных и правовых отношений в обществе. Очевидно, нечто подобное следует ожидать и от отечественных уголовно-мафиозных групп. Учитывая их многочисленность, а также те возможности, которые перед ними открываются в связи с переходом к рынку, плюс сравнительно легкий доступ к оружию, можно лишь гадать о размерах предстоящих гангстерских войн в бывшем СССР.

Бесспорно, что вышеописанный разгул чистой уголовщины не может не повлиять на рост политической преступности в стране.

Конфликты на национальной почве будут только содействовать росту преступности. Во многих регионах преступные группировки могут стимулировать подобные конфликты, стремясь таким образом увеличить свое влияние. Объявление независимости республиками может служить лишь дымовой завесой для сохранения старых мафиозно-клиентелистских структур аппарата. Сама политическая борьба внутри таких республик может быть лишь ширмой, скрывающей борьбу за власть различных мафий. В Италии мафия выступает под лозунгами региональной независимости, национализма и неприятия так называемого «северного колониализма». В Грузии один из лидеров оппозиции, как известно, носит титул «вора в законе». Сам Гамсахурдия всех своих оппонентов называет ставленниками Москвы и «московской мафией».

В аппарате власти будет наблюдаться перегруппировка, а также возникновение новых клиентелистских структур из старого управленческого аппарата под новыми политическими лозунгами. Старый аппарат никуда не уйдет. В индустриально развитых районах европейской части бывшего СССР, в Сибири и на Дальнем Востоке старые структуры власти волеются в новый технократический класс, сохранив старую систему клиентелистских отношений. В южных регионах аппарат также явится стержнем клиентелистской системы отношений, и в некоторых случаях старый аппарат сольется с новой «антрепренерской» мафией, аналогичной той, которая сложилась в Италии в шестидесятые годы. Мафия ведь не что иное, как клиентелизм, доведенный до полного своего логического завершения. Современный клиентелизм может связывать парламентские фракции, политические партии, министерства, скрываться под вывесками различных общественных организаций. Возможно появление целых клиентелистских фракций, входящих в самые различные учреждения. Фракции эти не будут идеологическими. Единственной их целью будет усиление своего влияния. Очевидно, что с изменениями в структуре управления будет наблюдаться и преемственность старых и новых форм коррупции.

Доступ мафий к неограниченным финансам, наличие у мафии валютных запасов позволит ей контролировать отчасти правящие структуры посредством их финансирования. Будет наблюдаться проникновение преступных элементов в новые политические структуры. В СССР, как и в Италии, мафиям за последние десятилетия удалось аккумулировать гигантский капитал. Многие мафиозные миллионеры стали таковыми буквально в течение нескольких лет. Мафиозные предприниматели получили доступ в мир больших финансов и политики. На юге Италии предприниматели-мафиози превратились в новую элиту, отеснив на задний план старую латифундную аристократию и предпринимательский класс, разбогатевший во время и после войны. Многие представители этих двух классов, державших в своих руках политическую и экономическую власть на юге Италии, были вынуждены, часто просто спасая свою жизнь, переселиться в другие регионы Италии. Что-то подобное произойдет и на юге бывшего СССР. Ведь в южных республиках, так же как и на юге Италии, т. е. в Калабрии и на Сицилии, политические альянсы с мафией выгодны, так как мафия представляет реальную власть. Влияя на экономическое развитие региона, мафия получает необходимое политическое влияние. В Калабрии, например, мафия в состоянии контролировать от 15% до 30% всех голосов избирателей. Некоторые американские наблюдатели указывают на связь Джона Кеннеди с американской мафией во время президентских выборов 1960 года. (Согласно этой гипотезе Кеннеди одержал победу на выборах при поддержке мафии во главе с Сэмом Джанканой. Убийство Кеннеди было делом рук мафии, так как Кеннеди не сдержал данных им обещаний.)

Другой способ участия мафиозных групп в политической жизни — формирование групп политического лоббизма и, как следствие, альянс с теми или иными политическими группировками, и проникновение, и участие мафии в политических структурах. В Италии на протяжении многих лет лобби, созданные мафией, порой имеют тесные связи с крупными политико-индустриальными лобби. Вспомним историю Микеле Синдоны, сицилийского финансиста, который был связан, с одной стороны, с различными мафиозными группировками, а с другой — с фракцией Джулио Андреотти, бывшего премьер-министра. Если подобное происходит в Италии, то о странах третьего мира и говорить нечего. Там политические партии работают вместе с преступными организациями. Так, например, в 1981 году представители нью-йоркской мафии закупили 200 кг героина у члена ливанского парламента Мохамеда Делала⁴⁰. Подобных примеров можно привести множество.

Еще один способ участия мафии в политической жизни — инфильтрация политических структур. В Италии мафия проникает во все крупные политические партии, от христианско-демократической до бывшей коммунистической. В США, в больших городах, мафия порой имеет тесные связи с отделениями демократической партии.

Очевидно, какая-то часть союзной экономики уже попала под контроль чисто уголовных структур, а какие-то уголовные и полуголовные структуры были созданы специально для контроля экономики. Возникнут и уже возникают целые сферы экономического предпринимательства, контролируемые мафией. Торговля компьютерами — одна из них.

В слаборазвитых южных районах начнет возникать то, что можно назвать «мафиозными предприятиями», о которых мы писали выше (см. сноску 20). Мы знаем, что в Италии слияние традиционной культуры мафии с культурой капитализма породило множество подобных предприятий. Мафиозное предприятие стремится к монополизации рынка как за счет угроз, так и используя прямое насилие. Помимо монополизации рынков сбыта другой немаловажный источник доходов мафии — занижение заработной платы рабочим, используемым на предприятиях, контролируемых мафией, при высокой текучести кадров. Мафия занижает зарплаты рабочим за счет неуплаты взносов социального страхования, невыплаты сверхурочных, просто занижения заработной платы. В данной ситуации мафия приближается к раннекапиталистическим работодателям времен европейской индустриальной революции прошлого века. Очевидно, что в СССР подобное можно будет наблюдать в ближайшее время в связи с предполагаемой безработицей, которая может достичь 10% в случае перехода к конвертируемому рублю ⁴¹.

Совершенно очевидно, что с приватизацией и капитализацией производства начнется борьба мафий с профсоюзами. У мафии давнишняя история борьбы с рабочим движением ⁴². Мафия выступала, как правило, противником синдикализма. В наше время на предприятиях, попадающих под контроль мафии, профсоюзы, как правило, или ликвидируются, или у их руководства ставятся люди мафии. Подобное же наблюдалось и во всех коммунистических и вообще тоталитарных режимах. Интересно, что во время начала кампании фашистского правительства против мафии в 1922 году некоторые сицилийские газеты писали, что правительство Муссолини решило покончить с мафией, так как два идентичных института, т. е. мафия и фашистское государство, не могут сосуществовать в одном месте ⁴³.

Контроль над рынком труда — очень важный момент в монополизации мафией определенных сфер предпринимательской деятельности. Так, например, в Италии мафия путем эскалации угроз и насилия заблокировала строительство туристического комплекса для работников ООН на ионийском побережье Редджио из-за боязни утратить в этом регионе монополию на рынок труда ⁴⁴.

В США мафия контролирует некоторые профсоюзы, в частности профсоюз водителей грузовиков, гарантируя таким образом монополию на грузовые перевозки. Это позволяет мафии заниматься индустриальным рэкетом за счет завышения тарифов на грузовые перевозки на всей территории Соединенных Штатов. Компании, попадающие под контроль мафии, могут быть не только мелкими локальными предприятиями, но принадлежать к международным корпорациям. Например, крупные строительные фирмы в Нью-Йорке. В Калабрии Кока-Кола сотрудничает с мафией, и сотрудничество это происходит на вполне добровольных началах ⁴⁵.

Очевидно также, что с расширением внешнеторговой деятельности будет происходить и уже началось проникновение западного мафиозного капитала в советскую экономику. Достаточно вспомнить историю с Фильшиным, когда заместитель российского премьера одобрил сделку между корпорацией Дов Трэйдинг, зарегистрированной в Южной Африке на имя Колина Гиббинса, и правительством РСФСР. В обмен на товары широкого потребления на сумму один миллиард долларов правительство РСФСР должно было выплатить Гиббинсу сто сорок миллиардов рублей — примерно годовой официальный бюджет Министерства обороны СССР. Эти деньги, если верить Фильшину, должны были быть вложены в нефтяные разработки в районе Иркутска. Согласно данным швейцарской полиции, вся сделка была теснейшим образом связана с попыткой меделинского кокаинового картеля отмыть таким образом свои барыши ⁴⁶.

21 августа 1991 года коммунистический режим пал. Осталась метакоррупция. Осталась система бесконечных заговоров. К власти рвутся новые заговорщики. Метакоррупция — логическое развитие системы большевистского заговора — той политики, согласно которой власть имущие «должны стоять за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц...» ⁴⁷.

Коммунистическая коррупция государства и общества суть следствие разложения самого процесса осмысления реально-

сти. Ленинский «коммунистический проект» подобен болезненному фантазму о посмертном блаженстве, лишенному религиозного содержания.

Выход из тупика метакоррупции как хозяйственной, так и нравственной возможен только через революцию в умах. Революцию эстетическую, этическую и религиозную. Необходима эмансипация мысли. Ведь мысль — это микроструктура власти; без ее изменения невозможно изменить макроструктуру власти. Необходима эмансипация мысли, ибо только тогда возможен выход из тупиковых парадигм лжетеорий. Истинный либерализм, экономический и правовой, начинается там, где кончается заговор и начинается договор, и не только социальный, но и естественный.

Выход из положения метакоррупции также и в ликвидации структур заговора и возвращении на договорные основы хозяйственного и государственного управления. Необходимо возвращение частной собственности, ибо, только воссоздав институт собственности, возможно утвердить истинно правовое государство. Это подтверждает весь опыт развития европейской цивилизации, и отказываться от этого опыта на сегодняшний день, по крайней мере, легкомысленно.

Июнь — октябрь
1991 года

¹ Как правило, авторы, занимавшиеся близко проблемой мафии, разделяют мафию как общественный дух и мафию как организацию.

Появление мафии на Сицилии связано с особенностями сицилийской истории. Дух мафии есть квинтэссенция южноитальянской патриархальной культуры, центральными институтами которой являются семья и понятие чести. При традиционно слабом государстве роль защитников обоих этих институтов вынужденно брали на себя мужчины. Изначально центральным в понятии «мафия» были семейные и дружеские отношения, построенные на взаимопомощи. На Сицилии подобные отношения имеют большее постоянство, нежели религия, и большую правомерность, нежели закон. Взаимные услуги в таком контексте становятся обязанностью. Не все авторы разделяют подобную оценку духа мафии. Одни авторы считали, что мафия является "...состоянием социальной безнравственности, в котором находится огромное количество сицилийцев". Фальчёнелли, писавший о мафии в тридцатые годы, считал, что характеристики мафии могут быть сведены к следующим двум: культу насилия и гипертрофированному "я" сицилийцев, рассматривающих всех несицилийцев как людей второго сорта.

Появление мафии как организации относится к посленаполеоновскому периоду. Победа Наполеона в 1812 г. и последовавшее

за ней крушение старой феодальной системы дестабилизировали традиционно аграрное сицилийское общество. Сицилийские крестьяне оказались в открытом конфликте со старой феодальной аристократией. Посредниками между двумя этими группами выступили так называемые "габелотти" — люди, занимавшиеся управлением и охраной крупных поместий, в то время как их владельцы находились или в Палермо, или в метрополии. Вследствие распада старых феодальных отношений габелотти оказались независимой социальной группой и, будучи сами выходцами из крестьян, оказались в положении нового, ранее не существовавшего сицилийского среднего класса. Именно они и составили то, что впоследствии получило название "мафия". К началу века вся власть на Сицилии, как гражданская, так и преступная, целиком находилась под контролем мафии.

² Cressey Donald. *Criminal Organization: Its Elementary Forms*, Heinemann Educational Books. London, 1972, p.84.

³ См. статью Гурова в сборнике "Погружение в трясину". М., Прогресс, 1991.

⁴ Marx K., Engels F. *Le Manifeste du Parti Communiste*. Paris, 1986, p.86.

⁵ Lenin V.I. *Deux tactiques de la social-democratie*. Paris, 1971, p. 67—70.

⁶ Ibid.

⁷ Фотография в газете "Вооруженный народ", Петроград, сентябрь 1918 года.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.36, с. 199.

⁹ КПСС в резолюциях... М., 1983, т.2, с. 108.

¹⁰ Правда, 20.03.1920.

¹¹ На Сицилии уже упомянутую традицию двойной морали, выражавшуюся во внешнем конформизме и внутреннем отрицании привнесенных извне норм поведения, поощряла Католическая Церковь. Традиция поощрения Церковью двойной морали на Сицилии уходит корнями вообще в пятнадцатый век, когда архиепископ Палермский Джованни Назелли опубликовал законодательный документ, согласно которому обвиняемому в преступлении прощалась ложь в суде, а также морально оправдывались обструкция судопроизводства и дача взятка, если эти действия вели к оправданию обвиняемого.

Hess Herner. *Mafia and Mafiosi: The Structure of Power*. Saxon/Lexington Books. Lexington, MA, 1973, p.26.

¹² Anton Blok. *The Mafia of the Sicilian Village, 1860 — 1960*. 1973, NY, p.173.

¹³ Pino Arlacchi. *Mafia Business*. Verso, 1980, p.4.

¹⁴ Ianni F. *The Family Business*, 1972, NY, p.13.

¹⁵ Если противник мог лишить женщину чести, он тем самым доказывал свое превосходство. Отсюда концепция вендетты, по правилам

которой отец, брат или муж обещанной должен был убить женщину и ее насильника или любовника. Те, кто отказывался от вендетты, рассматривались общиной как изгои. Сегрегация в таких случаях была неизбежна, и не только символическая, но часто и географическая. В Калабрии между 40-ми и 50-ми годами шестьдесят процентов всех убийств произошло вследствие конфликтов на почве сексуального насилия, похищения и расторгнутых помолвок (Arlacchi, p.8).

¹⁶ См. также статью С.Шведова в сборнике «Погружение в трясину». Прогресс. 1991.

¹⁷ Ленин В.И. ПСС, т.37, с.129.

¹⁸ Юрезанский В. Покорение реки. М., 1946, с.172—175.

¹⁹ Folcionelli A. Les Societes Secretes Italiennes, Payot. Paris, 1936, p.222.

²⁰ Любопытно, что мафиозное предприятие на юге Италии являет собой модель авторитарной организации наподобие сталинских. На предприятии существует специальный штат надсмотрщиков и охранников, следящих за порядком и рабочей дисциплиной. Даже во вне-рабочее время рабочие находятся под неусыпным надзором администрации. Всякий протест рабочих против условий труда или попытки забастовки немедленно пресекаются. Такое предприятие по сути своей является предприятием военизированного типа, стабильность которого зависит от внутреннего соответствия между властью экономической и властью военной. Само по себе подобное предприятие может заниматься деятельностью вполне законной: транспортировкой материалов, строительством, переработкой продукции и т.д. Незаконными могут лишь быть пути получения материала, сбыта продукции, притока капитала, устранение конкурентов. Мафиозные предприятия могут не платить своим рабочим либо социального страхования, либо медицинской страховки, либо просто недоплачивать зарплаты. Рабочие мафиозного предприятия вынуждены мириться с заниженной по сравнению с другими регионами оплатой труда. Рабочие на оливковых плантациях, контролируемых мафией, получают в два раза меньше общепринятых ставок. Или же все может быть организовано по закону, и предприятие используется для отмывки незаконно полученных денег. Так, например, в Калабрии второй по величине клан калабрийской мафии Мамолиитти-Руголо владеет заводами по производству оливкового масла. Строительство этих заводов финансировалось посредством вымогательства, разбоя и контрабанды ювелирными изделиями (Arlacchi, p.91—92).

²¹ Для выходцев их низших классов преступные организации, как правило, открывали возможности продвижения по социальной лестнице, невозможного в контексте легитимного общества. Преступление являлось своего рода "путевкой в жизнь". В Италии мафиозы были выходцами из крестьян, составившими новый сицилийский "средний" класс. Так, например, самый известный глава итальянской мафии, руководивший ею с конца прошлого века вплоть до заключения в фашистскую тюрьму в конце двадцатых годов, Витто Каскио Ферро

был выходцем из бедной крестьянской семьи. Его родители были неграмотны. Именно Ферро сделал из мафии высокодисциплинированную и процветающую организацию. Члены Якудзы социально были выходцами из низших классов, включая класс "баракумин", самый низший класс, подобный касте неприкасаемых в Индии. В США преступность вообще и организованная преступность в частности для многих экономически бесправных групп населения также явились способом социальной мобильности. После гражданской войны это были ирландцы. Затем евреи. В 1908 году в Нью-Йорке на евреев, составлявших 25% населения, приходилось 50% всех совершаемых в городе преступлений. В конце двадцатых годов выходцы из Италии начали монополизацию организованной преступности. (Ianni F., Reuss-Ianni E. eds. *The Crime Society. Organized Crime and Corruption in America*. New American Library, 1976, NY, p. 125.) В настоящее время в США происходит процесс кристаллизации из низших классов новых мафий — китайской, черной, латиноамериканской.

²² Бугай Н. Чрезвычайные органы советской власти. М., 1990, с.229.

²³ Терне А. В царстве Ленина. Берлин, 1922, с.52–54.

²⁴ Документы приводятся в «Московских новостях», 10.11. 1991.

²⁵ Ibid.

²⁶ Об этом писал, в частности, журнал *L'illustration*, 12/X — 1918.

²⁷ История знает множество примеров, когда политическая организация превращалась в уголовную, а уголовники занимались политикой. Подобные организации объединяет одно — все они были по типу организациями тайными, т.е. закрытыми. В Испании общество "Черная рука", созданное для защиты бедняков в конце прошлого века, очень скоро превратилось в чисто уголовное предприятие, занимавшееся разбоем. В Италии подобное произошло с обществом "Братская рука", изначально созданном для взаимопомощи в случае болезни. Или китайские Триады. Первая Триада появилась, согласно легенде, в 1674 году. Изначально это было националистическое тайное общество, главной целью которого было свержение династии Цань и восстановление династии Минь. В XVIII и XIX веках Триады занимались как политической, так и чисто уголовной деятельностью. Именно Триады стояли за восстаниями «Красных повязок» (1854–1864), а также восстанием в Тайпинге в 1864 году. Как тайное политическое общество, вернее, ассоциация обществ, Триады просуществовали до 1911 года, когда пал последний император династии Цань. Во главе китайской республики встал доктор Сунь Ятсен, бывший активным членом одной из Тριάд. С этого момента начинается превращение Тριάд в уголовную мафию. После падения династии Цань Триады практически получили официальное признание нового правительства. Преемник Сунь Ятсена — Чан Кайши тоже был членом Тριάды и использовал Триады в борьбе с профсоюзным движением. Триады составляли железный кулак Куо Минь Данга — партии Чан Кайши. В период правления Чан Кайши Триады проникли во все поры политической и общественной жизни Китая. Они контролировали также и преступный мир Китая.

После разгрома Чан Кайши Триады вынуждены были перенести свою деятельность в Гонконг, на Тайвань, в Таиланд и в другие районы. Одновременно с этим Триады окончательно превратились в чисто уголовное предприятие. На сегодняшний день именно Триады контролируют производство опиума в Золотом Треугольнике, а также большую часть героинового рынка в мире. С другой стороны, японская мафия Якудза, изначально не имевшая четко обозначенной идеологии, уже с конца прошлого века начинает смыкаться с крайне правыми консервативными и популистскими силами. В данном контексте нужно упомянуть тайное "Общество темного океана", возникшее в 1881 году. Именно в этой организации мир политики и преступный мир соединились. Произошло это как вследствие неприятия японскими традиционалистами курса Японии на сближение с США и Европой, так и неприятия самой европейской культуры *per se*. Якудза в данной ситуации целиком и полностью оказалась на стороне японских крайне правых традиционалистов. Результатом этого единения была катастрофа 1945 года. При этом интересно, что после войны во главе Якудзы встали военные преступники: Кодама, Саскава, Киши, с 1945-го по 1948 год находившиеся в тюрьме для военных преступников Сугамо (ibid, p.275). Сицилийская мафия в 1860 году поддержала Гарибальди и активно содействовала его победе. (Как сказал однажды Маринуцци, революция на Сицилии без помощи мафии невозможна.) Во время крестьянского восстания 1866 года мафиози поддержали социалистов и выступили за аграрную реформу и раздел земли.

²⁸ Переписка Ленина с Луначарским. М., 1971, с. 46.

²⁹ Ленин В.И. ПСС, 36, с.99.

³⁰ "Аномия" изначально обозначает "беззаконие". Дюркхайм использовал это понятие для обозначения разрушения структуры регулирования отношений в обществе. Дюркхайм имел в виду регулирование распределения благ и привилегий в соответствии с разделением труда. Согласно Дюркхайму, для общественной стабильности система распределения должна быть принята большинством в обществе как справедливая. При неожиданных изменениях общественных отношений структура распределения благ и привилегий рушится, и это ведет к усилению нестабильности, когда амбиции и желания стимулируются, но остаются при этом неудовлетворенными. Концепции Дюркхайма были в дальнейшем разработаны Мертоном, Витмером, Мак Айвером и другими. Бонгер в свое время уже указывал, что в капиталистическом обществе у разных классов эгоизм стимулируется по-разному. Мертон, со своей стороны, предположил, что в силу положения в структуре капиталистического общества некоторые классы более подвержены аномическим тенденциям, чем другие классы. Согласно Мертону, в капиталистическом обществе происходит конфликт между социальной культурой в целом, которая находит свое выражение в формулировке понятия успеха и средств к его достижению, и общественной структурой, вследствие которой определенные общественные груп-

пы оказываются в невыгодном положении по отношению к другим группам. Именно представители таких групп будут склонны отказаться от законных средств достижения успеха и использовать незаконные средства. В обществе, в котором успех измеряется материально, общественная идеология будет стимулировать подобные тенденции, а мобильность и анонимность такого общества облегчат переход к преступной деятельности без значительной потери социального престижа. Для Мерттона "аномия" означала распад социальной культуры в обществе, когда происходит существенный разрыв между общими целями, установленными культурными парадигмами, и доступами к этим целям. Согласно Уитмеру, "аномия" — условие социальной нестабильности и дезинтеграции, при котором социальные нормы, контролирующие каждодневное поведение индивидов в обществе, утрачивают свою силу. Происходит это или в силу того, что нормы эти остаются без имплементации, или же потому, что они оказываются в противоречии с уже принятыми данной группой или классом нормами. Подобное поведение ведет к хаосу. Согласно Мак Айверу, "аномия" представляет разрушение у индивида связи с обществом.

Индустриализация и урбанизация также влияют на уровень аномии в обществе. Давно указывается, что быстрый переход от традиционно аграрного, архаического по своей структуре общества к капитализму приводит к усилению преступности. Дюркхайм указывал, что подобный переход приводит к резкому конфликту ценностей, ибо является переходом от общества коллективистского, основанного на принципе семейственности, к обществу индивидуалистическому, построенному на эгоизме и принципе конкуренции.

Далеко за примерами ходить не нужно. Так в Папуа — Новой Гвинее в последнее время отмечается резкий рост преступности, так что весной этого года в целях борьбы с нею в этой бывшей австралийской колонии была введена смертная казнь, а также татуировка лбов преступников. Согласно официальным представителям Папуа, преступность является ныне главной угрозой стабильности общества. Нынешняя волна преступности в Папуа — Новой Гвинее является следствием разрушения старой племенной структуры архаического общества вследствие урбанизации и индустриализации этой страны. Начало этого процесса можно отнести к середине семидесятых годов, когда Папуа получила независимость от Австралии (в 1975 году) и встала на путь модернизации (Liberation, 20.03.91). Интересно, что примерно то же самое наблюдается ныне в СССР.

В Советском Союзе распад традиционных общественных форм достаточно сложен. В первую очередь следует указать на распад традиционной деревни как следствие индустриализации и коллективизации. Бегство молодежи из деревни — феномен последних двадцати пяти или менее лет. Стоит указать и на роль советской армии, института, через который проходят ежегодно сотни тысяч молодых мужчин. Известно, что значительная часть выходцев из провинции, из сельской местности домой не возвращается. Следует также указать на феномен пригородов советских индустриальных центров, таких, как Москва, Ленинград, Киев. Во Франции, как мы знаем, пригороды сегодня представляют серьезную социальную про-

блему. При этом в Союзе практически Церковь пока еще не играет роль стабилизатора распада старых структур. Разрушение норм в советском обществе, обесценивание ценностей — процесс этот вступил в свою качественно новую фазу в конце шестидесятых годов и ныне достиг апогея, ибо в него втянуто большинство населения Советского Союза. Ныне массы советских граждан бомбардируются информацией, которая в корне поменяла их представления о жизни и которая прямо противоречит информации еще шестилетней давности.

³¹ Arlacchi, p.59.

³² Ibid., p.61.

³³ Time Magazine, 7.10.1991.

³⁴ Правда, 12.08.89.

³⁵ В Туркмении преступность в 1989 году возросла на 32,8%, а в столице Туркмении рост преступности достиг 55,3% за тот же период (Комсомолец Туркменистана, 6.07.89). В Казахстане за первые четыре месяца 1989 года преступность возросла на 31,5% (Казахстанская правда, 14.05.89). В Эстонии за первые три месяца 1989 года преступность возросла на 67% по сравнению с тем же периодом 1988 года. Из них только 4% приходятся на преступников, приезжающих из других республик (Молодежь Эстонии, 27.04.89). К этому следует добавить, что за первые четыре месяца 1989 года на 79,2 % увеличилось количество разбойных нападений. 20% всех преступлений совершено членами организованных групп (Соц. индустрия, 13.05.89). Число убийств на улицах возросло на 35,6%, а число тяжких телесных повреждений в общественных местах — на 67% (Человек и закон, 6/89).

³⁶ Liberation, 8.08.91.

³⁷ Советская молодежь (Рига), 28.06.91; Агитатор, № 13, 07.89; Социалистическая индустрия, № 110 (6001), 13.05.89.

³⁸ Duggan Cristopher. Fascism and Mafia. Yale University Press, 1988, p.107.

³⁹ Американская мафия, известная также как "Коза ностра", явилась продолжением таких преступных организаций, как "Черная рука" (не путать с испанской "Черной рукой") и "Сицилийский союз". Основная структура мафии сложилась в период сухого закона 20-х годов и стабилизировалась к 1931 году. К этому времени, после двухгодичной войны, вошедшей в историю как "массерио-маранзанская" или "кастелламареэская" война, различные "семьи" поделили сферы влияния и договорились о сотруничестве. (Подробнее об этом: Cressey D. Theft of the nation. Harper & Row, 1969, NY, p.37-47.)

⁴⁰ Arlacchi, p.192.

⁴¹ Liberation, Paris, 23.09.91.

⁴² Мафия всегда была организацией крайне реакционной. Интересы простых крестьян ее мало заботили. На Сицилии с усилением юнионистских и социалистических движений мафия выступила как противник либерализма. В 1894 году мафия открыто поддержала подавление крестьянских восстаний на острове.

⁴³ Duggan, p.100.

⁴⁴ Arlacchi, p.97.

⁴⁵ Ibid., p.99.

⁴⁶ les Echos. Paris, 19.02.91.

⁴⁷ Ленин В.И. ПСС, т.36, с. 206.

Содержание

Предисловие автора	3
Составляем фоторобот	9
Показания свидетеля: мэр Москвы Гавриил Попов	18
Кто привел Горбачева?	24
Показания свидетеля: Эдуард Шеварднадзе, бывший министр иностраннных дел и член Политбюро	37
Показания свидетеля: президент Грузии Звиад Гамсахурдиа	42
Послесловие к расстрелу	47
Показания свидетеля: Константин Майданюк, старший следователь по особо важным делам	64
Партия в период перестройки. Президент «под колпаком»	69

Показания свидетеля: генерал КГБ
Олег Калугин. Часть 1
81

Показания свидетеля: Елена Боннэр, вдова
академика Сахарова
84

Ненависть к собственной тени
89

Показания свидетеля: генерал КГБ
Олег Калугин. Часть 2
95

Зачем приходил Горбачев?
100

Антон Козлов
Послесловие. Метакоррупция. Уголовный генезис
партии большевиков
111

Примечания
134

Лев Тимофеев
Зачем приходил Горбачев?

Художественно-технический редактор
Людмила Комарова

Корректор
Наталья Худякова

Сдано в набор 26.02.92.
Подписано к печати 05.03.92.
Формат 60x84/16.
Гарнитура гельветика.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,64.
Заказ 125,

Независимое издательство ПИК.
Москва, 119843, Зубовский бульвар, 25.

Оригинал-макет изготовлен
в издательском центре СКБ ВС.
Москва, Ленинский проспект, 51.

ЖЕНЕВ

ЗАЧЕМ
ПРИХОДИЛ
ГОРБАЧЕВ